

Вопросы политической экономии

№ 1/2015 год

politec.su

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Бузгалин Александр Владимирович

главный редактор, д-р экон. наук,
профессор кафедры политической экономии
МГУ им. М. В. Ломоносова

Мамедов Октай Юсуфович

зам. главного редактора, д-р экон. наук,
профессор, зав. кафедрой политической
экономики и экономического политики эко-
номического факультета

Южного федерального университета

Рязанов Виктор Тимофеевич

зам. главного редактора, д-р экон. наук,
профессор, заведующий кафедрой эконо-
мической теории Санкт-Петербургского
государственного университета

Тарасевич Виктор Николаевич

зам. главного редактора, д-р экон. наук, про-
фессор, заведующий кафедрой политиче-
ской экономики Национальной металлурги-
ческой академии Украины (Днепропетровск)

Белов Вадим Геннадьевич

д-р экон. наук, профессор, президент Воль-
ного экономического общества Москвы

Воейков Михаил Илларионович

д-р экон. наук, профессор, заведующий сек-
тором Института экономики РАН

Гайсин Рафхат Сахиевич

д-р экон. наук, профессор, заведующий ка-
федрой политической экономии Российско-
го государственного аграрного университе-
та - МСХА имени К.А. Тимирязева

Колганов Андрей Иванович

д-р экон. наук, профессор, заведующий
лабораторией МГУ им. М.В. Ломоносова

Лемешенко Петр Сергеевич

д-р экон. наук, профессор, заведующий ка-
федрой теоретической и институциональ-
ной экономики Белорусского государствен-
ного университета (Минск)

Павлов Михаил Юрьевич

канд. экон. наук, доцент кафедры политиче-
ской экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

Пищулин Олег Владимирович

канд. экон. наук, вице-президент Вольного
экономического общества Москвы

Чекмарев Василий Владимирович

д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой
экономики Костромского государственного
университета им. Н.А. Некрасова

Цаголов Георгий Николаевич

д-р экон. наук, профессор Международного
университета в Москве

Хубиев Кайсын Азретович

д-р экон. наук, профессор кафедры полити-
ческой экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

Худокормов Александр Георгиевич

д-р экон. наук, профессор,
заведующий кафедрой истории народного
хозяйства и экономических учений
МГУ им. М. В. Ломоносова

Яковлева Наталья Геннадьевна

ответственный секретарь журнала,
канд. экон. наук, доцент, ведущий научный
сотрудник Института экономики РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

Алиев Урак Жолмурзаевич (Казахстан)

д-р экон. наук, профессор, вице-президент
Образовательной корпорации "Туран"

Гринберг Руслан Семенович (Россия)

д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН,
директор Института экономики РАН

Котч Дэвид (США)

профессор экономического факультета
Университета Массачусетс (Амхерст)

Лейн Дэвид (Англия)

академик Академии социальных наук
(Кембридж)

Матсас-Михаил Сампетай (Греция)

профессор Афинского национального
университета

Некипелов Александр Дмитриевич (Россия)

д-р экон. наук, профессор, академик РАН,
директор Московской школы экономики
МГУ им. М. В. Ломоносова

Пороховский Анатолий Александрович
(Россия)

д-р экон. наук, профессор, заведующий
кафедрой политической экономии
МГУ им. М. В. Ломоносова

Самир Амин (Египет)

директор Форума третьего мира

Чен Энфу (Китай)

профессор, президент Академии марксизма
Китайской академии общественных наук,
председатель Всемирной ассоциации поли-
тической экономии

СОДЕРЖАНИЕ

6 Возвращение политической экономии (редакционная статья)

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

8 Бузгалин Александр Владимирович

Классическая политэкономия: путь в университеты

В статье раскрываются причины, по которым в настоящее время становится особенно важным обращение к современной версии классической политической экономии. Среди них — существенные изменения в природе технологий, экономических институтов, содержании труда, обуславливающие необходимость в первую очередь качественного анализа, обращенного к содержанию производственных отношений, то есть именно политэкономическому исследованию. Показана ограниченность возможностей неоклассической экономической теории в исследовании основных фундаментальных проблем современной экономики и важность дополнения преподавания *economic*s преподаванием политической экономии.

24 Воейков Михаил Илларионович

Рыночный фундаментализм и новая волна вульгаризации в экономической науке

В статье рассматриваются некоторые положения западной экономической теории, которые можно трактовать как вульгарную политическую экономию. Показывается, что советские экономисты давно указывали на научную несостоятельность этих положений. К сожалению, эти вульгаризмы сегодня широко присутствуют в нашей учебной литературе. Поэтому необходимо обратиться к достижениям советской экономической науки для замещения вульгарных заимствований.

38 Мамедов Октай Юсуфович

Десять классических принципов политико-экономического анализа

Автор вводит понятие «классические принципы политико-экономического анализа», жестко разграничивая гносеологический и инструментальный аспекты аналитической деятельности. Основное внимание в статье уделено базовым элементам научной политико-экономической гносеологии: принципам объективности экономических процессов, сочетания исторического и логического, диалектике общего и особенного, конкретного и абстрактного; системному подходу, противоречивости как источнику самодвижения экономики, динамизму как особому методологическому принципу, принципам примата производства, превращенности и овещественности экономических отношений. Автор приходит к выводу о том, что знание методологии еще не гарантирует научного уровня познания, зато незнание методологии, игнорирование ее эвристического потенциала способно серьезно затруднить и умножить муки познания.

48 Рязанов Виктор Тимофеевич

Капитализм и кризисы: становление и развитие политико-экономического подхода

Статья посвящена истории разработки теории экономических кризисов при капитализме. Выделяются два направления в развитии экономической науки. Одно направление представляют научные школы, отрицающие объективные основания кризисов перепроизводства в рыночной экономике и разрабатывающие модели бескризисного развития. Противоположного направления придерживаются научные школы, которые признают наличие объективных причин кризисов, что имеет практическое значение для выработки эффективных антикризисных мер. Обосновывается необходимость актуализации политэкономического подхода к анализу кризисных процессов в современном капитализме. Его реализация предопределяет особое внимание к разным версиям возникновения перенакопления капитала, что сыграло ключевую роль в зарождении мирового кризиса 2008–2009 годов.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

64 Благих Иван Алексеевич

Из истории учебных курсов по политической экономии дореволюционной России: особенности построения и содержания

В статье проанализировано построение и содержание наиболее известных и популярных учебных курсов по политической экономии дореволюционной России. На этой основе показаны особенности отечественной практики экономического образования, представлена эволюция взглядов на цели и задачи обучения теории политэкономии, раскрыта взаимосвязь и взаимовлияние политической экономии как науки и как учебной дисциплины.

СОДЕРЖАНИЕ

73 Гловели Георгий Джемалович

Исторические лабиринты политической экономии: заметки по поводу неочевидного юбилея

Анализ исторических и научных контекстов генезиса и эволюции политической экономии в связи с четырехсотлетним юбилеем термина «политическая экономия». Статья прослеживает происхождение политической экономии в результате формирования капиталистической мир-системы и соперничества за гегемонию в мир-системном ядре.

82 Цаголов Георгий Николаевич

Неугасающие звезды

Н. А. Цаголов, С. М. Меньшиков и С. С. Дзарасов: вклад в отечественную политическую экономию.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: РОССИЯ, ЕВРАЗИЯ, МИР

99 Колганов Андрей Иванович

Экономика России 2000-х: проблемы воспроизводства в экономической системе периферийного капитализма

Выбор стратегии развития экономики России не является лишь следствием тех или иных решений, принимаемых на уровне экономической политики. На этот выбор определяющее влияние оказывают базовые экономические структуры, макроэкономическая ситуация, институциональная система, социальные отношения и процессы, характерные для России, система производственных отношений которой обладает чертами, свойственными модели периферийного капитализма. Поэтому в российской экономике одновременно складываются как потенциальная необходимость модернизации, так и барьеры на ее пути, создаваемые структурой экономических интересов, формируемой нынешней российской моделью производственных отношений капитализма. В результате страдает качество экономических институтов, искажается структура экономики, не радуют социальные результаты, не создается достаточных предпосылок для эффективного использования человеческого потенциала развития.

116 Тарасевич Виктор Николаевич

Государственный капитализм и развитие национальной экономики

Рассмотрены государственно-капиталистические предпосылки развития национальной экономики. Обоснован поступательно-циклический характер эволюции госкапитализма и его ведущая роль в модернизации экономики и реализации стратегических инноваций. Внимание акцентировано на антиинновационности смешанного частнокапиталистического властно-собственнического присвоения в условиях маргинализации госкапитализма. Обозначены некоторые направления и мероприятия по инновационно и социально ориентированной госкапитализации национальной экономики.

ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ: ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

129 Бузгалин Александр Владимирович, Колганов Андрей Иванович

Классическая политическая экономия (Classic Political Economy): авторская программа курса

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ

133 Кристель Лейн

Рецензия на книгу «Капитал в XXI веке» Томаса Пикетти

136 Эпштейн Давид Беркович

Эссе о Перформансе по поводу книги «Глобальный капитал» (о презентации книги А. В. Бузгалина и А. И. Колганова «Глобальный капитал» 29 октября и 1 декабря 2014 года)

CONTENTS

6 Return of the Political Economy (editorial)

POLITICAL-ECONOMIC STUDIES

8 Buzgalin A. V.

Classical political economy: the way in universities

In the article the reasons that make especially important the applying to the modern version of the classical political economy at the present time are revealed. Among these reasons author distinguishes fundamental changes in the nature of technologies and economic institutes and also in the content of labor, that determine the necessity of the qualitative analysis of the production relations' content, i.e. the political economy research exactly, because such qualitative analysis is the subject of the political economy. Limitation of the neoclassical economic theory' potential in the investigation of the main fundamental problems of modern economy is shown. Also the importance of the supplementing the teaching economics with the teaching political economy is argued.

24 Voeikov M. I.

Market fundamentalism and a new wave of vulgarization in economics

This article discusses some of the statements of the Western economic theory, which can be interpreted as vulgar political economy. It is shown that Soviet economists have long pointed to the failure of these scientific positions. Unfortunately, these vulgar statements now widely present in our textbooks. It is therefore necessary to turn to the achievements of Soviet economic science to replace vulgar borrowing.

38 Mamedov O. U.

Ten principles of classical political-economic analysis

The author introduces the concept of classical principles of political and economic analysis clearly distinguishing the epistemological and instrumental aspects of analytical activities. Particular attention is paid to the basic elements of scientific political and economic epistemology, including the principles of economic processes' objectivity, combination of historical and logical, dialectic of the general and particular, concrete and abstract, as well as to the system approach, contradictoriness as a source of economy's self-motion, dynamism as a special methodological principle, the principles of the primacy of production, the transformation and reification of economic relations. The author concludes that methodological knowledge does not implies the scientific depth of knowledge. However, lack of methodological knowledge, neglect of its heuristic potential are able to increase difficulties of knowledge acquiring.

48 Ryazanov V. T.

Capitalism and the crises: formation and the development of the political- economic approach

Article is dedicated to the history of the development of the theory of economic crises with capitalism. Two directions in the development of economic science are separated. One direction represent the scientific schools, which deny the objective bases of the crises of overproduction in the market economy and the developing models crisis-free developments. Opposite direction adhere to the scientific schools, which recognize the presence of the objective reasons for crises that is of practical use for producing the effective anti-crisis actions. The need for the updating of politico-economic approach to the analysis of crisis processes in contemporary capitalism bases. Its realization predetermines special attention to the different versions of the appearance of accumulation of capital, which played the key role in the origin of the world crisis of 2008-2009.

HISTORICAL AND ECONOMIC RESEARCH

64 Blagikh I. A.

From the history of teaching courses on the political economy of pre-revolutionary Russia: peculiarities of construction and maintenance

The article analyzes the construction and maintenance of the most famous and popular training courses on the political economy of pre-revolutionary Russia. On this basis shows the features of the domestic practice of economic education, presents the evolution of views on the goals and objectives of study the theory of political economy, disclosed the relationship and mutual influence of political economy as a science and as an academic discipline.

CONTENTS

73 Gloveli G. J.

Historical labyrinthes of political economy: Notes in an connection with inevident jubilee

An analysis historical and scientific contexts of the genesis and evolution of the political economy in a connection with fourth centenary of the term "political economy". The article retraces the origin of the political economy as a result of formation of the capitalist world-system and rivalry for hegemony within the world-system core.

82 Tsagolov G. N.

Enduring stars

The paper discusses the contribution of N.A. Tsagalov, S.M. Menshikov and S.S. Dzarasov in the domestic political economy.

POLITICAL ECONOMY AND ECONOMIC POLICY: RUSSIA, EURASIA, THE WORLD

99 Kolganov A. I.

Russian economy of 2000s: reproduction problems in the economic system of peripheral capitalism

The choice of the development strategy of the Russian economy is not only a consequence of various decisions taken at the level of economic policy. Basic economic structures determine the influence on this choice, the macroeconomic situation, institutional framework, social relations and processes typical for Russia, the system of industrial relations which has features characteristic of the model of peripheral capitalism. Therefore, in the Russian economy at the same time both potential need for modernization and barriers in its way are added, to create structures of economic interests, formed the current Russian model of production relations of capitalism. As a result, quality of economic institutions suffers, the structure of the economy distorts, and social outcomes are not encouraging, sufficient prerequisites for effective uses of human resources development are not created.

116 Tarasevich V. N.

The state capitalism and development of national economy

The state-capitalist preconditions of development of national economy are described. The forward-cyclic character of evolution state capitalism and its principal role to modernization of economy and realization of strategic innovations is based. The attention is concentrated to anti innovation features of mixed private capitalist power-ownership appropriation in conditions of marginal state capitalism. Some directions and measures to innovation and social orientation of state capitalism of national economy.

TEACHING OF POLITICAL ECONOMY: DISCUSSION FORUM

129 Buzgalin A. V., Kolganov A. I.

Classical political economy: the author's program of the course

REVIEWS AND LITERATURE REVIEWS

133 Lane C.

Review of the book "Capital in the XXI Century" by Thomas Piketty

136 Epstein D. B.

Essay on the performance on the book "Global Capital" Describes the presentation by A.V. Buzgalin and A.I. Kolganov "Global Capital" on October 29 (Lomonosov Moscow State University) and December 1, 2014 (St. Petersburg State University).

Возвращение политической экономии (редакционная статья)

Уважаемые коллеги!

В год 400-летия выхода сочинения Антуана Монкретьена «Трактат политической экономии» журнал «Вопросы политической экономии» (ВПЭ) активизирует стремление привлечь новую аудиторию, улучшить узнаваемость журнала и расширить его возможности как серьезного научного издания.

Решение о создании журнала ВПЭ было принято после образования в апреле 2011 г. Международной политэкономической ассоциации стран постсоветского пространства (МПЭА) в статусе ее научно-теоретического органа. Первоначально журнал издавался в качестве электронного (сетевого) ресурса (<http://vopoliteco.ucoz.com>). В 2012–2014 гг. в сети Интернет было размещено 12 номеров в открытом доступе. Издателем журнала выступала кафедра политической экономии Национальной металлургической академии (Днепропетровск, Украина), заведующим которой является д-р экон. наук, проф. В. Н. Тарасевич.

Изначально миссия нашего журнала заключалась в создании своего независимого издательского центра, который позволил бы консолидировать научные силы, ориентированные на возрождение традиций классической политической экономии, их продвижение и развитие. Его миссия и цели остаются прежними — стать центром притяжения последователей научной школы современной политической экономии, местом проведения дискуссий и конструктивного диалога, поиска ответа на актуальные и сложные вопросы, которые возникают в жизни общества. Одновременно задача журнала видится также в популяризации места и роли политической экономии в истории и развитии экономической науки, полученных ее научных открытий и результатов, что особенно важно для привлечения новых научных сил.

Вместе с тем принципиальной особенностью нашего журнала является углубленное внимание к истории, причем как объективных социально-экономических процес-

сов, так и их исследований. Исторический взгляд на социально-экономический процесс и науку, его изучающую — такова принципиальная установка редколлегии журнала.

Вполне понятно, что с учетом научно-теоретической направленности нашего журнала приоритетом для нас является публикация статей и материалов, которые нацелены на качественное и углубленное развитие политэкономических исследований. Но при этом для нас останется принципиально актуальной установка: не только показать значение нашей школы, но и реализовывать большой исследовательский потенциал политэкономии в области исследования путей решения острых проблем современности. Мы будем стремиться показать и обосновать необходимость переориентации экономики на обеспечение приоритетного развития человеческих качеств и социально-экологических ценностей, развития гуманистической составляющей в экономической культуре и проводимой политике.

В силу этого наш журнал останется принципиально междисциплинарным, приглашающим к участию в нашей совместной работе не только экономистов, но и философов, социологов, политологов и ученых других специальностей.

Особенно важным для нас было, есть и будет проведение линии на активное содействие расширению и совершенствованию процесса преподавания политической экономии, которая в настоящее время почти вытеснена из учебных программ, что крайне негативно сказывается на уровне и качестве фундаментальной подготовки специалистов. Для решения этой задачи наш журнал планирует интенсифицировать публикацию уже существующих программ и учебно-методических комплексов по различным политэкономическим курсам, активизировать дискуссии по проблемам изменения структуры учебных курсов по экономической теории в университетах и школах нашей страны.

Наш журнал выступает в качестве научно-теоретического органа МПЭА стран

постсоветского пространства, что особенно важно с учетом того, что наши экономики сталкиваются с близкими проблемами и противоречиями, вызовами и задачами развития, которые превращают их в достаточно своеобразный общественно-хозяйственный объект.

Вместе с тем ориентация на исследование теории и практики развития стран СНГ не исключает важности анализа фундаментальных проблем мирового экономического развития, острота которых нашла подтверждение в мировом кризисе 2008–2009 гг. и в трудностях посткризисного восстановления. Современная политическая экономия располагает методологическим и теоретическим потенциалом для решения как глобальных, так и специфически национальных проблем социально-экономического развития, для выработки стратегических рекомендаций в области экономической политики. «Вопросы политической экономии» принципиально открыты для широкой международной научной кооперации. Как и наша ассоциация, мы ведем и будем вести научный диалог с политэкономами стран Восточной и Западной Европы, Китая, Индии и других стран Азии, Северной и Латинской Америки. Мы уверены, что «Вопросы политической экономии» станут важной площадкой для плодотворного сотрудничества и обмена опытом ученых наших стран.

Научно-теоретическая направленность нашего журнала не исключает возможности публикации статей, дискуссионных и критических материалов, представляющих разные научные школы, как близких к традициям политической экономии, так и ей оппонировующих. Главное, чтобы они были содержательны и качественны, способствовали развитию экономического знания.

И последнее. Возрождающийся и растущий интерес к политической экономии в мире и в странах СНГ лучшим образом можно закрепить, если журнал сможет предложить оригинальные и качественные статьи, продвигающие ее научно-теоретические основы и предлагающие полезные инициативы и рекомендации для наших стран.

Политической экономии есть что сказать и предложить исследователям, преподавателям, студентам, эконом-политикам наших стран!

* * *

Учитывая стоящие перед всеми нами задачи, мы приглашаем к диалогу ученых разных стран и школ, представителей разных поколений — всех тех, кому небезразличны судьбы классической политэкономии, ее современных течений и направлений.

Наш журнал планируется включить в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (ВАК), а также в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); в соответствии с этим будут предъявляться жесткие требования к качеству и оформлению предлагаемых материалов.

В рамках журнала мы планируем и далее публиковать:

- фундаментальные теоретические и методологические исследования в области политической экономии;
- работы, соединяющие теоретические исследования в области политической экономии с анализом проблем практики и рекомендациями по экономической политике;
- исследования в области истории экономической жизни и экономической мысли;
- материалы, содействующие развитию преподавания политической экономии (программы курсов и учебно-методические комплексы);
- дискуссионные статьи, специально ориентированные на полемику с опубликованными материалами;
- фрагменты произведений великих политэкономов, чьи тексты вошли в сокровищницу мировой экономической мысли;
- рефераты, обзоры и рецензии наиболее значимых политэкономических работ, публикуемых как на русском, так и на других языках;
- творческие исследовательские работы молодых ученых и студентов, и др.

Редакционная коллегия

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Классическая политэкономия: путь в университеты

Бузгалин Александр Владимирович

д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономики МГУ имени М. В. Ломоносова
buzgalin@mail.ru

Ключевые слова: политическая экономия, неоклассическая экономическая теория, преподавание экономической теории, марксизм.

Keywords: political economy, neoclassical economic theory, teaching economic theory, Marxism.

Экономическая теория последней четверти века ознаменовалась многими интересными подвижками, среди которых мы хотели бы выделить три, посвятив им прелюдию к нашей статье, призванную показать значимость выбранной автором проблемы¹⁾.

Почему политическая экономия?

Почему сейчас?

(Прелюдия)

Первая подвижка — все большее внимание к масштабным историческим и социопрограммным сдвигам, происходящим на наших глазах. И теоретики, и практики все больше убеждаются, что «конец истории» не состоялся, и в мире начинаются существенные изменения, которые не описываются при помощи модификаций и усложнения моделей функционирования рыночной экономики. Дискурс «история» стучится в двери экономической науки.

Вторая — широко известный феномен растущего «экономического империализма». Его экспансия едва ли не очевидна: сошлемся хотя бы на то, что все больше нобелевских лауреатов получает премии по экономике за исследование не собственно экономических объектов. И это выглядит как новое торжество неоклассики. Парадокс, однако, состоит в том, что сам

феномен «экономического империализма», на наш взгляд, все более становится своеобразным «доказательством от обратного» того, что экономическая теория должна рассматривать не только функционирование рынка, рыночные трансакции и «провалы рынка», но и некоторые другие, выходящие «по ту сторону» традиционной проблематики, явления. Так, размышления о критериях успешности экономического развития привели к появлению «экономики счастья», исследование «человеческого капитала» — к «открытию» долгосрочных альтруистических потребностей, обращение к феномену «социального капитала» привело к выделению отношений солидарности как важного фактора экономического прогресса, а теоретики нового институционализма всерьез анализируют не только рыночные способы взаимодействия экономических акторов даже там, где нет государственного «вмешательства»...

Третья подвижка — своеобразное «возвращение» классической политической экономии. Для большинства представителей «основного течения» экономической науки оно оказалось мало заметно. Да, в период мирового экономического и финансового кризиса резко возрос интерес к «Капиталу» К. Маркса, но что из того? Кризис если и не преодолен до конца, то для большинства стран остался в прошлом, как и интерес к марксистскому экономическому наследию...

¹⁾ Автор выражает благодарность О. Барашкову за помощь в работе над подготовкой материала к публикации.

Все, однако, далеко не столь однозначно. Более того, анализ сначала постиндустриальной экономики, а затем императивов реиндустриализации заставил сперва зарубежных, а затем отечественных авторов обратить внимание на необходимость включения в сферу исследования экономической теории процессов производства (причем не только в его роли предпосылки обмена), а серьезные общественные противоречия все чаще заставляют обращаться к проблеме реального исследования объективных экономических отношений и взаимодействий общественных социальных сил, выступающих как целое, противоречий социально-экономических отношений больших социально-экономических общностей, уходя от принципа методологического индивидуализма и продвигаясь в сферу других методов исследования и другого категориального аппарата, нежели тот, что характерен для так называемого «твердого ядра» микроэкономики.

Все эти подвижки не случайны. Как мы уже не раз писали, современная экономика (мы бы сказали — экономическая система позднего капитализма) характеризуется двумя противоположными трендами. Один — тотальная экспансия рынка и капитала во все сферы жизни общества, в том числе и те, что лежат вне производства и обмена товаров и услуг в их традиционном понимании — в сферу межличностных отношений, свободного времени и т. п. Второй — развитие социально-экономических отношений, не сводимых к рынку и его «провалам».

Оба этих феномена заставляют сделать шаг «по ту сторону» «рыночноцентричной» модели экономической теории. Кроме того, присутствует и еще одно — историко-пространственное — измерение всех этих процессов, о чем мы упомянули выше.

И экономическая наука начала постепенно отвечать на эти объективные вызовы. Но делает это опять же противоречиво. В большинстве случаев используется традиционный для начальной стадии исследования прием редукционизма: новая роль человека в экономике объявляется человеческим капиталом, для исследования поисков счастья используется тот же теоретический аппарат, что для максимизации прибыли, и т. д., и т. п.

Между тем была, есть и продолжает развиваться гетеродоксальная экономическая теория, которая позволяет исследо-

вать все эти явления при помощи адекватных им методов, языка, категориального аппарата... Это пространство экономической теории многообразно и представлено разными течениями (от классической политэкономии марксизма до посткейнсианства, включая классический институционализм и др.), во многом близкими друг к другу и в той или иной степени переплетающимися с ортодоксальной экономической теорией, но «твердым ядром» неоклассики являются методология и категориальный аппарат, вырастающие из марксизма.

На важность обращения к этому «твердому ядру» (в его современном виде) для решения проблем не только экономико-политических практик, но и теоретического экономического образования, мы хотели бы обратить внимание в этом тексте, претендуя скорее на постановку вопросов, нежели на их окончательное решение.

1. Неоклассика многое унаследовала из классической политической экономии, став теоретическим отражением превратных форм капиталистического мира

Ныне принято «забывать», что современный *economics* и его микроэкономические теоретические основания (теория предельной полезности, предельной производительности, вырастающие из них теории человека и его поведения, фирмы, денег и т. п.) явились одновременно и продолжением, и отрицанием классической политической экономии, прежде всего — работ Адама Смита. Что касается Рикардо и, особенно, Маркса, то неоклассика, как правило, воспринимается как нечто абсолютное не связанное с этим направлением экономической мысли.

Это утверждение правомерно лишь в определенном отношении. Действительно, все базовые положения марксистской политической экономии в неоклассике отрицаются. Это касается как предмета и метода, так и самой теории.

В первом случае неоклассика отказалась от исследования объективных экономических закономерностей (но в итоге пришла к формулировке целого ряда теоретических выводов, используемых именно как отражение законов «рыночной экономики» и частично позаимствованных из классической

политической экономии) и от претензий на создание системы категорий, диалектически, на основе восхождения от абстрактного к конкретному, отражающих систему производственных отношений (но пришла к набору жестких формул, воспроизводимых как аксиомы во всех работах, основанных на «твердом ядре» микроэкономики).

Во втором случае неоклассика выступила с теоретическими альтернативами трудовой теории стоимости, теории капитала и эксплуатации и др.

Однако многое из классики (в том числе, как ни странно, марксизма) в неоклассику вошло, хотя и без каких-либо упоминаний (во всяком случае, в современных работах) о позаимствованных у оппонентов тезисах.

Выделим лишь некоторые из таких положений.

Исходная категория марксистской политической экономии капитализма — товар — предполагает единство стоимости и потребительной стоимости. Последняя есть способность вещи удовлетворять потребность другого (нежели производитель) лица, то есть, говоря современным языком, полезность вещи для покупателя. Сие есть исходный пункт любой теории полезности. Далее, неоклассика, естественно, не обходится без опоры на категорию издержек, которые в конечном счете оказываются ничем иным, как суммой затрат живого и овещенного труда. В конечном итоге оказывается, что в основе неоклассической теории цены лежит соотношение трудозатрат и полезности. Вспомнив, что при анализе формы стоимости (о котором «забывает» большинство критиков марксизма) в «Капитале» утверждается, что единственным зеркалом, в котором может отразиться стоимость товара А, является потребительная стоимость (т. е. полезность) товара Б, легко понять, что в основе неоклассики лежат во многом те же аксиомы, что и в основе марксизма. И это не случайно: их диктует практика. Другое дело, что из этих базовых понятий далее делаются прямо противоположные выводы...

Продолжим. Еще одним кажущимся парадоксом выглядит совершенно неслучайное совпадение сущностных определений рыночной экономики в классической политической экономии и неоклассике.

При всем том, что рынок в рамках последней парадигмы определяется крайне разнообразно и во многих случаях предельно общо, так что он вообще совпадает

с любой системой обмена благами (в последнем случае и феодальное натуральное хозяйство, и экономика СССР оказываются всего лишь особыми видами рынка), в ядре неоклассики заложено довольно четкое понимание того, что есть рынок. Достаточно поставить перед неолиберальным экспертом вопрос о переходе к прямому продуктообмену или об увеличении бесплатного для потребителя распределения благ (например, в сфере образования или здравоохранения), или о введении директивного планирования, или хотя бы об ограничении свободного движения товаров и капиталов, как он тут же возразит — эти меры, скажет он, ведут к ограничению или даже подрыву рыночных отношений, и...

...будет прав. Ибо де факто он исходит из того, что атрибутами рынка являются общественное разделение труда и обособленность производителей. Уберите первое, и вы получите натуральное, до-рыночное хозяйство. Уберите (или хотя бы ограничьте) второе, и вы окажетесь в мире сознательного регулирования экономики, чего всячески стремятся не допустить последовательные сторонники свободной рыночной экономики.

Как ни странно, но марксисты в этом с ними абсолютно солидарны. Более того, восходящее еще к Смиту и Рикардо, но развитое прежде всего Карлом Марксом понимание сущности товарного производства зиждется именно на этом строгом диалектическом определении экономического пространства-времени, формой которого является рынок. Диалектическое единство общественного разделения труда, делающего труд производителей общественным, и обособленности производителей, делающей труд частным, и есть основа противоречия и единства труда абстрактного и конкретного, стоимости и потребительной стоимости, составляющих две неразрывных стороны товара — «клеточки» системы отношений товарного производства, называемой в неоклассике «рынком».

В этом смысле последовательные сторонники свободного рынка — наиболее жесткие и последовательные неоклассики — неявно, но методично пользуются именно марксистским, а не неким расплывчато-неопределенным, из «здорового смысла» почерпнутым определением рынка.

Другое дело, что марксисты, исходя из этого определения сущности товарного

производства, делают вывод о его историческом характере, показывая причины и природу его генезиса и подрыва, его прогрессивную и регрессивную роль и т.п., а неоклассики останавливаются на констатации когда-то справедливого положения о прогрессивности (по сравнению с натуральным хозяйством) «рынка», и далее превращают последний в вечный, «естественный» и единственно эффективный способ экономической организации.

Более того, логика «Капитала», снимающая достижения предшествующей классической политэкономии, далее выводит (не постулирует, а именно выводит, проверяя теорию практикой) целый ряд других атрибутов товарного производства, также включенных неоклассикой в свой теоретический арсенал.

Выделим лишь один из них — теорию товарного фетишизма. В рамках этого небольшого раздела К. Маркс критически развивает идею Адама Смита о так называемом «экономическом человеке», показывая, что стремление к максимизации стоимостного богатства (товаров, денег) есть не некая «естественная», вечная и от бога или от незыблемой природы человека идущая страсть, а результат господства определенного типа производственных отношений — отношений товарного производства, формирующего именно этот тип человека, его ценностей и мотивов. Соответственно, другая система экономических отношений формирует другой тип человека, примеры чему знала и знает история общественной жизни. Это простое, но принципиально важное теоретическое положение, относящееся к азбуке марксизма XIX века, неоклассика в лице лишь некоторых своих представителей и в крайне усеченном виде «открыла» только в конце XX столетия, когда появились теории «социального» и т.п. капитала и признание того, что человек и в долгосрочной перспективе может максимизировать не только свой частный доход, и что это надо учитывать в экономической теории.

Продолжая логику «Капитала», укажем на теорию денег, где К. Марксом были показаны не только их сущность и функции (теоретический багаж, утерянный неоклассикой, причем совершенно напрасно: он очень актуален в свете анализа противоречий современных виртуальных денег и финансовых пузырей, ибо позволяет показать причины возникновения последних и пути

их снятия), но и количественная сторона. Знаменитое «уравнение Фишера», как хорошо известно, есть не более чем заимствование (причем с упрощениями) формулы количества денег в обращении, выведенной (а не постулированной, как у Фишера) в 3 главе I тома «Капитала».

К сожалению, формат статьи не оставляет автору возможности показать целый ряд других заимствований из классиков, имеющих у неоклассиков. Ограничусь лишь упоминанием основных. Категории безработицы, ее форм и видов; издержек, включая важные классификации издержек обращения; заработной платы как превратной формы, создающей видимость платы за труд, и ее форм; прибыли как превратной формы, создающей видимость ее создания капиталом, а не наемным работником, и нормы прибыли; специфики ссудного капитала, включая выделение капитала-собственности и капитала-функции (а это фундаментальная основа неоклассической проблемы отношений «принципал-агент» и теории «революции управляющих»); самоотрицания капитала внутри капиталистического способа производства вследствие развития акционерного капитала (исходный пункт так называемой «диффузии собственности» и «посткапитализма») и мн. др.

И это только некоторые положения «Капитала». Между тем и в XX веке, и в последние десятилетия появилось немало фундаментальных работ, развивающих традиции классической политической экономии и давших немало импульсов для развития теории монополистического и финансового капитала, государственного регулирования экономики, социальных ограничений рынка, глобализации и мн. др., что также в той или иной мере было воспринято «основным течением» экономической теории.

Подчеркну: дело здесь не в уточнении приоритетов. Наука всегда развивается через снятие предшествующих достижений, и то, что многие из нынешних неоклассиков являются «Иванами, родства не помнящими», есть следствие не столько их злого умысла (коего у них, скорее всего, нет), сколько пугающего всякого настоящего ученого патологического безразличия большинства представителей этого течения к фундаментальным основам своей теории, методологии теоретико-экономических исследований и истории мысли.

Дело в другом и гораздо более важном обстоятельстве. «Забвение» (а точнее — игнорирование) классических основ, легших в основу современной экономической теории, в том числе — неоклассической, и их игнорирование как в исследовательской деятельности, так и — что особенно тревожно — в процессе преподавания, ведет к потере огромного пласта знаний, абсолютно необходимых для понимания закономерностей эво/ин-волюции современной мировой и российской экономики, и провоцированию теоретико-образовательных лакун, ведущих к очень опасным ошибкам в деятельности эконом-политиков.

Автор этих строк, в отличие от иных мировых авторитетов, не считает, что президенты и министры делают то, чему их научили их университетские профессора. Практика доказывает: эконом-политики делают то, что соответствует интересам правящего политико-экономического класса. Но, тем не менее, фундаментальное политико-экономическое образование способно влиять на общественное мнение, которое, в свою очередь, способно формировать общественный запрос на иную экономическую политику. А этот запрос, в конечном итоге, может как минимум ограничивать аппетиты правящего класса, как максимум — приводить к его замене...

Так мы вплотную подходим к ключевой проблеме нашего текста: ответ на какие вопросы экономической жизни дает классическая политэкономия и ее современные разработки?

2. Что позволяет изучить классическая политическая экономия

Во-первых, классическая политическая экономия позволяет (я бы даже сказал жестче — требует!) ставить вопросы там, где неоклассика видит готовые и вечно-истинные решения. Приведу лишь один пример. Для классической политэкономии одной из интереснейших является проблема (1) генезиса и (2) отмирания рынка. Для неоклассики оба аспекта проблемой не являются. Есть некоторая аксиома: рынок есть единственно эффективная форма аллокации ресурсов. У него существуют некоторые «провалы», которые восполняет государство и которые надо сводить к минимуму.

Так формируется то, что автор этих строк совместно с А. И. Колгановым на-

звал «рыночноцентризмом экономической теории».

По-видимому, читатель уже догадался, что автор в данном случае должен будет использовать параллель с птолемеевой геоцентрической моделью Вселенной. В самом деле, давайте задумаемся, почему вплоть до XV–XVII веков (а в России для [неграмотного] большинства населения аж до начала XX века) геоцентрическая модель оставалась абсолютно господствующей? Потому, что ее противников отправляли на костер? Да, и это тоже правда. Но решение проблемы лежит в другой плоскости. Для феодальной (основанной на натуральном хозяйстве и крепостничестве) экономики, сословно-иерархической «политики» и догматически религиозной духовной жизни любая иная теория мироустройства была (1) не нужна и (2) опасна (опасна угрозой теоретической критики сложившегося миропорядка, являющейся, как правило, прологом практического изменения последнего). Именно практика той эпохи, требовавшая локальной, привязанной к общине-поместью-приходу, замкнутой, движущейся в рамках природного цикла традиционной жизни, превращала [ложную] птолемеевскую модель в необходимую и достаточную теоретическую предпосылку тогдашнего мира, а [истинную] систему Коперника—Галилея—Бруно делала ненужной и опасной. Однако гелиоцентрическая теория, наука и истина были нужны для иной практики — практики разрушения феодального мира — замкнутого социально-экономического пространства, кругового социально-экономического времени, тоталитарно-догматической идеологии...

Конечно, аналогия — не доказательство, но она вполне может послужить прологом и иллюстрацией к доказательству.

В принципе, сходная ситуация вновь наблюдается сегодня в экономической теории. Вновь — ибо XXI век повторяет (причем во многом в фарсовом виде) ситуацию казавшегося всеобщим и вечным господства рыночно-буржуазного строя позапрошлого столетия. Тогда для окончательной победы, а сейчас для самосохранения и консервации этой системы была не нужна и опасна всякая иная, кроме «рыночноцентричной», экономическая теория.

Во-первых, для экономических субъектов, практически (а не только идейно) сращенных с рыночной системой (некритично подчиненных товарному, денежному и т. п.

фетишизму²⁾), иная теория и не нужна. Их практическая экономическая жизнь сведена к набору решений, где критерием является максимизация денежного богатства и его производных в кратко- и/или долгосрочном периоде и, соответственно, им нужна лишь четко привязанная к этим практическим задачам наука. И «рыночноцентричная» теория в принципе справляется с решением этих задач.

Более того, во-вторых, эта теория оберегает этих субъектов от любых лишних, опасно критических постановок и вопросов, указывающих на наличие других, не рыночных миров. Она теоретически «доказывает» (как это в свое время делали отцы церкви, защищая постулаты Птолемея), что иного мира нет, вроде бы как бы и не было (раз уж о не-рыночном производстве, распределении и потреблении упорно «забывает» теория, то простым смертным и подавно о них знать не следует) и уж точно никогда не будет. Аминь.

Наконец, в-третьих, любая теоретическая школа, указывающая на то, что рынок не есть единственно-возможное устройство жизни, опасна, как была опасна в свое время гелиоцентрическая модель строения Вселенной: и в том, и в другом случае правящие силы отторгают вредное для них знание (правда, критиков рыночноцентричной парадигмы пока еще — тьфу-тьфу-тьфу — не ташат на костер). Для сохранения господства глобальной гегемонии капитала и «рыночного фундаментализма» (напомним, это термин Дж. Сороса) опасна активная пропаганда теоретических представлений, показывающих, например, что рынок как экономическая система, обслуживающая большую часть транзакций большей части человечества, окончательно победил только в... начале XX века. До этого же человечество много столетий мучительно пыталось перейти к рынку и капиталу, заплатив за это ценой кровопролитнейших революций и войн (чего стоит хотя бы самая кровавая война XIX века — между Севером и Югом в США, да и Первую мировую войну явно не большевики развязали), колониального угнетения и т. п. (В скобках

заметим: *economics* вообще «видит» только развитые системы, а то и исключительно американскую экономику, оставляя на долю особых дисциплин, лежащих «по ту сторону» собственно экономической теории, — компаративистики и экономики развития — хозяйственную жизнь 4/5 человечества³⁾.)

Еще более опасен тривиальный вопрос: если рынок есть особая форма координации, одна из многих исторически существовавших форм распределения ресурсов, если он когда-то (как господствующая форма — всего лишь сто-двести лет назад) возник, то это означает, что рыночная экономика — не более, чем исторически ограниченная, имеющая не только начало, но и конец, экономическая система? И уж совсем вредоносным станет серьезный теоретический анализ (к тому же анализ самокритичный, указывающий на собственные ошибки и грехи апологетики) реальных ростков реальных пострыночных и посткапиталистических отношений⁴⁾.

Этот анализ опасен не только тем, что пробуждает излишнюю (для подчиненных без остатка рынку мешанина-потребителя и мешанина-бизнесмена) пылливость ума и вредные вопросы, но, прежде всего, тем, что показывает:

- историчность рыночной экономики как системы, когда-то возникшей и — как все исторические системы — когда-то долженствующей перерасти в другую экономическую систему (возможно, если следовать букве и духу марксизма, состоявшейся «всего лишь» базис для постэкономического «царства свободы»);
- реальные противоречия рыночно-капиталистической экономики, обуславливающие возможность и необходимость ее заката;
- различие между видимостными механизмами ее функционирования и существенными чертами товарных отношений и капитала, лежащими в основе

³⁾ У такого подхода, впрочем, есть свои резоны: «Капитал» тоже отражает прежде всего развитое состояние капиталистической экономики. Так что анализ прежде всего наиболее развитого вида определенной экономической системы теоретически вполне правомерен, если... если он не выдается за характеристику экономики вообще, как это происходит в случае с *economics* и не происходит в случае с «Капиталом».

⁴⁾ Отчасти такой анализ проделан в статье А. Бузгалина «Эвристический потенциал политической экономики социализма в XXI веке» (Вопросы экономики. 2003. № 3).

²⁾ А это подчинение существует в той мере, в какой предприниматель ведет бизнес, ориентируясь на максимизацию прибыли и не задумываясь, на чем он делает деньги; в какой наемный работник выбирает сферу занятости, ориентируясь на максимизацию зарплаты, а не на реализацию своих душевных интенций...

этой видимости, и скрытыми превратными формами так, как хороший макияж и модные одежды скрывают действительную внешность и возраст женщины;

- ростки и элементы реальных не-рыночных (в том числе и пост-рыночных) отношений в современной мировой экономике;
- теоретические модели, объясняющие кто, как и почему может и будет способствовать рождению новых, идущих на смену рынку и капиталу, отношений.

И поскольку такие теоретические построения опасны, постольку их можно и должно (с точки зрения адептов «рыночноцентричной» модели) не замечать как не существующие или объявлять маргинальными (что не лишено своеобразных оснований — Коперник и Галилей 500 лет назад тоже были «маргиналами»), а в случае невозможности этого — объявлять ложными. Если же и это не удастся, то можно переходить и к административно-политическим методам (в демократических странах последние, как правило, используются редко и осторожно).

* * *

Во-вторых, тот же пример указывает на то, что мы видим экономику не только как функционирование микро- и макроэкономических процессов, подчиненных в общем и целом мало изменяющимся моделям рыночной системы, а но и как процесс нелинейного развития и трансформации качественно различных и исторически ограниченных (имеющих «начало» и «конец») экономических систем. Эти трансформации начинаются с перехода от основанных на ручном труде, натуральном хозяйстве и внеэкономическом принуждении систем античного и азиатского способов производства к экономике преимущественно индустриальной, основанной на рынке, наемном труде и частной собственности на капитал, и идут далее к ее видоизменениям по мере генезиса (подчеркнем — нелинейного, включающего реверсивные, попятные тренды!) постиндустриальных технологий, государственного регулирования, социально-ориентированного перераспределения дохода, развития общественного сектора в наиболее передовых отраслях (образование, наука, культура, здравоохранение) и т. д.

* * *

В-третьих, классическая политическая экономия и ее современные достижения позволяют по-новому взглянуть на ключевые категории экономической жизни.

Использую только три примера: трактовку таких категорий, как «человек», «государство» и «фирма», в современной марксистской теории.

Начинать изучение основных положений классической политэкономии и, в частности, марксизма, в вопросах, касающихся человека в его социально-экономическом бытии, следует с понимания того, что проблема Человека марксизмом всегда принципиально рассматривается как междисциплинарная. Не менее важно и то, что в рамках этой теории понятие Человек не случайно пишется с большой буквы, ибо его личностное развитие позиционируется как высший критерий прогресса и, соответственно, высшая мера эффективности, позволяющая сравнивать между собой различные общественные (в частности, экономические) системы.

Также в классической политэкономии показывается, что социально-экономическая природа Человека качественно различна в разных экономических системах. Соответственно, принципиально различны цели и мотивы деятельности, социально-экономические нормы поведения человека и, следовательно, социально-экономическая природа этого актора.

Следующим ключевым положением с точки зрения классической политэкономии необходимо считать то, что Человек в условиях экономической общественной формации включен в большие социально-экономические структуры (классы, страты и т. п.), которые, в свою очередь, существенно детерминируют тип его экономического поведения, ценности и мотивы, и — главное — социально-экономические интересы.

Соответственно, проблема рациональности не только в классической политэкономии, но и в экономической теории в целом должна стоять не столько как вопрос большей или меньшей рациональности, сколько в качестве проблемы особенного конкретно-исторического типа рациональности. Этот тезис позволяет сделать вывод, что в экономике существуют качественно различные типы рационального поведения человека, характерные для разных

социально-экономических систем и представителей разных социальных страт.

Продолжим. С точки зрения теории марксизма, человек — это не только продукт определенных производительных сил и объективных общественных отношений (прежде всего, производственных), но и творец истории. Это две противоположных и единых в рамках общественной экономической формации ипостаси бытия Человека.

Существенно, что за последние десятилетия в неоклассике и теориях, базирующихся на ее методологии, появились относительно новые разработки в области проблемы человека.

К числу таких «открытий» относятся разработки представителей нового институционализма, обнаруживших, что на процесс принятия решений и выбор индивидов влияют институты. Здесь, что называется, комментарии излишни: это прямое заимствование одного из выводов марксизма. Как мы уже не раз отмечали, представители нашей школы столетие назад показали, что, в частности, производственные отношения определяют социальный тип человека, его интересы, ценности и мотивы. «Перевод» этого тезиса с языка марксизма на язык институционализма и сведение проблемы к описанию форм производственных отношений (без анализа сущности и ее противоречий) — такова была бы «заслуга» данного направления в этом вопросе⁵⁾, если бы не существенный «нюанс». А «нюанс» этот неслучаен и значим: новый институционализм предлагает конкретные разработки, раскрывающие важные для процессов накопления капитала формы отчужденного бытия человека в условиях позднего капитализма. В последнем вопросе новый институционализм действительно преуспел, раскрывая вслед за Беккером все новые и новые формы «орыночничивания» человека и его подчинения глобальной гегемонии капитала. Для практики главных акторов рыночной системы (мы скажем жестче и определеннее: буржуазии вообще и номенклатуры глобального капитала в частности) это, спору нет, весьма важные теоретические результаты,

имеющие большие перспективы практического применения.

Так и получается, что в стремлении приблизиться к реалиям экономических отношений новый институционализм вынужден многое заимствовать из марксизма, но делать это так, чтобы никто не заметил заимствования (для чего применяется метод переименований и «перевода» известных положений на новый «язык», что и создает видимость абсолютной новизны). Так происходит своеобразное «приспособление» теории и методологии марксизма к нуждам практики глобального капитала.

Вернемся к недавним «открытиям» неоклассики в области теории человека.

К числу таких «прозрений» относится формулировка по сути дела диалектического противоречия, указывающего на ограниченность неоклассической методологии: по признанию адептов последней, как только эта теория пытается выйти за рамки абстрактно-одномерной модели экономического человека, описание поведения индивида теряет операциональность и утрачивает удобства формализации. Так, в рамках «основного течения» возникает выбор: либо слишком упрощенная, но операциональная модель, либо учет реальной сложности объекта, но утеря операциональности.

На наш взгляд, однако, эта дилемма отчасти снята в некоторых современных работах, принадлежащих к неоклассической парадигме. Так, например, этой теории удается начать строить модели, учитывающие, что (1) у людей наличествуют долгосрочные устойчивые интенции к осуществлению действий, направленных на общественное, а не частное благо; (2) люди не только конкурируют, но и вступают в отношения солидарности; (3) существуют не только частные интересы индивидов, но и единые для них общественные экономические интересы.

Все эти «открытия» в основе своей повторяют основные положения марксистской политэкономии (в том числе — советской), но при этом (1) дополняют их «операциональностью» и (2) знакомят читателей, не способных (или не желающих) познакомиться с марксизмом, с важными аспектами социально-экономического бытия человека. Как таковые они заслуживают позитивной оценки, которая была бы еще выше, если бы эти авторы указывали марксистские основания своих «новых» идей, не забывая про ссылки на первоисточники. Сие,

⁵⁾ Подчеркнем и еще один важный пункт: как и все остальные теории, выросшие из неоклассики, новый институционализм рассматривает человека вне его конкретно-исторической и социально-классовой обусловленности.

ко всему прочему, могло бы существенно помочь им в дальнейшем исследовании данного круга проблем при помощи совместных усилий преодолевающих догматизм марксистов и «прозревших» (способных увидеть нерыночные отношения в экономике) неоклассиков.

Наконец, заметим, что для марксистской экономической теории также принципиально значимым является исследование не только индивидов, но и таких акторов, как коллективы, социальные страты, классы. Более того, важен вопрос о том, что есть общество, и может ли оно рассматриваться как самостоятельный актор, обладающий некоторыми реальными общенародными экономическими интересами.

Напоминая, что с точки зрения политической экономики общенародные интересы — это не фикция и даже не только теоретическая абстракция, а реальный экономический феномен, с которым необходимо считаться в практике и который необходимо изучать в теории, приведем только один пример. Общечеловеческий интерес сохранения и рекреации природы — это реальный фактор, обуславливающий необходимость скоординированных на международном уровне экономических действий и осуществления значимых затрат; это феномен, требующий перехода в оценке макроэкономической эффективности к показателям, учитывающим сокращение невозобновляемых природных ресурсов и загрязнения среды и т. п. А ведь этим примером отнюдь не исчерпывается спектр общенациональных интересов, которые включают массу теоретических и практических проблем социальной защиты, экономической безопасности и т. п. с соответствующей корректировкой всех оценочных показателей и не только...

Вернемся к проблеме различий в понимании ключевых акторов экономики в марксизме и еsonomics.

Не менее сложна, чем вопрос о природе и роли Человека, проблема трактовки государства и его роли в экономике. В политической экономике государство предстает как исторически различный актор, специфический для разных экономических систем, представляющий сложную совокупность интересов (от общенародных до интересов господствующего в данном обществе класса, равно как и интересов государственной бюрократии как особой подсистемы этого ин-

ститута). Соответственно, роль государства в экономике отнюдь не сводится к минимально-необходимому вмешательству, связанному с компенсацией провалов рынка. Она определяется как действия особого экономического субъекта, реализующего особый способ экономической координации — учет, контроль, регулирование, программирование и т. п., развивающего новый класс отношений собственности (общественной), распределения дохода (социальные трансферты и не только), воспроизводства и т. д.

Кажущееся сходство в определении «фирмы» в марксистской политэкономии и еsonomics тоже оказывается видимостью.

С одной стороны, еsonomics (и даже новый институционализм) по сути дела заимствовали классическое политэкономическое определение основного хозяйствующего субъекта рыночной экономики: (1) обособленный владелец товара (в развитии — капитала), целью которого (2) является максимизация прибыли и для которого (3) характерны планомерные внутренние и конкурентно-рыночные внешние связи. Все три пункта восходят к классическим предшественникам Маркса и развиты в «Капитале». Неоклассика воспроизводит (только несколько иными словами) и первое, и второе, и третье (в последнем особенно преуспел новый институционализм, который «открыл», что фирма — это система, в рамках которой не-рыночные связи эффективнее рыночных, повторив на новый лад старый добрый вывод «Капитала» о внутрифирменной планомерности).

С другой стороны, политэкономический подход к трактовке первичного хозяйственного звена шире и глубже. Шире, ибо он предполагает выделение такого звена в разных экономических системах. Так, в эпоху доиндустриального феодализма первичным звеном были поместье, крестьянская община; раннего капитализма — простая капиталистическая кооперация; развитого индустриального капитализма — капиталистическая фабрика; постиндустриальной системы — капитал-сеть и т. д. Глубже, ибо в политэкономии специально анализируется различие технологических основ первичного звена (на что мы указали выше), его социально-экономической формы (скажем, при капитализме она эволюционирует от мелкого товаропроизводителя до транснациональной корпорации) и юридического оформления. Наконец, для политэконо-

мии «фирма» — это ячейка, в которой отражаются (как океан в капле воды) все производственные отношения той или иной экономической системы (последнее отчасти характерно для близких к политэкономии направлений — классического институционализма и экономической социологии).

Вот почему вопрос о трактовке практически всех экономических категорий поставит перед нами те же задачи-проблемы различения и сопряжения их смыслов и места в науке...

И все это в конечном итоге потребует ответа на ключевые вопросы:

- что и для чего изучают эти науки;
- кем поставленные задачи решают и на чьи вызовы отвечают, чьи интересы лежат в основе «социального заказа», реализуемого исследователями;
- что, как и почему они (вследствие этого) рекомендуют экономическим акторам, и каким именно акторам в первую очередь: потребителю? бизнесу? профсоюзу? государству? партии (правой? центристской? левой?) НПО? социальным движениям?⁶⁾

Так мы приходим к важному выводу: практика как деятельность общественного человека, творящего историю, гораздо шире, чем бизнес в стабильном буржуазном обществе. Этот тезис позволяет нам продолжить сравнительный анализ *economics* и политической экономики...

3. Потенциал неоклассической экономической теории и классической политэкономии: пределы

...А продолжим мы его апелляцией к историческим вопросам: признаем ли мы, что

⁶⁾ Даже если ученый-обществовед в соответствии с заветом своего естественно-научного собрата скажет, что его теория адресована всем, кому дорога истина, он никуда не сможет деться от того, что «истины» одних будут использовать консерваторы, других — социал-демократы, третьих — ... И настоящий ученый должен отвечать на вопрос, почему его теорию использует та или иная общественная сила. И Вы знаете, каким, скорее всего, будет ответ: потому, что только эта сила заинтересована в честном отображении действительного положения дел и политически неангажирована. Так, например, «экономические империалисты» в своем большинстве уверены, что такой общественной силой является бизнес, доверяющие ему граждане и представляющие их интересы партии, а все, кто им так или иначе противостоит — идеологически ангажированы (в отличие от «идеологически нейтральных» сторонников «основного течения»).

мир качественно изменчив и что эти изменения особенно интенсивно происходят в последние десятилетия (постиндустриальная революция, обострение глобальных проблем, рождение и распад «реального социализма»), что чем дальше, тем больше именно они будут определять передний край нашей общественной практики, а значит, и теории; признаем ли мы, что мир глобален и его социально-экономическая жизнь несводима к функционированию рынка; более того, признаем ли мы, что необходимая для практики в широком смысле слова политико-экономическая теория несводима к узкому кругу выводов, используемых *economics*? Если мы признаем все это, а также примем во внимание сформулированные выше различия политической экономики и *economics*, то мы сможем сформулировать весьма важные методологические гипотезы, показывающие спектр проблемных полей, которые *economics* не охватывает вообще или рассматривает, заимствуя багаж политической экономики, причем заимствуя поверхностно, неполно и без указания на первоисточник. Этот спектр будет прямо корреспондировать с выделенной выше спецификой предмета и метода постклассической политэкономии и *economics*.

1. «По ту сторону» *economics* по сути дела остаются все вопросы исследования нерыночных экономических систем и не-рыночных экономических отношений; эта теория «рыночноцентрична»; все, что не-рынок, для нее не существует, или истолковывается по принципу «рыночноподобия», или оценивается как «провалы» рынка, которые должны быть сведены к минимуму.
2. Даже если абстрагироваться от не-рыночных систем, *economics* принципиально не исследует рынок (мы бы сказали, систему товарных, в частности, капиталистических отношений) как исторически-конкретную, т. е. возникающую и преходящую систему. В его рамках просто нет достаточных методологических и теоретических оснований для такого исследования.
3. *Economics* дает теоретические основания только для исследования механизма функциональных взаимосвязей между различными экономическими агентами. Лежащие в глубине проблемы сущности «рыночной экономики» — сложную систему производственных отношений

капитализма, закономерности его эволюции, его противоречия, причины рождения, развития и заката эта теория даже не ставит и не может ставить.

4. Economics оставляет в стороне проблемы исследования реальных общественных отношений между различными большими группами людей (классами, слоями) в процессе производства и распределения, а не только обмена и потребительского выбора. Вследствие этого в основном игнорируются как производственно-экономические, так и социально-экономические проблемы, а вместе с этим экономические основы социально-классовой стратификации, понимание интересов и закономерностей поведения, противоречий и компромиссов этих сил, причин и последствий реформ и революций etc.
5. По ту сторону economics оказываются каузальные связи, характеризующие проблемы макроэкономической динамики (воспроизводства). Ответы на вопросы о причинах кризисов или их отсутствия, о причинах того или иного качества роста, соотношения роста и развития, экономических основах социально-гуманитарного прогресса (регресса) и т. п. найти в рамках стандартной макроэкономики невозможно. Последняя дает только характеристику (более или менее адекватную, ибо всегда абстрагируется от массы принципиально значимых, но не квантифицируемых параметров) тех или иных функциональных связей (модели роста и т. п.).
6. За небольшим исключением работ, написанных пост-марксистами, economics игнорирует проблему взаимодействия материально-технических основ экономики и собственно экономических процессов. За ее бортом остаются экономические причины и последствия смены технологических укладов, не рассматривается вопрос о том, почему и как определенный тип производственных отношений определяет особый тип технической эволюции — доминирование производства предметов роскоши в эпоху позднего капитализма, вешный фетишизм рыночной экономики, подмеченная еще Бодрийяром ориентация на производство симулякров, все более характерное для капитализма эпохи постмодерна... Эти проблемы активно

разрабатываются в западной литературе, но почти исключительно вне методологии неоклассики.

7. В большинстве случаев economics мало пригоден для анализа качественных социально-экономических трансформаций. Мировая экономика XX–XXI вв. знаменуется началом качественных перемен, которые в рамках economics не находят адекватного отображения, фиксируясь как либо «внешние эффекты», либо временные состояния, связанные с незавершенностью продвижения к идеальной [рыночной] модели, либо как исключения из правил. Для экономических исследований и преподавания экономических дисциплин (а это процессы, идущие в эпоху интеграции науки и образования рука об руку) в эпоху качественных изменений в общественной жизни принципиально актуальными становятся парадигмы, акцентирующие внимание на качественной стороне, причинах и природе, закономерностях э- или инволюции, прогресса или регресса экономики, критериев последних и т. п. А это означает, в частности, изучение границ и пределов систем, обладающих конкретным системным качеством, их противоречий и т. п. материи, «запретной» для economics. Такие исследования и такое образование позволяют не бояться видеть новое, адекватно его оценивать (т. е. оценивать как новое качество, тип экономики, а не особую [странную] новизность рынка) и, что особенно важно, не впадать в редукционизм.
8. Наконец, для economics, по большому счету, существуют только те экономические параметры, которые подлежат квантификации, могут быть количественно выражены. От всего остального — по сути дела, от главной экономической материи, требующей применения не столько количественного, сколько качественного системного анализа, эта теория просто уходит, объявляя вне научным все то, что нельзя «строго» (т. е. при помощи сколь угодно далекой от реалий, но математически выверенной модели) отобразить и верифицировать.

В результате сторонники исключительно математизированной (абсолютно доминирующей) ветви неоклассической теории оказываются в положении героя известного

анекдота, который искал не там, где потеплял, а там, где светло. Объектом исследования такой теории становятся только те проблемные поля, которые отражены в той или иной статистике, представлены в виде количественных данных. Между тем экономическая статистика объективно поставлена в условия, когда она должна и может отражать преимущественно те данные, которые нужны для оптимизации принятия решений в области функционирования тех или иных акторов современной экономики, основными из которых являются те или иные формы капитала и государства. В результате огромные пласты длительных, качественных изменений в социально-экономической жизни остаются вне сферы внимания и как бы «объективно» выпадают из сферы исследования...

* * *

А теперь несколько слов самокритики: классическая политическая экономия — это наука, которая ставит перед собой задачу объяснения природы и закономерностей возникновения, развития и смены социально-экономических систем.

Как таковая она оказывается мало эффективна в деле решения тех проблем, которые наиболее востребованы практикой бизнеса — проблем поиска наиболее эффективных решений в области продаж и покупок, получения и выдачи кредитов, осуществления разнообразных финансовых операций, игры на бирже, прогнозирования макроэкономических индикаторов на несколько месяцев (или, максимум, лет) вперед...

Наша наука в основном бесполезна для осуществления исследований, направленных на поиск путей улучшения функционирования тех или иных фирм и государственных структур в кратко- и среднесрочном периоде. И в этом смысле она мало полезна тем, кто платит за экономические исследования, и тем, кто хочет получать деньги за экономические исследования в современном мире.

Такова огромная бочка дегтя, в которой, на первый взгляд, тонет ложка политэкономического меда.

Однако!

Классическая политическая экономия и, особенно, ее современные разработки объективно необходимы всем тем, кто хочет понять и понимать:

- природу и стратегические закономерности э/инволюции, про/регресса современного глобального социально-экономического мироустройства и национальных социально-экономических систем. Мы были способны предсказать, и предсказали и грандиозный спад в экономике экс-СССР в результате проведения политики «шоковой терапии», и мировой экономический кризис 2007–2009 гг.;
- экономические основы формирования интересов, качественно определенных ценностей и мотивов поведения больших социальных групп, причины и стратегии их действий, борьбы, сотрудничества и т. п.;
- потенциал и пределы существующих социально-экономических систем и возможные направления, сценарии, противоречия их трансформации;
- причины и природу качественных изменений в социально-экономической жизни — от масштабных реформ до социальных революций;
- противоречия взаимосвязи и взаимообусловленности изменений в технологиях, экономических и социальных отношениях, политике, идеологии и культуре;
- объективные социально-экономические детерминанты формирования и эволюции национальных экономических систем и противоречия глобализации...

Иными словами, наша наука нужна и «рядовому» гражданину (любому — рабочему и бизнесмену, государственному чиновнику и учителю), и профессиональному экономисту в той мере, в какой он (она) хочет не слепо плыть по течению, максимизируя количество денег в кошельке и надеясь, что ему кто-то правильно предскажет завтрашний курс доллара, а понимать закономерности существующего социально-экономического процесса, его прошлое и будущее, и сознательно строить свою жизненную стратегию.

Преподавание экономической теории: к проблеме плюрализма (вместо заключения)

Даже предложенные выше весьма беглые заметки об ограниченности еsonomics и потенциале классической политической

экономии позволяют вновь, продолжая аргументы сотен известных ученых, тысяч мало- (и просто не-) известных преподавателей, десятков тысяч студентов, сделать вывод: для успешного развития экономической теории вообще, а в эпохи перемен в особенности, должны быть характерны плюрализм, равноправие и диалог различных теоретических школ при доминировании междисциплинарного подхода. В эпоху перемен ученый (и его собрат-педагог), желающий оказаться, что называется, «на передовых рубежах», должен быть способен к критическому восприятию любых устоявшихся теорий, к сомнению в аксиомах, открыт к диалогу с новым, уметь видеть странное в обыденном, привычном мире (в эстетике существует очень точное понятие: «остранение»; как у Льюиса Кэрролла: «Чем дальше, тем страньше»⁷⁾).

Едва ли не единственный путь к формированию такой способности и, более того, установки у исследователя — разностороннее, недогматическое образование, построенное по принципу постоянного сомнения, поиска точек взаимодействия различных парадигм, взаимной критики. Применительно к нашей теме данная установка может быть прокомментирована следующим образом.

Во-первых, опасным (в частности, с точки зрения угрозы утраты открытости и диалогичности теории) является характерное для современной ситуации в экономической науке и образовании доминирование (причем едва ли не абсолютное) *economics* как базовой, универсальной системы знаний и языка. Очень частыми в России стали параллели между необходимостью всеобщего знания «марксизма-ленинизма» (в нашем недавнем прошлом) и необходимостью всеобщего знания *economics* (в нашем настоящем) как основ любой научно-педагогической деятельности. Не знать *economics* нельзя, но не хуже ли знать только *economics*?

Между тем множество подходов лежит в стороне от *mainstream*, а иные и вообще не связаны с этой линией. Многообразие теорий и их равноправие как принцип науки вообще мало кем подвергается сомнению.

Тем более странно (опять же, с принципиальной точки зрения) характерное ныне для России (как, впрочем, и для большинства других стран) некритическое копирование американских стандартов экономического образования с абсолютным доминированием лишь одной из школ. Но надо ли нам воспроизводить этот уходящий в прошлое образец?

Во-вторых, принципиально важным является акцентирование междисциплинарного подхода и, соответственно, наиболее пристальное внимание к тем школам в области экономической теории, которые в наибольшей степени открыты в этом направлении, обращаются к предмету, лежащему на пересечении различных пластов жизни общества, не замыкаясь экономикой в узком смысле слова. А *economics* — это дисциплина, специально акцентирующая узко экономический подход. И если сегодня реальные курсы микро-, а особенно макроэкономики включают в дополнительных главах сведения из других дисциплин, то это не является органической частью *mainstream* как таковой, а представляет собой лишь уступку давлению обстоятельств.

Иными словами, необходимо признать, что предмет нашей теории и нашего образования вышел далеко за рамки описания абстрактных основ функционирования рыночной экономики, что является действительным (а не декларируемым во введении) предметом *economics*.

В-третьих, для открытости и диалогичности теоретических исследований и, соответственно, открытости и диалогичности учебного процесса необходимо использование различных методов и, что не менее важно, различных языков науки. Точно так же, как невозможно вести естественно-научные исследования на языке богословия (помните хрестоматийный пример из средневековой схоластики: «Треугольник ABC подобен треугольнику A'B'C' по велению божьему...»?), так же невозможно исследовать глобальную экономику периода генезиса информационного общества и качественных социальных трансформаций, используя только язык *economics*. Для таких исследований, для такого образования нужны выход за рамки одного языка и использование языков различных научных школ экономики и смежных дисциплин. В еще большей степени сказанное касается необходимости «задействования» разных методов исследования, ибо метод

⁷⁾ Акцент на этом слове-понятии «страньше» мы позаимствовали из блестящего выступления Д. Г. Плахотной на методологическом семинаре кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, запомнившегося нам еще со студенческой скамьи.

не был и не может быть безразличен к предмету и содержанию науки.

Наконец, важнейшей задачей ученых-экономистов России является творческое воспроизведение достижений отечественной теории в критическом сравнении с западными разработками. При этом под отечественной экономической мыслью мы подразумеваем не только работы российских экономистов до 1917 г., но и советскую политическую экономию, содержание которой в действительности не сводилось лишь к апологии «социализма»⁸⁾. Впрочем, это особая материя, требующая специального исследования.

Итак, для научных исследований и образования в области экономики, адекватных «вызову» качественно изменяющегося глобального мира, необходимы подлинное равноправие и диалог научных школ, языков и методов. Без этого современный специалист, аналитик не сможет ни сформироваться, ни вести плодотворных исследований, особенно фундаментального свойства.

* * *

Сказанное выше — не более (но и не менее) чем система взаимосвязанных гипотез, которые в данном тексте не доказываются, а формулируются. Их обоснование представляет немалую теоретическую проблему. Более того, окончательно их можно будет доказать только тогда, когда изменятся, станут действительно демократическими, диалогичными отношения в науке (как сфере практики) и появится «социальный заказ», заинтересованность социума и его лидирующих сил в выявлении сущностных закономерностей социально-экономической организации мира XXI в.

А теперь пойдем дальше, сделав некоторые выводы.

Вывод первый: *economics* и лежащие в его основе политико-экономические теории отображают лишь часть реальной эко-

номической жизни (преимущественно превратные формы функционирования рыночной экономики в рамках постулатов общей теории равновесия) и неадекватны для исследования (не дают достаточных знаний в процессе образования) многих реальных и значимых социально-экономических процессов современной глобальной экономики; поэтому данному течению необходимо отвести подобающее ему место, включив в круг других школ экономической теории, но не представляя его единственно истинным и универсальным знанием.

Вывод второй: для ученого (и студента), стремящегося осмыслить современный социально-экономический строй в его качественной специфике, необходимо не только овладеть *economics*, но и критически, творчески освоить методологию и теорию различных политико-экономических школ. В противном случае научные разработки и практические рекомендации в недалеком будущем окажутся теоретически малопродуктивными и неадекватными запросам практики.

Вывод третий, особенно важный для автора этой статьи, отдавшего большую часть своей жизни преподавательской работе в МГУ имени М. В. Ломоносова: абсолютно необходимым условием дальнейшего прогресса нашей науки является существенная коррекция программ и учебных планов вузов в области экономической теории.

В данном случае мы, конечно же, не претендуем на то, чтобы предложить целостную систему рекомендаций в области организации учебного процесса и методики преподавания (эта тема вполне заслуживает особой разработки). Ограничимся лишь отдельными ремарками, касающимися только тех выводов, которые прямо вытекают из представленных выше рассуждений.

1. Если мы планируем подготовку студентов, которые не будут в будущем профессионально заниматься экономикой, то для них, по-видимому, значимость курсов, коротко излагающих азы *economics* (этакую своеобразную «арифметику» функционирования рынка), окажется столь велика, сколь много эти курсы будут связаны с пониманием некоторых экономических реальностей. Но им в большей мере будет полезно узнать нечто иное, а именно: что такое экономическая жизнь в разных обществах, как она влияет на человека, почему так

⁸⁾ Отчасти это показано в последнем томе «Всемирной истории экономической мысли» (под ред. В. Н. Черковца и В. М. Радаева, 1997), в дискуссии о российской школе экономической мысли, проходившей на страницах журнала «Вопросы экономики», а также в монографии А. С. Шухова и М. П. Фрейдлина о советской экономико-математической школе (см.: Шухов А. С., Фрейдлин М. П. Математическая экономика в России (1885–1995). М.: Наука, 1996) и коллективной монографии о «зернах и плевелах» политической экономики социализма (см.: Политическая экономика социализма в экономической теории XXI века. М.: ТЕИС, 2003).

или иначе устроены эта жизнь и наше поведение, почему одни люди готовы на все ради денег, а другие ориентированы на социо-гуманитарные ценности; почему в России социальная защита развита минимально, а социальное неравенство высоко, а в Швеции или Финляндии высокая инновационность экономики достигается в рамках социал-демократической модели, когда топ-менеджер «Нокии» получает всего лишь в 10 раз больше рабочего, а не в 1000, как в российских нефтяных кланах; почему несколько сот семей владеют тысячами миллиардов долларов, а более миллиарда жителей Земли живет в среднем на 70–100 центов в день; случаен ли был мировой экономический кризис 2008–2010 гг.; как и почему развивалась или оказывалась в кризисе отечественная экономика и каково ее место в глобальной хозяйственной системе... Для ответа на эти вопросы нужен особый курс экономической теории, основы которого ориентированы, скорее, на политическую экономию, и лишь дополнены *economics*.

2. Во всех вузах, где студент для своей будущей профессиональной деятельности должен получить знания о рыночной экономике, преподавание *economics* как одной из дисциплин, дающих знания об основных механизмах функционирования рынка и лежащих на стыке политической экономики и прикладных экономических наук, безусловно, необходимо в развернутом виде. При этом для студентов экономических вузов следовало бы гораздо полнее, нежели в современных базовых учебниках, освещать методологические и теоретические основы *economics* (нынешний студент-экономист, научившись решать стандартные задачи, как правило, испытывает немалые трудности, когда его просят обосновать правомерность теории предельной полезности или факторов производства); указывать на все те практические и теоретические социально-экономические проблемы, которые лишь затрагиваются в базовом курсе, но анализируются на основе других теорий, поясняя, почему именно так обстоит дело; обязательно дополнить базовый курс основами не только нового, но и классического институционализма,

экономики развития и экономической компаративистики и т. д.

В то же время для формирования студента-экономиста, способного осмыслить основные пласты глобальной экономики периода генезиса информационного общества и трансформации пост-«социалистического» мира, а также творчески и критически («отстраненно») анализировать сложные социально-экономические процессы современности (а тем более — развивать экономическую теорию и вести содержательный анализ новых, ранее неизвестных теорий, эмпирических феноменов), необходимо полипарадигмальное преподавание экономической теории. Оно должно начинаться с классической политической экономии и заканчиваться пост-классической политической экономией, и включать широкий набор курсов по методологии, истории экономической мысли и сравнительному анализу ее основных современных течений.

В процессе преподавания экономической теории для решения этих задач можно предусмотреть следующие курсы (речь идет о подготовке специалистов в области экономической теории и экономистов-аналитиков).

Во-первых, курс «Классическая политическая экономия», предусматривающий раскрытие многообразия и точек соприкосновения основных школ политической экономии в решении важнейших вопросов экономической жизни, начиная с предмета и метода, включая трактовку таких понятий, как товар и стоимость, деньги, капитал, собственность, воспроизводство и т. п. Такой курс (особенно семинары, ролевые игры, диспуты) помогает студентам понять азы различных подходов к исследованию экономической жизни, аргументы и обоснование различных научных школ, позволяет научить студентов критически воспринимать те или иные взгляды, вести полемику, самостоятельно формировать предпочтения и аргументировать свою позицию, обладая минимально необходимыми для этого знаниями.

Во-вторых, курс «Пост-классическая политическая экономия», посвященный политико-экономическому исследованию современных черт рынка (все более тотального), денег (все более виртуальных), капитала («человеческого», «социального», а также фиктивного...), корпоративных структур, государства, глобализации и глобальных

проблем, а также социальных, политических, экологических и культурных аспектов экономики, включая экономические основы социальной структуризации, проблемы взаимодействия экономики и технологических процессов.

В-третьих, курс «Введение в компаративистику (сравнительный анализ экономических систем)», дающий необходимый минимум знаний о реальном функционировании разнообразных экономических систем (развитых, развивающихся и т. п.) в условиях становления глобальной экономики. Основой для освоения этого курса послужат именно те знания, которые студент получит в процессе анализа различных политико-экономических подходов, разных трактовок экономических систем.

Продолжением данного курса может служить курс «Теория социально-экономических трансформаций», где также используется широкий спектр теоретических подходов (от марксизма и институционализма до традиционной микро- и макроэкономики). Главное внимание в рамках этого курса уделяется генезису глобальной экономики и качественным изменениям экономической жизни в процессе генезиса информационного общества, а также проблемам эволюции отечественной экономики.

В-четвертых, для студентов-старшекурсников бакалавриата и студентов магистратуры может быть предложена система теоретических семинаров (методология экономической теории, соотношение и потенциал различных экономических теорий, глобальная экономика знаний). В рамках таких занятий студенты в значительной степени самостоятельно (но под руководством профессора), работая с источниками, статистическим материалом, ведя очные и заочные диалоги, готовя и защищая рефераты и коллективные проекты, смогут получить навык самостоятельной исследовательской творческой деятельности как будущие аналитики, консультанты, преподаватели.

На первый взгляд, такой учебный план (минимум два уровня *economics* и два — политической экономики, курс компаративис-

тики и теории трансформаций, спецсеминары, итого около 8 часов в неделю на протяжении четырех семестров) покажется перегруженным теорией и не соответствующим интересам студентов⁹⁾. Действительно, в большинстве случаев современный студент стремится получить в первую очередь определенный объем прикладных знаний и навыков, которые он мог бы использовать для работы бухгалтером, менеджером низшего или среднего звена и т. п. Но жизнь меняется. В недалеком будущем наиболее престижными станут специальности аналитиков и консультантов, а для них требуется, прежде всего, способность к самостоятельному мышлению, критическому освоению информации, то есть все то, что можно получить лишь в рамках фундаментальной полипарадигмальной подготовки.

Есть и еще одно, принципиальное соображение: образование есть фундаментальная общественная ценность (сфера формирования социально-ответственной Личности, Гражданина), а не одна из сфер предоставления услуг на рынке, и потому содержание образования (в единстве обучения и воспитания) не должно редуцироваться к трендам рыночного спроса.

Итак, если мы хотим выпускать не только узких специалистов по прикладным дисциплинам, готовых воспроизвести лишь основы *blackboard economy* и имеющих узкопрофессиональные знания, но и молодое поколение экономистов, способных анализировать все многообразие социально-экономической жизни, критиковать и творчески развивать существующие концепции (то есть творцов новых знаний), понимающих экономические основы социальных, политических и идейных противоречий в современном мире, мы должны дать им представление не только об *economics*, но и обо всем комплексе современных социально-экономических теорий, о реальной сложности глобальной экономики на пороге нового тысячелетия. Иначе — умирание оригинальной отечественной социально-экономической теории и вчерашний день американской науки...

⁹⁾ Автором совместно с А. И. Колгановым подготовлены и учебные материалы по этим курсам (программы, учебники); их практическая апробация прошла на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова.

Рыночный фундаментализм и новая волна вульгаризации в экономической науке

Воейков Михаил Илларионович

д-р экон. наук, профессор, зав. лабораторией Института экономики РАН

mvok1943@mail.ru

Ключевые слова: вульгарная политическая экономия, рыночный фетишизм, экономический империализм, экономическая рациональность, финансы и деньги, человеческий капитал, рынок труда.

Keywords: vulgar political economy, market fetishism, economic imperialism, economic rationality, finance and money, human capital, the labor market.

О вульгарной политической экономии много говорили у нас в советский период. Сегодня перестали говорить о политэкономии вообще. И вместо политэкономии сегодня в нашем университетском преподавании стала господствовать западная экономическая теория (неоклассика, мейнстрим и прочее), которая во многих случаях есть не что иное, как вульгарная политическая экономия. Эта экономическая теория весьма подходит к идеологии рыночного общества, где становится господствующей специфическая идеология коммерциализации, торгашества, которая пронизывает все поры и щели общества. На место ценностей гуманизма и человечности, справедливости и солидарности, доброты и милосердия приходят ценности экономической выгоды, наживы и барыша.

Но может ли общество с господством идеологии наживы и барыша, т.е. рыночной идеологии, считаться здоровым, нормальным человеческим обществом? Может ли страна с такой идеологией перейти на стратегию инновационного развития? Какая экономическая теория пригодна для перехода России на нормальный путь развития? Западная экономическая мысль, так называемый «мейнстрим», которая повсеместно преподается в наших вузах, есть довольно стройное и последовательное отражение именно рыночной идеологии, плотно пропитанной вульгаризмами. Сможет ли эта экономическая теория помочь стране перейти на путь инновационного развития, а впоследствии превратиться в «общество знаний»? Вот в чем суть вопроса и вот

что нужно обсуждать. Итак, рассмотрим несколько сюжетов из области вульгарной политической экономии.

1. Рыночная фетишизация

В первом томе «Капитала» К. Маркса в первой главе есть превосходный 4-й параграф «Товарный фетишизм и его тайна», где речь идет о фетишизации, обожествлении товаров и товарного мира. В советское время некоторые глубокие философы выделяли этот параграф и придавали ему исключительно важное значение. Но в то время на студенчество этот параграф не производил сильного впечатления, ибо советская жизнь, а жизнь студентов тем более, была далека от фетишизации именно товарного мира. В советской экономике и жизни товар не был господствующей категорией. Нам товарный мир казался подорванным, гниющим и уходящим. Правда, и в реальности товаров было немного. Но сегодня этот гниющий товарный мир пришел, все заполнил и поглотил. И сегодня этот 4-й параграф первой главы «Капитала» оказался чрезвычайно актуальным. Только теперь этих глубоких философов уже нет.

Так что же такого интересного написал Маркс в 4-м параграфе. Вот его текст: «Стол остается деревом — обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле всеми свои-

ми четырьмя ножками, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать... Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вешный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы»¹⁾. Иными словами, люди оценивают других людей и отношения между людьми, т. е. человеческие отношения, через товары, вещи. Чем у человека больше вещей — тем он лучше, значительнее. О нем пишут в газетах, показывают по TV, говорят и стараются быть в курсе даже его личной жизни. Товарный мир, вещи определяют качество человека и качество человеческих отношений. Соответственно экономическая наука все больше и больше начинает изучать не отношения между людьми, а отношения (функциональные связи) между вещами. Современная западная экономическая теория даже самого человека готова рассматривать как вещь. Например, в теории человеческого капитала.

В советское время нас учили и мы говорили, что существовавшая тогда марксистская политическая экономия хорошая и правильная, а буржуазная — плохая и неправильная. Думающий студент и молодой преподаватель в 1960–1970-е гг. с этой формулой в целом соглашался, но все же у него оставалось некоторое недоверие. Ведь не может вся западная экономическая наука целиком и полностью быть плохой и буржуазной. Что-нибудь и на Западе есть хорошее или должно быть хорошим. Но в целом резкого неприятия формулы о буржуазной политической экономии как плохой и вульгарной не было. Ибо некоторые умные советские критики «буржуазной экономической мысли» приводили достаточно фактов и аргументов, показывающих сомнительную ценность многих утверждений «буржуазной политической экономии». Например, И. Г. Блюмин еще в 1959 г. писал, что теория общего равновесия, которая является «важнейшим устоем традиционной буржуазной апологетики», как писали в отечественной литературе 40 лет назад, или «особо уважае-

мым направлением в иерархии приоритетов экономического сообщества», как пишется ныне, уже «неприменима ни к капитализму свободной конкуренции, ни к монополистическому капитализму»²⁾. Хотя, честно говоря, теория общего равновесия, если воспринимать ее как абстрактную, теоретическую модель, вполне удобоварима и даже полезна для самого общего представления о рыночной экономике. Ведь принцип равновесия — это основной принцип функционирования рынка. Другой вопрос, как этот общий принцип осуществляется на деле и что можно из него выжать для хозяйственной практики. Тут, конечно, широкое поле для критических упражнений. Но, удивительное дело, сегодня эти слова советского критика «буржуазной политической экономии» воспроизводит один из самых популярных исследователей западной экономической мысли, Марк Блауг. Он пишет буквально следующее: «Можно усомниться в том, что теория общего равновесия внесла большой вклад в расширение прогнозных возможностей современной экономической теории... Теория общего равновесия, в отличие от моделей общего равновесия, является в лучшем случае разновидностью „решения головоломок, созданных нами самими“, и время, потраченное на ее освоение, — это время, потерянное для изучения эмпирических методов экономической теории»³⁾. И в то же время некоторые советские умные критики отмечали и некоторые достижения буржуазной политической экономии. Тот же И. Г. Блюмин писал: «Было бы неправильно полагать, что кризис буржуазной политической экономии означает полный застой и отсутствие какого-либо продвижения во всех областях буржуазной экономической науки»⁴⁾. В общем-то так думали

²⁾ Блюмин И. Г. Критика буржуазной политической экономии. Т. 3. Кризис современной буржуазной политической экономии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 80. Причем Блюмин это писал в самый расцвет теории общего равновесия, который «пришелся, — как указывает известный американский экономист Тоад Сэндлер, — на 50–60-е гг., затем ее новизна стала постепенно убывать, а с ней и влияние этого анализа на экономическую науку» (Сэндлер Т. Экономические концепции для общественных наук. М., 2006. С. 199).

³⁾ Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют. М., 2004. С. 361.

⁴⁾ Блюмин И. Г. Критика буржуазной политической экономии. Т. 3. Кризис современной буржуазной политической экономии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 58.

¹⁾ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 81–82.

многие советские ученые экономисты, хотя так писали далеко не все.

Хотя в советский период критиковали почти всех западных экономистов, но не всех их аттестовывали как вульгарных. Многие из них даже переводили на русский язык и издавали. Например, Дж. Гэлбрейта, Д. Кейнса, А. Маршалла, Г. Мюрдаля, А. Пигу, Дж. Робинсон, Г. Хаберлера и др.

Сейчас многое изменилось. В постсоветское время стали как-то стесняться называть многие дурные построения западной экономической мысли — вульгарными. Наоборот, вошло в моду шеголять именно самыми неказистыми положениями этих западных мыслителей. Тем более, что среди них оказалось много лауреатов Нобелевской премии по экономике. И в этой связи возникает естественный вопрос: есть ли в действительности вульгарные направления в современной экономической мысли или все направления хороши и здоровы? В конце концов, все ли творения нобелевских лауреатов надо изучать в наших вузах?

Теперь поясним, что понимается под вульгарным направлением экономической мысли. Тут я ничего нового и оригинального придумать не могу и, стало быть, воспроизведу то, что под вульгарным в экономической науке понималось всегда. Это неглубокое, поверхностное объяснение наблюдаемых экономических явлений, когда видимость его принимается за сущность. Процитируем на этот счет К. Маркса: «Вульгарная экономия толчется лишь в области внешних кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшем из миров и объявляет эти представления вечными истинами»⁵. Лучше и не скажешь. Хотя эти слова написаны 140 лет назад, но звучат они очень современно.

В советское время это было как бы более место для соответствующей литературы. Хотя некоторые критики «буржуазной поли-

тической экономии» старались и к этому месту подходить диалектически. Так, И. Г. Блюмин, наиболее глубокий и тонкий из аналитиков этого рода, писал: «Маркс видел одно из отличий вульгарной политической экономии от классической в том, что первая отказывается от изучения внутренней сущности явлений и ограничивается рассмотрением внешних зависимостей в том виде, в каком они выступают на поверхности. Однако детальное изучение этих внешних зависимостей, выступающих на поверхности, также может представлять интерес, например изучение влияния спроса на колебания цен. Такого рода наблюдения могут пригодиться, в частности, для изучения экономической конъюнктуры»⁶. Это, конечно, верно. Но в данном случае нас интересует сущность явлений, а не проявление их внешних форм. И вообще, что можно понять в зависимостях внешних форм, если не понята сущность явлений? Поэтому, вышеприведенное утверждение И. Г. Блюмина имеет ограниченную ценность. Увлечение внешними формами привело сегодня к очень странному процессам в экономической науке, что дало повод говорить о кризисе экономической теории.

Но вернемся к вульгарной политической экономии. К вульгарным положениям экономической теории можно отнести многие вещи, которые во времена Маркса и после широко ходили и ходят в экономической литературе: цена как функция полезности товара, заработная плата как цена предельной производительности, рынок труда, факторы производства, прибыль как оплата труда предпринимателя и т. д., и т. п. В общем, весь комплекс этих понятий, который ныне запечатлен в знаменитом учебнике «Экономикс». Но с ним уже хорошо поработали советские и некоторые современные российские ученые. Так, например, профессор МГУ В. Н. Черковец пишет: «Методология „экономикс“ не ориентирует на специальное изучение экономических законов на уровне сущности явлений, отношений между сущностями, как и вообще не пытается различать сущность и явление, ограничиваясь плоскостью внешних экономических форм и их функциональных за-

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 91.

⁶ Блюмин И. Г. Критика буржуазной политической экономии. Т. 3. Кризис современной буржуазной политической экономии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 59.

висимостей»⁷⁾. Все это есть классическое определение вульгарной политической экономии. Вот, учить этому студентов в наших вузах не стесняются, а назвать «экономикс» своим именем стесняются.

Сегодня ситуация усложнилась. Мощность инструментария современной экономической науки развилась настолько, что готова сжевать все подряд, все стороны человеческой деятельности, не исключая даже физиологии. Современная экономическая теория (мейнстрим) все подряд превращает в товар: брак, семью, здоровье, культуру, образование, счастье, доверие, солидарность и т. д., и т. п. Наверно, полагая, что тем самым наука проникает в глубинный смысл этих явлений. Верней, она об этом даже и не задумывается, ограничиваясь переворачиванием и рассматриванием поверхностных форм. Еще раз процитируем «Капитал» Маркса о лицах, обменивающихся продуктами: «В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того чтобы его контролировать»⁸⁾ (Капитал. Т. 1. С. 81).

Современный фетишизм товарной формы, отрывая ее от экономического содержания, переносится и вовсе на бессодержательные формы. Действительно, если «экономикс» ограничивается анализом внешних функциональных зависимостей товарного мира, то появляется желание перенести этот анализ зависимостей и на явления нетоварного мира. Если для современной экономической теории суть экономического явления не представляется важной, то, естественно, богатый и мощно разработанный инструментарий экономической науки соблазнительно приложить куда угодно. Тем самым товарный фетишизм распространяется и на нетоварный мир.

Все это хорошо видно на примере так называемого «экономического империализма».

2. «Экономический империализм»

Кратко говоря, под «экономическим империализмом» можно понимать распространение экономического принципа, экономического рациональности на процессы, явления и предметы, которые никак

не относятся к экономике, распространение основных понятий современной экономической теории (редкость, издержки, предпочтения и др.) на любые формы человеческой жизни, а ее главные принципы (оптимизации и равновесия) на все социальные явления.

Фрэнсис Фукуяма пишет в этой связи: «Двое наиболее плодотворных и наиболее известных на сегодняшний день экономиста-неоклассика — Эри Беккер из университета Чикаго и Джеймс Бьюкенен из университета Джорджа Мейсона (оба нобелевские лауреаты) — всю свою карьеру занимались тем, что расширяли применение экономических методов на такие, обычно считающиеся неэкономическими, феномены, как политика, администрирование, расизм, семья и рождаемость»⁹⁾. И тут же Фукуяма приводит мнение Эри Беккера, который считает, что экономиксу не следует понимать как привязанную к определенному предмету изучения (в частности, деньгам или богатству), а как метод, применимый ко многим аспектам человеческого поведения¹⁰⁾. Однако этого добиться везде невозможно. Тот же Фукуяма считает, что неоклассический подход справедлив только на 80 процентов. Он указывает на главного экономиста Адама Смита и пишет, что «ему никогда не пришло бы в голову сказать, что экономическая деятельность может быть сведена к рациональной максимизации полезности»¹¹⁾. И это верно.

Остроумно по этому поводу заметил Ноам Хомский: «В наше время, чтобы слова звучали серьезно, необходимо в каждой фразе употреблять слово „капитал“, — хотя именно это как раз и является несерьезным. Вот почему я говорю о „человеческом капитале“. Это является частью нашей больной идеологии»¹²⁾. Действительно, ныне слово «капитал» приставляют к чему угодно и как угодно. И получается: человеческий капитал, социальный капитал, культурный капитал, интеллектуальный капитал, душевный капитал и т. д., и т. п. Конечно, использовать это слово («капитал») как прилагательное, как художественный образ никому не воз-

⁹⁾ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 38.

¹⁰⁾ См.: Becker G. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976. P. 3–14.

¹¹⁾ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 39.

¹²⁾ Хомский Н. Классовая война. Интервью с Д. Барзаяном. М.: Праксис, 2003. С. 249.

⁷⁾ Черковец В. Н. Политическая экономия. Принципы. Проблемы. Политика. Избранное последних лет. М., 2005. С. 174.

⁸⁾ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 85.

браняется. Ради Бога! Например, ведь в широкой литературе используют такие словосочетания, как кладбище паровозов, кладбище автомобилей, кладбище идей и т. д. Но каждый просвещенный читатель хорошо понимает, что есть одно нормальное кладбище в точном значении этого слова, а все остальное не более, чем красоты литературного стиля. Научное использование таких понятий недопустимо. То же и капитал. Применять его как научную категорию, как научный термин со строгим смыслом в самых разнообразных сочетаниях будет означать размазывание, затирание научного значения этого понятия. Понять и научно объяснить что-либо будет уже невозможно. Это не развитие и углубление науки, а, по сути, ее ликвидация.

Вообще говоря, наука тогда добивается успеха, когда для новых явлений и процессов вырабатывает новые понятия и термины. Распространять же старые понятия и термины, прилично отражающие уже устоявшиеся и хорошо изученные явления, на новые области подобно тому, что разбавлять старое, доброе вино водой. Так, если в ожидании двух гостей вы запаслись бутылкой хорошего вина, а неожиданно к вам пришло четыре гостя, то будет очень опрометчивым добавить в бутылку еще столько же воды. Конечно, напиток будет больше, на каждого гостя придется установленная вами ранее норма жидкости, и дилетанты, видимо, ничего не заметят. Но качество продукта резко снизится. Более того, хорошее вино как вино будет уничтожено. Так же и с научными понятиями и терминами. Наука должна не растягивать уже хорошо работающие понятия на необозримые новые сферы, а наоборот, детализировать, уточнять, дробить старые понятия вслед за большей детализацией научно изучаемого процесса.

Например, Г. Беккер пишет: «Исходным пунктом моего анализа является предположение, что при решении вопросов, заключать ли брак, иметь ли детей, развестись или нет, мужчины и женщины пытаются максимизировать полезность, сравнивая выгоды и издержки»¹³. Конечно, при заключении или расторжении брака люди сравнивают «полезности», но не в голове, а в сердце. В данном вопросе полностью отсутствует равнодушный экономический подсчет затрат и результатов. Тут господствуют вдох-

новение и эмоции, а не холодный рассудок. В противном случае любое человеческое шевеление пальцем или поворот носа можно рассматривать как тщательно рассчитанное экономическое мероприятие, а все науки, касающиеся человеческой деятельности и даже физиологии, как разделы «единой экономической науки». Очевидно, что такой подход нобелевского лауреата является полнейшим абсурдом.

Естественно, что и образование Г. Беккер не обошел своим вниманием. Последнее он рассматривает как обычное коммерческое мероприятие. «Родителям, — пишет Г. Беккер, — выгоднее финансировать образование своих детей, так как это принесет больший доход, чем проценты по сбережениям. Они могут косвенным образом обеспечить свою старость, инвестируя средства в детей, а затем, в старости, сократив наследство» (там же). Получается, дети — как счет в банке. Первоначально можно вложить побольше, а потом сэкономить, «сократив наследство». Остается неясным, куда девать сэкономленное наследство, ведь на том свете, вроде, деньги не нужны?

В современной отечественной литературе уже приводится ряд критических аргументов против использования понятия «человеческий капитал». Так, например, в исследовании о человеческом потенциале указывается, что понятие «человеческий капитал» очень неопределенное. При этом ставится резонный вопрос о его конкретной наполняемости — «является ли капиталом сам человек, или он лишь выступает в роли материального носителя нематериального экономического блага?». Хороший вопрос. Действительно, человек без этого капитала все же остается человеком или превращается в пустую оболочку?

3. Экономическая рациональность

Известный принцип экономизма гласит: «Каждый субъект движим исключительно своим эгоистическим интересом». В соответствии с этим неоклассические экономисты утверждают, что все нормальные люди — это по природе разумные, рациональные существа, ведущие себя исключительно эгоистически. Они стремятся увеличить свое материальное благополучие при минимизировании всякого рода затрат. То есть экономический человек ведет себя или должен вести исключительно рационально. Так,

¹³ Мировая экономическая мысль. Т. 5. Кн. 1. С. 697.

наемный работник стремится к максимуму оплаты труда и к минимуму трудовых усилий. Предел мечтаний для него: получение сверхвысокой зарплаты при ничем не делании. И такое поведение нельзя рассматривать с точки зрения принципа экономизма или рациональности как ненормальное, как морально несостоятельное.

Экономизм вообще вытесняет мораль и нравственность, выводит их за пределы рассмотрения. Если мораль и нравственность не дают прибыли, «навара», то они и не нужны, бесполезны. Так, один русский интеллектуал писал в конце горбачевской перестройки: «Все, что эффективно, то нравственно, и наоборот: все неэффективное — безнравственно». По этой логике, совершенно правильной с точки зрения принципа экономизма, получается, что порнобизнес или наркобизнес как самые экономически эффективные виды коммерческой деятельности одновременно и самые нравственные. А высокая духовная культура (театр, классическая литература, симфоническая музыка, музеи), фундаментальная наука, наконец, благотворительность и милосердие — самые безнравственные виды человеческой деятельности. Но это так, к слову.

Есть еще важный момент. Эгоистический или экономический человек действует исключительно в своих собственных интересах, преследует прежде всего свой личный интерес. И это очень важно и нужно. Ибо только он сам лучше других видит и понимает свой собственный интерес. Он сам лучше всех остальных может его удовлетворить. И если все будут действовать исходя из своих эгоистических интересов, то общество будет развиваться наилучшим образом.

Принцип экономической рациональности в общем и целом признается всеми авторами в экономической теории как основополагающий принцип понимания рыночной экономики. Даже те авторы, которые стремятся обнаружить «слабость» этого принципа, вынуждены признавать его правоту хотя бы в общей постановке вопроса. Так, лауреат Нобелевской премии 1972 г. Кеннет Дж. Эрроу пишет: «Безусловно, не существует общего принципа, который препятствовал бы созданию экономической теории, основанной на гипотезе, отличной от гипотезы рациональности. Действительно, существуют определенные условия, которые должны быть заложены

в фундамент приемлемого теоретического анализа экономики. Прежде всего в их число должна входить теория рыночных взаимодействий, соответствующая концепции расчистки рынка в неоклассической теории общего равновесия»¹⁴). Вместе с тем он утверждает, что «гипотеза о рациональности сама по себе слаба». Что она «в принципе не является обязательной для экономической теории». В обосновании этого вывода Эрроу указывает, что на экономику влияют обычно всякого рода «индивидуальные характеристики». Он рассматривает пример сбережений. В литературе по этому предмету обычно предполагается однородность экономических субъектов. «Между тем, — пишет Эрроу, — результаты неоднократно проведенных исследований говорят о том, что сбережения не пропорциональны доходу, из чего следует, что важную роль играет фактор распределения дохода». И делается такой вывод: «В целом, по мере совершенствования данных, становится все труднее найти простую, основанную на рациональности модель, которая объясняла бы имеющиеся данные о сбережениях, богатстве и наследовании».

Можно привести и другой пример. Так, Ф. Найт в своей классической работе «Риск, неопределенность и прибыль» ставит вопрос о том, «насколько человеческое поведение по самой своей природе допускает научную интерпретацию»? Этот вопрос в конце концов сводится к возможности существования экономической науки. Ибо последняя занимается, изучает только и исключительно поведение людей в экономической сфере. Ничем другим экономическая наука не занимается. Если дать отрицательный ответ на этот вопрос, то, стало быть, нет оснований для существования экономической науки. Примерно такой отрицательный ответ и дает Найт: «В данном пункте я остаюсь в очень большой мере приверженцем иррационализма»¹⁵). То есть экономическая наука существовать не может. Очень странное заявление. Ведь мы знаем, что экономическая наука существует уже не одну сотню лет. И какие-то общие закономерности экономического поведения людей она

¹⁴) Эрроу К. Экономическая теория и гипотеза рациональности. В сб.: Экономическая теория. Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 246–247.

¹⁵) Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003. С. 59.

вывела. И только потому, что человек ведет себя в общем и целом экономически рационально.

На экономическое поведение человека влияет масса самых разнообразных и противоречивых факторов и причин. Все люди разные и ведут себя по-разному. Но в экономической теории мы абстрагируемся от многих случайных, временных, поверхностных причин и факторов. Мы берем явление в чистом виде. И чтобы понять устройство рыночного механизма, мы должны представить человека в виде бездушного автомата, механизма, эгоистически преследующего в каждом конкретном случае свою собственную выгоду. То есть человек как счетная машина без конца соизмеряет свои затраты (времени, денег, сил, нервов и т. п.) с полученным результатом. Человек в экономике ведет себя предельно рационально.

Другое дело, что в реальной жизни это случается далеко не всегда. Но как общее правило люди ведут себя в экономике именно так. Эрроу просто смешивает абстрактную модель поведения человека с тем, что бывает в жизни.

Рациональность и есть принцип экономизма. То есть соизмерение затрат и результатов и максимальное превышение результата над затратами. Так, если человек покупает бутылку французского вина за 400 рублей, то он ожидает, что она будет по крайней мере в два раза лучше, чем бутылка вина за 200 рублей. И вот идеал для экономического подхода будет состоять в том, чтобы можно было подсчитать, как-то измерить получаемое удовольствие от вина. Соизмеримость всего и вся — высший идеал экономизма. В этом суть и соль неоклассики. И в этом же суть так называемого экономического империализма.

Конечно, если подсчет затрат оказывается чрезмерным или очень трудным, то лучше его не производить, а то можно и запутаться. В этом случае, как остроумно заметил Ф. Найт, самое рациональное быть нерациональным. «Очевидно, что, когда взвешивание и оценивание обходятся дороже, чем они того заслуживают, самое рациональное — быть нерациональным»¹⁶⁾. Так, в случае определения полезности (эффективности) какого-либо социального аспекта или следствия экономической деятельности,

эта процедура может оказаться настолько трудоемкой (а порой и вовсе неосуществимой), что от нее придется просто отказаться. В результате будет невозможно экономическим путем определить целесообразность данного мероприятия.

4. О кризисе экономической теории

В последнее время много стали говорить о так называемом кризисе экономической теории¹⁷⁾. Действительно, тут есть вопрос. М. Блауг приводит многочисленные высказывания западных ученых, которые с разных сторон характеризуют этот кризис. Например, высказывания такого рода: «Основной проблемой современной экономической теории является то, что ее предпосылки о человеческом поведении всецело произвольны, буквально „взяты с потолка“» или вот такое «сейчас существуют целые направления абстрактной экономической теории, не имеющие связи с конкретными фактами и почти не отличимые от чистой математики»¹⁸⁾. Далее, сам М. Блауг пишет, что «эмпирические исследования, которые не оценивают конкурирующие объяснения, вскоре вырождаются в разновидность бездумного инструментализма, и мы не перегнем палку, сказав, что именно это свойственно большей части эмпирических исследований в современной экономической теории». И наконец, такой его итоговый вывод: «Основания для скептицизма в отношении основного течения экономической мысли достаточно убедительны»¹⁹⁾. Российский исследователь основных тенденций в новейшей западной экономической теории А. Г. Худокормов, проделав тщательный анализ разных аспектов кризиса западной экономической теории, делает такой осторожный вывод: «Иными словами, диагноз кризиса современной западной теории возник не на пустом месте»²⁰⁾.

Итак, в чем же главная причина этого кризиса? На мой взгляд, причина состоит в том, что экономика ведущих запад-

¹⁶⁾ Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003. С. 72.

¹⁷⁾ См.: Худокормов А. Г. Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада. М.: ИЭ РАН, 2008.

¹⁸⁾ Блауг М. Методология экономической науки или как экономисты объясняют. М., 2004. С. 357–358.

¹⁹⁾ Там же. С. 363, 371.

²⁰⁾ Худокормов А. Г. Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада. М.: ИЭ РАН, 2008. С. 97.

ных стран довольно заметно уходит от чисто рыночного регулирования. Рынок перестает играть доминирующую роль в этих обществах. Большие сферы жизни цивилизованных стран Запада выводятся из-под рыночного воздействия (образование, здравоохранение, наука, культура, окружающая среда, правопорядок). Рынок сужается. А основное направление экономической теории (мейнстрим) продолжает оставаться рыночным, продолжает описывать рациональное поведение человека на рынке. Инструментарий экономической науки становится все более мощным и изощренным. Более того, как было показано, этот экономический инструментарий начинают использовать в сферах, никакого отношения к экономике не имеющих. То есть продолжается анализ внешних, поверхностных форм не только экономической жизни, но и других социальных явлений. Тот же Г. Беккер считает, что экономику не следует понимать как привязанную к определенному предмету изучения (в частности, деньгам или богатству), а как метод, применимый ко многим аспектам человеческого поведения²¹⁾.

Таким образом, внешние формы принимаются за суть явлений. Анализ форм и их функциональных взаимосвязей предпринимается ради самой формы, даже забывается, что экономические явления непременно должны иметь и содержание. Фетишизм товарной формы получает полное господство. Это все и есть современная вульгаризация экономической теории. И она не может не привести к кризису такой науки.

Все это и есть современная вульгаризация в экономической теории, которую пора назвать агрессивной вульгаризацией. Последняя не просто уходит от объяснений глубинных связей в мире экономических явлений, но довольно изобретательно увертывается от этого дела. Главное же в том, что она агрессивно заставляет верить, что все вокруг человека и сам человек — это обычные товары на обычном товарном или фондовом рынке. Видимо, следующий шаг «экономикса» будет состоять в разработке равновесной математической модели предельной полезности совести, этики, патриотизма. Действительно, любопытно рассчитать — когда будет выгодно «продать родину», а когда придержать этот товар

на складе? Чем не тема для очередного лауреата Нобелевской премии.

Закончим еще раз цитатой из «Капитала». Тут Маркс приводит слова Шекспира: «Как не вспомнить тут добряка Догберри, который поучает ночного сторожа Сиколья, что „счастливая наружность есть дар обстоятельств, а искусство читать и писать дается природой“». Так что, кризис современной экономической теории есть закономерный итог ее вульгаризации, господства рыночной идеологии.

5. Финансовый кризис и природа денег

О современном мировом финансовом кризисе уже написано много интересного и поучительного²²⁾. Этот кризис ждали и о нем писали давно. Например, Л. Туроу, анализируя глобальную финансовую систему, писал еще в 1997 г.: «Рано или поздно глобальная финансовая система испытает нечто равновесное японскому биржевому краху 90-х гг. или американскому биржевому краху 30-х. Что при этом произойдет, пока неясно... Никто не знает, где и когда произойдет финансовый кризис и каковы будут его масштабы. Но нет сомнения, что в какой-то неизвестный момент будущего такой кризис придет»²³⁾. И вот в прошлом году этот «неизвестный» момент наступил.

Не вдаваясь в фактологическое описание современного кризиса, отметим его некоторые особенности. Во-первых, представляется, что этот кризис при всей его похожести на классические экономические кризисы, не является обычным циклическим кризисом капиталистического перепроизводства. Прежде всего, это денежный кризис, который начался в финансовой сфере и там произвел определенные опустошения. Конечно, он затронет, и уже затронул реальный сектор экономики. Но в реальной экономике опустошения не будут столь значительными, как это, например, было в эпоху мирового кризиса 1929–1932 гг. Перепроизводства товаров в капиталистическом мире пока нет. Таким образом, можно согласиться с той литературой, где отмечается, что он имеет ряд особенностей. Одна

²¹⁾ См.: Becker G. The Economic Approach to Human Behavior. Chicago: University of Chicago Press, 1976. P. 3–14.

²²⁾ См., например, подборку статей в журнале «Альтернативы» № 1 за 2009 г.

²³⁾ Туроу Л. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999. С. 274.

из этих особенностей, о которой, правда, пишут меньше, состоит в том, что этот кризис заставляет задуматься об основополагающих элементах и принципах рыночной экономики. И это, во-вторых. Даже политические лидеры ведущих стран мира заявляют о чрезвычайной опасности современного кризиса для всей капиталистической системы, что капитализм после кризиса должен стать иным. Если оставить за скобками политическую риторику, то, тем не менее, в изменении капитализма есть объективная составляющая. Это касается прежде всего того, что рыночная экономика как материальная база капитализма утасует. Рассмотрим этот процесс на примере денег.

В современном мире никакие бумажные деньги на золото не размениваются. Что же представляют собой современные бумажные деньги? Ведь человеческий труд, заложенный в производство бумажной купюры, ничтожен по сравнению с номиналом этой купюры.

Надо сказать, что даже в тех странах, где было в ходу золотое обращение, т. е. размен банкнот на золото, полного или 100 %-ного золотого обращения на деле не было. Так, в США, где до Первой мировой войны действовал автоматический золотой стандарт, выпускались бумажные деньги, банковские депозиты. Количество золота в виде монет или золотых сертификатов составляло в разные годы от 10 до 20 % денежной массы. Остальные 80–90 %, как пишет М. Фридман, состояли из «серебра, фидуциарных [неполноценных. — М. В.] денег и банковских депозитов, не обеспеченных золотым резервом»²⁴⁾. Но это было давно, и сегодня про золото или серебро как основы денежной системы почти уже никто, кроме фундаменталистов рыночной идеологии, не вспоминает. Любопытно современное признание П. Самуэльсона в его знаменитом учебнике экономика: «Много лет назад эту роль [обеспечения ценности банкнот. — М. В.] выполняло золото или серебро. Сегодня это уже не так, и все монеты и банкноты в США являются фидуциарными деньгами. Этот термин означает то, что нечто может называться государственной валютой, даже если это нечто не имеет ценности»²⁵⁾. А мировой

финансовый кризис 2008 г. вообще выводит деньги и в целом финансовую систему развитых стран из-под рыночного саморегулирования. Поразительно, как это деньги, по природе своей будучи самым рыночным инструментом регулирования экономики, сегодня становятся государственным рычагом регулирования рынка. В экономическом мире что-то переворачивается.

Переворачивается несмотря на то, что рыночные фундаменталисты не сдаются и не снижают своей активности. Наоборот, финансовые неурядища и кризисы они по-прежнему объясняют чрезмерной ролью государства. В качестве примера приведем книгу американского экономиста М. Ротбарда «Государство и деньги». Так, он утверждает: «В отличие от многих авторов мы утверждаем, что деньги не содержат ничего специфического, требующего масштабного государственного регулирования». И еще важная мысль из этого сочинения: «Если государство контролирует денежную систему, это значит, что у него в руках ключ к контролю над всей экономической системой, иначе говоря, до социализма рукой подать». И дальше: «Государство медленно, но верно брало в свои руки рычаги управления денежной системой, чтобы, во-первых, накачивать экономику заменителями денег по своему усмотрению, во-вторых, перейти к социалистическому управлению всей экономикой»²⁶⁾. Вот, если закрыть глаза на некоторые преувеличения, то по существу Ротбард прав. Государственное регулирование экономики, причем все более жесткое регулирование финансово-денежной системы, ведет в перспективе к плановому развитию экономики, что было характерно для Советского Союза и что в теории характерно для социалистического общества. Но ведь это неизбежно. Если деньги перестали быть рыночным товаром и стали фидуциарными, т. е. формой политического соглашения и политического регулирования, то это означает, что из-под рынка выбит основной конституирующий его элемент.

6. Рыночный механизм

Известно, что рынок в настоящее время представляет собой наиболее эффективный

²⁴⁾ Фридман М. Капитализм и свобода. М., 2006. С. 68.

²⁵⁾ Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д. Экономика. 16-е изд. М., 2005. С. 425.

²⁶⁾ Ротбард М. Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2008. С. 69, 114.

механизм экономического развития. Суть рыночного механизма (конкуренции) состоит в сопоставлении, соизмерении индивидуальных издержек труда по производству какого-либо продукта с общественно необходимой величиной, той, что складывается на рынке. На этой основе происходит дифференциация всех участников производственного процесса на лучших и худших. Практически это означает, что лучшие производители товаров или услуг достигают максимальных преимуществ и способны расширить свое производство, а худшие — в конце концов, выводятся за пределы хозяйственного процесса. Здесь нет застоя. Каждый непосредственно ощущает возможность существенного роста материального благосостояния или резкого его снижения в прямой зависимости от своего труда и результатов своего производства. Это элементарный рыночный механизм, а соревнование или конкуренция (что для рынка более адекватно) — его главный стержень. Благодаря конкуренции осуществляется наиболее оптимальное (эффективное) распределение ресурсов. В отношении труда через рыночный механизм происходит эффективное его распределение между различными отраслями, видами экономической деятельности и регионами. При хорошо отлаженном рынке труда зарплата занятых работников одной и той же квалификации в одной отрасли промышленности не должна существенно отличаться от зарплат в других отраслях промышленности. Рынок усредняет цену предложения и спроса. «Чем более совершенным является рынок, тем сильнее тенденция к тому, чтобы во всех его пунктах в один и тот же момент платили за один и тот же предмет одинаковую цену»²⁷⁾.

Вместе с тем не следует переоценивать возможности рыночного механизма. В долгосрочной перспективе его воздействие весьма незначительно, слабое воздействие он оказывает и на развитие современных сложнейших отраслей и промышленных комплексов (атомная промышленность, ракетостроение, космос и т. п.). Весьма спорным или иллюзорным является распространение рыночного механизма на некоторые отрасли так называемой «новой экономики». Например, продукты таких отраслей, как здравоохранение, культура, наука, обра-

зование, объективно не могут являться предметом рыночной конкуренции. Так, производство и распределение холста и сапог, классических предметов рыночного саморегулирования, принципиально отличается от производства и распределения профессоров и солистов Большого театра. От увеличения инвестиций в последний больше талантливых солистов никак не станет. Однако для сферы материального производства лучшего механизма, нежели рынок, на сегодня просто нет.

Рыночный механизм есть великолепный калькулятор экономической эффективности. И в этом состоит, пожалуй, его единственная ценность. Проблема заключается в том, чтобы этот калькулятор работал исправно, не искажался. То есть, другие социальные ценности не должны вводиться внутрь этого калькулятора, и не следует ожидать, что рынок должен кроме экономической эффективности давать еще что-то сверх. Другие ценности привносятся в социально-экономическую сферу через сознательно вырабатываемую и сознательно проводимую политику, а не через рынок. То есть, политика, как осознанная постановка и достижение общественно значимых целей, заменяет рынок, вытесняет его. Рыночный механизм самодействия может функционировать без всякой политики и с точки зрения экономической эффективности он достигнет высоких результатов. Для него не нужно никакой политики, даже экономической. Отсюда стремление либеральных экономистов ограничить или максимально снизить экономическую роль государства, как они говорят, «минимизировать государство». Государственная экономическая политика в любом вопросе ограничивает рыночное самодействие, сужает рынок. Тем более это относится к социальной политике, которая в пределе своем стремится к уничтожению рынка или, по крайней мере, к сильному его ограничению.

Сам по себе рынок есть объективная необходимость экономического процесса. Это бесспорно. У нас в конце 1980-х и начале 1990-х гг. много говорили о необходимости перехода к рыночной экономике, о продолжении рыночных реформ, подчас вкладывая в это утверждение самое различное содержание. Например, «шоковое» правительство времен Е. Гайдара руководствовалось одним: разрушением народно-хозяйственного планирования и введением

²⁷⁾ Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. II. М.: Прогресс, 1984. С. 7.

неуправляемого рынка. Социальные ценности, которые олицетворяло шоковое правительство первой половины 1990-х гг., состояли в спонтанном экономическом развитии, стихийном рынке и отсутствии какой-либо экономической политики. Можно даже сказать, что социальные ценности либеральных реформаторов, хотели они того или нет, состояли в ликвидации всяких социальных ценностей. Хотя они думали, что ничем не ограниченное рыночное самодействие само собой решит многие социальные проблемы. Однако оказалось, что рыночное самодействие за 1990-е гг. не только не смогло решить каких-либо старых социальных проблем, но породило множество новых и разрушительным образом сказалось вообще на экономическом развитии страны. В этом была их крупная методологическая ошибка. Рынок дает эффективность, но убивает социальность²⁸⁾. В этой связи встает вопрос о границах рынка, о его явной недостаточности и даже вредности для развития современного общества и перехода его в следующую стадию. Социальность и социальные цели безразличны рынку, невосприимчивы им. Рынок сам по себе никаких социальных ценностей не преследует и даже не ставит.

Сегодня следует говорить о понимании того, что социальные ценности находятся за пределами рынка. Если рынок есть объективная необходимость и реальность, то нельзя же всерьез полагать, что люди могут по своему желанию запретить или отменить эту объективную реальность, что люди могут свои моральные, этические или нравственные предпочтения (ценности) навязывать рынку. Люди могут мешать рыночному механизму или не мешать. Мы можем его внешние параметры регулировать, при условии понимания и знания издержек этого регулирования.

Социальные ценности, с одной стороны, накладываются на рынок, определяют параметры его функционирования. С другой стороны, сам рынок предопределяет возможный объем социальных ценностей. Поэтому всегда и везде рынок ограничен, регулируем. В противном случае, при господстве только экономической эффективности он

может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. В научной литературе об этом писали сотни, если не тысячи, раз. Вот одно из этого рода высказываний: «Идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню»²⁹⁾. Или вот другое высказывание другого западного экономиста: «Для того чтобы достичь социального равенства и справедливости, мощности рыночного механизма должны быть дополнены основными социальными возможностями»³⁰⁾.

Более того, по мере увеличения богатства, развития экономики возрастает объем и значение всевозможных социальных ценностей, и в то же время падает значение экономического момента, что ведет к возрастанию жесткости регулирования рыночного механизма. Еще в начале XX века М. И. Туган-Барановский сформулировал это положение таким образом: «Участие хозяйственного труда в общей совокупности социальной деятельности сокращается по мере хода истории. Повышение производительности труда подрывает социальное преобладание хозяйства и нехозяйственная деятельность приобретает, в качестве движущей силы истории, все большее значение»³¹⁾. Значит, все более возрастает значение человеческой деятельности, в центре которой находится не экономическая эффективность, а социальные (культурные, научные, образовательные, гуманитарные и т. д.) цели развития. Значит, возрастает роль планирования развития, т. е. сознательного, осмысленного регулирования социально-экономического процесса. Поэтому нельзя признать уместным иронию над понятием «планово-рыночная экономика». На наш взгляд, это очень емкая формула, к ней еще придется вернуться серьезным ученым и политикам. Тем самым рынок будет ограничен, сужен.

Все дело в том, как происходит ограничение рыночного саморегулирования. На пер-

²⁸⁾ См.: Социальная справедливость и экономическая эффективность: опыт, проблемы, теория. Материалы научной конференции. Под ред. М. И. Воейкова. М.: Ленанд/URSS, 2007.

²⁹⁾ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 13–14.

³⁰⁾ Сен А. Развитие как свобода. М., 2004. С. 166.

³¹⁾ Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. М.: URSS, 2010. С. 85.

вых стадиях развития капитализма оно происходило время от времени, эпизодически, «по случаю» кризиса или других разрушительных последствий рыночной анархии, угрожавших нормальному существованию общества или политической власти. При организованном капитализме, после депрессии начала 1930-х гг., ограничения рыночного механизма вводятся как постоянный компонент государственного регулирования экономики. Эти ограничения получают плановый, сознательный характер. Плановые методы представляют собой хороший канал для проведения политики, исходящей не только из чисто экономической эффективности. Через эти методы весьма удобно проводить и социальные, этические ценности. Это часто провоцирует политиков рассматривать социальные цели не как результат сознательного регулирования рынка, а вставлять их в сам рыночный механизм и полагать, что рынок кроме экономической эффективности может дать еще и социальную справедливость. Кстати, в советский период чаще всего так и было. Через плановые методы пытались решать не задачи повышения экономической эффективности, а преимущественно социальные цели общественного развития.

В этой связи представляется научно неубедительной, а практически иллюзорной формула и «социальной ответственности бизнеса». Эта формула верна лишь в том смысле, что бизнес должен строго придерживаться установленных государством законов, честно платить налоги и т. д. И только в этом состоит его социальная ответственность. Благотворительность и филантропия, которыми иногда занимаются отдельные представители бизнеса, к экономике никакого отношения не имеют. Это не есть ни элемент, ни результат рыночного механизма. Другой смысл, который вкладывают в формулу «социальной ответственности бизнеса», более серьезный. Имеют в виду, что бизнес, обучая своих работников и платя им достойную зарплату, тем самым решает какие-то социальные задачи³². Это, конечно, верно. То есть, «хороший» бизнес, развивая «хорошее» производство, тем самым развивает общество в хорошую сторону, способствует в конечном счете повы-

шению материального благосостояния всех, в том числе и рабочих. Такой подход, верный в самом общем смысле, соответствует представлениям времен Адама Смита и его «невидимой руки». Однако 300-летнее развитие капитализма показывает, что не все так просто. Сам собой, без государственного вмешательства бизнес (капитализм) социальные задачи не решает, а порой их даже обостряет. И сколько не называя бизнес «хорошим», «социально ответственным» и т. п., он будет повышать зарплату наемному персоналу не в целях «заботы о людях», а в своих собственных целях эффективности. Иногда интересы бизнеса и наемных работников совпадают, но берег вопрос теоретически, надо иметь в виду, что их интересы всегда противоположны. Сглаживание этих противоположностей, точнее, доведение их до точки совпадения и есть одна из основных целей социальной политики государства в области труда.

Сегодня, когда самые развитые западные страны переходят к «обществу знаний», большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической литературе. Так, А. В. Бузгалин и А. И. Колганов, определяя общую закономерность, писали: «Мера развития рыночных механизмов организации и мотивации деятельности постепенно „убывает“ по мере продвижения от репродуктивного труда к творческому»³³. И в этом случае либеральная экономическая теория (мейнстрим), которая уже не в состоянии объяснять эти новые процессы, должна заменяться новой теорией. Эта коллизия между рыночным механизмом и социальным аспектами общественного производства (устройства) хорошо видна на примере рынка труда.

7. Рынок труда

Рынок труда есть особый рынок. На нем тесно соприкасается экономическое и социальное, регулирование его требует осо-

³² См.: Соболев Э. Н. Регулирование социально-трудовых отношений в России: генезис, механизмы, направления трансформации. Автореферат диссертации д. э. н. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 38.

³³ Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. М.: URSS, 2004. С. 118.

бой осторожности. Интересное объяснение этому дает Карл Полани. Он рассуждает следующим образом. Рыночная экономика должна охватывать все факторы производства: труд, землю и капитал (в его терминах — деньги). Это общее место из любого современного учебника экономики. Но также общим местом является утверждение, что в рыночной экономике все продукты производятся для продажи, как товары. Следовательно, труд и земля в рыночной экономике являются товарами. И действительно, мы говорим о рынке труда или рынке земли. Но все дело в том, что труд не есть товар в обычном рыночном смысле, никто не производит рабочую силу на продажу. «Труд, — пишет Полани, — это лишь другое название для определенной человеческой деятельности, теснейшим образом связанной с самим процессом жизни, которая, в свою очередь, „производится“ не для продажи, а имеет совершенно иной смысл; деятельность эту невозможно отделить от остальных проявлений жизни, сдать на хранение или пустить в оборот... Характеристика труда, земли и денег как товаров есть полнейшая фикция»³⁴. Нетоварная природа труда и объясняет феномен классовой борьбы в капиталистической экономике. Ведь когда встречаются на рынке для обмена два товара (например, холст и сапоги), ни один из них не возмущается снижением своей цены. Если сделка не устраивает владельцев этих товаров, они спокойно расходятся до лучшего случая. Труд не может ждать лучшего случая. Труд объединяется и противостоит капиталу как могучая сила.

Таким образом, нет такого товара как «рабочая сила», который где-то изготавливают, упаковывают, хранят для того, чтобы в совершенно готовом виде поставлять на рынок. Естественно, у рабочей силы нет стоимости и не должно быть цены. Но в рыночной экономике рабочая сила приобретает форму товара и так или иначе функционирует как товар. Хотя на самом деле никакой товарной основы у рабочей силы там нет, потому что рабочую силу не производят с целью рыночной продажи, не складировать и не придерживать с тем, чтобы в хорошее конъюнктурное время выбросить на рынок. Рабочая сила не может быть продуктом, из-

готавливаемым на продажу, как кирпич или пиво. Тут К. Полани прав.

Однако, в рыночной экономике, конечно, рабочая сила приобретает вид товара. Но это есть свидетельство чего-то ненормального в самой рыночной экономике, что последняя и общечеловеческие ценности плохо совмещаются. Другой вопрос: что собственно продается — рабочая сила или труд? Мы сегодня чаще говорим — рынок труда, а не рынок рабочей силы. Конечно, в современных условиях доминирования высококвалифицированного труда продается не рабочая сила как таковая, а труд, или труд как услуга. Говорить же о продаже рабочей силы можно только применительно к прошлым векам, к неквалифицированной рабочей силе. Сегодня это у нас можно отнести к гастарбайтерам, которые стоят на перекрестке улиц и ждут, когда их наймут. Они мало что умеют и не знают, что с них потребуют. И хозяин нанимает их как простую физическую рабочую силу, чтобы сделать какую-то неквалифицированную работу в коммерческих целях, а, может быть, и нет. Вот это есть классическая рабочая сила. Во времена К. Маркса рабочий рассматривался в основном именно так, хотя были и квалифицированные рабочие. Но важно, что доминировало. Сейчас доминирует квалифицированный труд, даже можно сказать, что скоро будет доминировать креативный труд, т. е. творческий квалифицированный труд. Естественно, он выпадает из тех категорий, в формате которых написан «Капитал» К. Маркса.

И вот встает вопрос: устарела ли марксистская методология «Капитала» в анализе трудовых процессов в рыночной экономике? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Смотри на какой методологии идет речь. На мой взгляд, в этом вопросе есть две методологии, и обе марксистские. Одна методология «Капитала», классического сочинения, которое описывает рыночный механизм капиталистического общества XIX века, и которую сегодня можно представлять в терминах неоклассического направления экономической науки. И эта методология, мне кажется, устарела. Она пригодна только для физического, простого труда, для более сложного, креативного труда эта методология не подходит. Там должна быть уже другая методология. А вот неоклассическое направление экономической науки пытается на новые виды труда и человеческой дея-

³⁴ Полани К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 86–87.

тельности одеть старую классическую, в том числе и марксистскую или рикардианскую методологию. Это получается не очень понятно. Хотя старая методология технические (функциональные) связи улавливает удовлетворительно, но содержательно процессы остаются непонятными.

Вот, например, возьмем понятие «человеческий капитал». В наш обиход такое понятие вошло довольно широко. Но с экономической точки зрения это понятие совершенно никак не работает. Человеческий капитал невозможно ни посчитать, ни оценить. В современной отечественной литературе уже приводится ряд критических аргументов против использования понятия «человеческий капитал». Так, например, И. В. Соболева в исследовании о человеческом потенциале указывает, что понятие «человеческий капитал» очень неопределенное. При этом она ставит резонный вопрос о его конкретной наполняемости — «является ли капиталом сам человек, или он лишь выступает в роли материального носителя нематериального экономического блага?»³⁵⁾ Хороший вопрос. Действительно, человек без этого капитала все же остается человеком или превращается в пустую оболочку?

Таким образом, можно сказать, что понятие «рынок труда» очень приблизительное. В принципе можно сказать, что наличие безработицы вообще перечеркивает понятие «рынок труда». Рынок, как известно, функционирует посредством игры спроса и предложения на труд. Так, если спрос на труд растет, то следовательно растет и цена труда, т. е. зарплата. Если спрос на труд понижается — понижается и зарплата. Также и наоборот. Если предложение труда увеличивается, то снижается цена труда и т. д. И в этом случае никакой безработицы не должно быть. Ибо понижение спроса на труд должно вести не к сокращению занятости, а к понижению зарплат. Об этой ситуации Дж. Кейнс сказал так: «Если бы на самом деле было верно, что существующая реальная заработная

плата является минимумом, ниже которого невозможно ни при каких обстоятельствах добиться увеличения занятости по сравнению с текущим моментом, тогда вынужденной безработицы, оставляя в стороне фрикционную безработицу, не было бы вовсе. Однако абсурдно рассматривать подобную ситуацию как типичную»³⁶⁾. Дело в том, что зарплата не может понижаться бесконечно, она не может быть, как общее правило, ниже прожиточного минимума. В противном случае, т. е. при мизерной зарплате или ее отсутствии вообще, такой «товар», как труд, должен отправляться на склад в ожидании восходящей конъюнктуры или вообще не производиться. То есть надо перестать рожать детей. Но это абсурдно, ибо деторождение не поддается законам рыночного механизма. Тем не менее, мы пользуемся понятием «рынок труда», принимая его условность и особенности.

* * *

Особенное беспокойство вызывает состояние социальных наук. Прежняя общественная советская наука сегодня полностью отменена, хотя в ней наряду с пустословием были и определенные достижения. Достаточно вспомнить экономиста-математика Л. В. Канторовича, который получил Нобелевскую премию за работы в области оптимального планирования. Сегодня же пытаются внедрить в Россию почти исключительно западную социальную науку, с западными понятиями и ценностями, с западной культурой и идеологией. Конечно, и в западной науке есть много полезного. Но как всеобщий, тотальный процесс поголовной замены отечественной общественной науки на западную, это не может не вызвать беспокойства. Россия утрачивает интеллектуальную независимость не только в силу ничтожно малого финансирования интеллектуальной сферы, но и в силу переориентации ее остатков на чужеземную идеологию.

³⁵⁾ Соболева И. В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007. С. 16.

³⁶⁾ Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 62–63.

Десять классических принципов политико-экономического анализа

Мамедов Октай Юсуфович

д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой политической экономии и экономической
политики экономического факультета Южного федерального университета

oktaj-mamedov@yandex.ru

Ключевые слова: методология политико-экономического анализа; объективность экономических процессов; историческое и логическое, общее и особенное, конкретное и абстрактное; противоречивость системного подхода; примат производства, превращенность и овеществленность экономических отношений.

Keywords: methodology of political and economic analysis; objective economic processes; historical and logical; general and particular; concrete and abstract; contradictoriness, system approach; the primacy of production; transformation and reification of economic relations.

Чем дальше уходит эпоха господства политико-экономической теории, тем поверхностнее и примитивнее становится уровень методологической культуры экономического анализа. Это актуализирует возрождение фундаментальных классических предпосылок научно-экономического исследования применительно к новым реалиям общественного производства.

1. Принцип разграничения методологии и методики анализа

Методология — это внутринаучная, невидимая извне, стратегическая проблематика каждой науки, сфера ее «самоанализа» и «самопознания», в некотором смысле сокровенный «дневник исследования», который ведется данной отраслью научного знания для самой себя.

Методология науки — это своего рода предупреждающие «интеллектуальные» инвестиции, эвристика, хотя и создаваемая, так сказать, «постфактум» — в результате уже проведенного исследования. Развитие методологии правомерно сравнить с опережающим развитием «производства средств интеллектуального производства», которое предшествует «производству средств теоретического потребления».

В широком смысле методология представляет собой систему мировоззренческих

предпосылок анализа, это — «парение» в «абстракции» и постоянная попытка возврата к «конкретике», и одновременно — боязнь этой, чуждой теоретическому состоянию науки, конкретики.

Сущность научной экономической методологии — принципиальное признание объективности и познаваемости экономического мира и, вытекающее из этого, требование объяснения экономики из нее же самой, не прибегая к причинам внеэкономического характера — к политике (а, напротив, — выводя политику из экономики), к идеологии (а, напротив, — выводя идеологию из экономики), к враждебности или доброжелательности окружающего мира (а, напротив, — выводя эту доброжелательность или враждебность из экономики).

Методология экономической науки основывается на общегносеологической диалектике — сведении всех внешне многообразных причин возникновения, существования и развития данного экономического процесса к борьбе его же саморазличившихся противоположностей. В качестве самой яркой иллюстрации этого тезиса можно указать, например, на диалектичность противоположности «товар — деньги», возникшей в результате саморазвития «прототовара».

А это значит, что экономическая сущность изучаемого экономического процесса всегда представлена раздвоенностью, а не какой-либо одной его стороной (так, невоз-

можно дать завершенную характеристику товару, не прибегая к его денежному выражению, и, наоборот, — нельзя охарактеризовать деньги, не включая категорию товара). Да и сам товар — вне его отношения к другому товару — также понять невозможно.

Гениальность марксовской формулы социальной сущности товарного обмена ($X_{товA} = Y_{товB}$) состоит в том, что в ней удалось адекватно выразить эту социальную сущность: она не в величине «X», не в величине «Y», не в товаре «A» и не в обмениваемом на него товаре «B», а в этом, почти невидимом и обычно не замечаемом, знаке равенства, осязаемо представляющего величайшую загадку экономического устройства общественного производства и его «вечную проблему» — механизм установления количественного уравнивания разнородных величин качественно-неуравняваемых товаров. Мы употребляем выражение «вечная проблема» потому, что постоянно меняющиеся технические и социальные условия общественного производства постоянно изменяют и «механизм» количественного сравнения качественно-разнородных товаров. Эта формула по своей универсальности и всеохватности экономического бытия не уступает физическим формулам природного бытия.

Следовательно, выявленная объективная логика саморазличенности изучаемого феномена (фрагмента реальности) и есть гносеологическое доказательство истинности познания сущности исследуемого процесса, — большего доказательства процесс познания предоставить не может.

Но здесь исследователя поджидает неустраняемая сложность — истинную сущность можно только логически реконструировать, ибо, когда процесс только идет к саморазличению, то он еще «незрел» для научного анализа, а после, когда достиг ступени саморазличения и «раскололся» на противоположности, то это и маскирует его когда-то существовавшую единую сущность, которую теперь приходится умозрительно строить из логического «соединения» саморазличившихся противоположностей.

Следует строго различать понятия «метод», «методология», «методика» и «теория»:

метод — способ, принцип познания; в зависимости от уровня исследования принято различать общие и частные методы;

методология — совокупность общих, исходных, фундаментальных принципов исследования, обусловленных природой изучаемого объекта;

методика — совокупность частных приемов исследования;

теория — совокупность относительно достоверных знаний, накопленных данной наукой на данный момент.

Особо следует сказать о соотношении методологии и теории: они взаимопроникают — методологические принципы, как правило, образуют составную часть теоретических положений, а новые теоретические положения, будучи результатом реализации методологических принципов, сами выступают в последующем анализе в статусе исходных методологических посылок познания.

У всех наук — и естественных, и социальных, и гуманитарных — один научный метод: метод материалистической диалектики. Этот метод является величайшим интеллектуальным достижением человечества, выдающимся результатом всей истории познания, начало которому положили древние греки.

Материализм в экономической науке означает признание объективности возникновения, движения и развития общественного производства.

Диалектика в экономической науке есть характеристика движения экономического мира во всей противоречивости его внутренних и внешних случайных и необходимых связей.

Следовательно, метод материалистической диалектики характеризует такой подход к экономике, при котором обеспечивается адекватное — в рациональной форме — отражение ее действительного (противоречивого) движения.

Методология — «философская часть» любой науки, своего рода сфера «самопознания» данной науки, та модель исследования, когда результат анализа во многом предопределен выбором его исходных принципов.

Состав фундаментальных принципов, образующих методологию экономической науки, не является, конечно же, постоянным — он изменяется с изменением исторических парадигм экономического мышления, по мере актуализации тех или иных направлений экономической теории, а так-

же под воздействием объективных перемен в общественном производстве.

2. Принцип объективности экономических процессов

Признание объективного (т. е. независимого от воли и сознания участников экономических процессов, а также познающих эти процессы) характера общественно-производственных связей и форм — исходный и важнейший методологический принцип экономической науки; именно благодаря ему реализуется материалистический, а не идеалистический, подход к анализу производственной (экономической) сферы.

Основной вопрос философии — первичность материи относительно сознания (мышления) — применительно к экономике выступает уже как проблема первичности экономического бытия относительно экономического сознания.

Поскольку эти понятия для экономической науки являются фундаментальными, кратко остановимся на их содержании.

Экономическое бытие означает не столько объективные материальные условия жизнедеятельности общества (на языке классической политической экономии — «уровень развития производительных сил»), сколько данные экономические отношения, образующие социальный базис такой жизнедеятельности.

Экономическое сознание есть отражение данного экономического бытия в рациональной (научной) и иррациональной (религия и политика) формах.

В экономической науке понимание «объективности» гораздо сложнее, чем в других отраслях социального знания. Дело в том, что объектом всех социальных наук являются общественные действия и их общественные результаты. И, кажется, на первый взгляд, что эти общественные действия изначально субъективны, ибо люди действуют осознано (в соответствии с поставленной ими перед собой целью). Но именно такая напрашивающаяся трактовка общественных действий как субъективных решений и означает идеалистический подход.

Сложность и трудность познания объективной природы общественного (экономического) бытия явилась причиной того, что идеалистическое толкование общественных явлений, процессов и законов было самым

длительным и сильным именно в экономической науке: если в естествознании ученые неизбежно должны были стоять (хотя бы стихийно) на материалистических позициях, даже если это был «метафизический материализм», то гуманитарные науки характеризовались безраздельным господством идеализма. Последний особенно проявлялся в трактовке экономической истории — она рассматривалась то как результат действий великих людей (точка зрения древнегреческого Солона), то как результат некоего «общественного договора» (Ж. Ж. Руссо), то как призыв к изменению сознания как единственного средства изменения общества (Сен-Симон).

Распространение принципа объективности («материалистической диалектики») не только на природные («диалектический материализм»), но и на общественные процессы («исторический материализм») заняло целую эпоху, но по-прежнему актуально в кризисные периоды экономики, реанимирующие самые диковинные представления о сущности и механизме экономических процессов. Впрочем, каждое отступление обществоведов от материалистических позиций приводит только к одному — объективная диалектика представала через извращенно отражающую ее идеалистическую диалектику.

Итак, как же понимать природу объективного в экономической сфере?

Действия участников производства носят, конечно, субъективный характер, поскольку исходят из данной меры осознания экономической реальности, но это не изменяет объективной природы тех экономических отношений, которые складываются в данном обществе в данный исторический период.

Объективность экономического движения обусловлена тем, что каждое поколение наследует только данный уровень развития производства и, следовательно, может осуществлять свою целенаправленную деятельность только в рамках имеющихся производственных предпосылок. Отсюда видно, что особенность объективного в экономической жизни в том, что здесь объективное существует «через» субъективное и «посредством» субъективного, — в выявлении объективной природы субъективных действий и состоит вся сложность, тонкость и искусство исследования экономических процессов.

Вместе с тем признание объективной природы экономических отношений не должно приводить к выводу о пассивности, безуспешности воздействия на них людей. Это — крайняя позиция (получившая название «экономический детерминизм»), которая ничего не имеет общего с диалектическим материализмом и чревата «экономическим фетишизмом».

Таким образом, идеализм в экономическом анализе состоит вовсе не в том, что признается существование идеальных побудительных мотивов общественно-производственной деятельности, а в том, что на этом останавливаются, не идут дальше, не выясняют — что же лежит в основе этих мотивов, какие объективные потребности экономики выражают «субъективные» интересы участников производства?

3. Принцип сочетания исторического и логического

Научное отражение действительного, реального движения общества может быть достигнуто в двух идеальных формах — или исторической, или логической.

«Историческое» — это прямое («зеркальное») воссоздание конкретного хода развития данного процесса (его зарождение, становление, развитие, изменение, неотъемлемо включающие все реально состоявшиеся отклонения, случайности, форс-мажорные обстоятельства и т. д.). Иными словами, это идеографический (описательный) уровень познания.

«Логическое» — это отражение данного исторического процесса в его абстрактной и теоретически-исправленной форме.

Из приведенных выше определений вытекает, что основой «логического» является «историческое», дающее материал для логического отражения и потому делающее возможным такое «исправленное» отражение. Без опоры на исторический материал логическое отражение невозможно и обречено вырождаться в схоластику.

Однако и организация самого логического необходимо должна соответствовать историческому. Иными словами, логическое отражение не «произвольно» по отношению к историческому, а должно отражать последовательные ступени исторического разви-

тия данного процесса. Развертывание логического должно придерживаться исторической последовательности — такова зависимость логического от исторического.

Сущность принципа сочетания исторического и логического великолепно выразил Ф. Энгельс: «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 13. С. 497). Под «исправленным» Энгельс в данном случае имеет в виду знание, очищенное от случайностей, зигзагов и т. д.

Не менее значимый аспект отмечает К. Маркс: «Ход абстрактного (логического — О. М.) мышления, восходящего от простого к сложному, соответствует действительно... историческому процессу» (там же, т. 46, ч. 1. С. 39). Это значит, что реальное развитие всегда совершается как восхождение от простого к сложному, и потому «логическое» движение также должно представлять соответствующим восхождением.

Разумеется, и «историческое», и «логическое» — сложно-структурированы: для исторического «единица» структурирования — реальные события, из последовательности которых и соткана историческая непрерывность; для логического такой структурной «единицей» выступает «экономическая категория», которая есть не что иное, как теоретическое выражение (абстракция), придающее логическую определенность данной сущностной характеристике экономических процессов. Это значит, что, оперируя экономическими категориями, следует всегда помнить их отраженную, логическую природу, не пытаясь приписать им самостоятельное и уж тем более активное начало.

Социальная сущность экономической категории всегда должна характеризоваться «субъектами» (сторонами данных экономических отношений) и «объектами» (материализованными результатами общественного производства, по поводу которого они складываются). Субъектно-объектная характеристика экономической категории и придает ей качественную определенность в общей системе экономических категорий.

По словам Маркса, исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. И если это удалось, и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция. В этом и заложена возможность отрыва (в рамках познания) категориального (логического) от исторического, далее перерастающего в схоластику. Подобную опасность всегда следует учитывать на всех ступенях экономического анализа.

В рамках экономической теории проблема соотношения исторического и логического приобрела своеобразное выражение как проблема соотношения исходного и основного элемента (отношения) данной экономической системы. Дело в том, что выделение исходного элемента отражает исторический подход в исследовании экономики. Исходный элемент — это такое экономическое отношение, которое в скрытом виде, «в зародыше» содержит существенные («системные») свойства всех элементов будущей, формирующейся экономической системы. Исходный элемент в дальнейшем, т. е. в уже сформированной системе, преобразуется в основной элемент, выражающий сущность данной системы.

Если обнаружение исходного элемента — результат исторического подхода к экономической системе, то выделение основного элемента — результат ее логического исследования. При этом парадокс познания заключается в том, что выделение исходного элемента возможно только посредством ретроспективной реконструкции генезиса основного элемента, ибо только воссоздание реальной истории становления основного элемента позволяет определить исходный элемент.

4. Принцип диалектики общего и особенного

Любое экономическое исследование призвано выявить общее и особенное в изучаемом процессе. Действительно, ряд моментов общественного производства присущ ему на всех ступенях развития (например, разделение труда, отношение собственности, необходимость простого воспроизводства); вместе с тем существуют и такие формы, которые свойственны только одной ступени общественного производства.

Выявление особенных моментов образует главную задачу исследования, поскольку общие моменты — именно потому, что они «общие» — не дают исторической характеристики. Более того, даже понять специфику действия общих моментов можно, только раскрыв особенные характеристики.

В чем же здесь методологический аспект проблемы? В том, что при акценте на особенное между различными ступенями экономической истории образуется разрыв, теряется преемственность; при акценте же на общее теряется уже особенное, экономические формы предстают вечными, неизменными, неподвижными.

5. Принцип диалектики конкретного и абстрактного

Реализация в экономическом анализе принципа сочетания конкретного и абстрактного особенно важна потому, что объект экономической науки обнаруживается только посредством применения абстрактно-логического метода. Для лучшего уяснения сущности данного принципа следует остановиться на используемых терминах.

Понятие «конкретное» имеет два значения:

- а) в онтологическом смысле «конкретное» — это сам предмет (процесс, явление) как реально существующее единство множества реально присущих этому единству свойств и связей;
- б) в гносеологическом смысле «конкретное» — это полное, целостное отражение данного предмета в мышлении, в логически-рациональной форме, в идеальной форме (в сознании).

«Абстрактное» же — это одностороннее (отвлеченное от всего реального богатства конкретного) отражение в мышлении (сознании) данного предмета.

Исходя из этого, общий ход процесса экономического познания включает последовательное движение по трем ступеням:

исходный пункт («эмпирически-конкретное») — конкретное как созерцание и представление данного предмета в сознании, т. е. уровень его чувственно-конкретного отражения, образующее обыденное знание о нем;

первая ступень познания («теоретически-абстрактное») — отражение отдельных, единичных существенных сторон

изучаемого предмета посредством формирования соответствующих абстракций; *вторая ступень познания («теоретически-конкретное»)* — полное отражение конкретного посредством синтеза абстракций в единую систему («теорию»).

Характеризуя логику экономического познания в общеметодологическом аспекте, К. Маркс писал: «На первом пути полное представление (конкретного — *О. М.*) подверглось испарению путем превращения его в абстрактные определения, на втором пути — абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 46., ч. 1. С. 37). Следовательно, метод восхождения от абстрактного к конкретному есть «способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно-конкретное» (там же, с. 37–38). Исходя из этого, выражение «восхождение от абстрактного к конкретному» верно постольку, поскольку подразумевает «по умолчанию» исходный пункт в виде «эмпирически-конкретного»; в противном случае неизбежна схоластика.

6. Принцип системного подхода

Наибольшую сложность представляет анализ «чисто» экономических форм, отношений и связей, которые вообще не даны в ощущениях («эмпирически»), а обнаруживаются только посредством абстрагирования от конкретики экономической реальности, подстановки на место «субъект-объектных» связей «субъект-субъектных» отношений.

Системный подход является одним из важнейших методологических принципов в любой отрасли социального знания и, подобно мере использования математики в экономической науке, выступает особым свидетельством реально достигнутого этой науки уровня развития. Словом, реализацию системного подхода можно считать объективным доказательством научности обосновываемой концепции.

Всякий объект экономического анализа есть сложный феномен, образуемый множеством составных частей («элементов»). Совокупность этих элементов может быть случайной, а может быть и упорядоченной (т. е. внутренне-организованной; такая упорядоченная совокупность удостоивается

высшего звания среди объектов научного познания — «система»).

Объект научного анализа всегда является системным образованием. Поэтому основными понятиями системного подхода являются — «система», «структура», «функция» и «элемент».

Общий алгоритм системного анализа включает движение по следующим ступеням:

- сначала происходит изучение и накопление информации для категориальной характеристики отдельных явлений, процессов и законов, еще не рассматриваемых как составные части неведомой на данном этапе познания системы,
- затем в поле зрения исследователей входят взаимосвязи между отдельными явлениями процессами и законами, в результате чего:
 - а) обнаруживается структура данной упорядоченной совокупности,
 - б) определяются функции, выполняемые каждой составной частью рассматриваемой совокупности (эта ступень является решающей для реализации принципа системного подхода, поэтому он и получил название «структурно-функциональный» анализ).
 - в) формируется представление об объекте как о целостной системе,
 - г) система открывает критерии выделения ее элементов.

Самостоятельность системного подхода в методологии научного анализа обеспечивается тем, что природа, качество, сущность любой системы не равнозначны механической сумме свойств составляющих ее элементов.

Специфическую сложность в системном подходе представляет выделение «элемента» данной системы — каким критериям должна отвечать составная часть, чтобы иметь право выступить «элементом»? Отсюда, между прочим, следует, что не всякая «составная часть» может предстать «элементом» системы и невнимательность в этом пункте чревата лжепознанием.

«Элементом» должна называться та наиболее дробная часть совокупности, которая еще характеризуется системными свойствами, объективно присущими данной упорядоченной совокупности. Иными словами, это предельный дробный уровень построения

системы, за которым утрачивается системное свойство. Например, элементами рыночной системы являются самостоятельно-хозяйствующие субъекты; поэтому, анализируя современные холдинги, мы выходим на уровень отдельных фирм, которые также являются самостоятельно-хозяйствующими субъектами и в этом смысле сохраняют «признак рыночности». Но если мы вздумаем углубиться в структуру отдельных фирм и выйти уже на уровень составляющих их подразделений, то мы уже не обнаружим названный выше признак. Одновременно этот пример удачно показывает на динамике элемента, поскольку завтра данное подразделение отдельной фирмы может — в силу ряда обстоятельств — получить хозяйственную самостоятельность, и тогда оно войдет в состав «элементов» рыночной системы. И, наоборот, фирма может утратить самостоятельность — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Реализация системного подхода объективно возможна только на определенном этапе научного познания — после изучения отдельных элементов. Поэтому любая авторская концепция есть развернутая система логических абстракций, степень научной системности которой определяется уровнем анализа ее элементов.

В свете системного подхода предмет экономической науки представляет собой сложно-структурированный объект, элементами которого выступают следующие подсистемы: «подсистема экономических законов», «подсистема экономических противоречий», «подсистема экономических потребностей», «подсистема экономических интересов», «подсистема экономических объектов», «подсистема экономических субъектов», «подсистема экономических отношений».

7. Принцип противоречивости как источник самодвижения экономики

Научный подход в экономическом исследовании всегда исходит из того, что источник экономического движения заключен в противоречиях (их возникновении и разрешении), причем имеются в виду не внешние, а внутренние противоречия, обеспечивающие экономике ее «самодвижение».

Экономические противоречия всегда имеют объективную природу, их нельзя сводить к ошибкам, недостаткам, т. е. к уровню

сознания. Однако, строго говоря, источником движения (развития) являются, конечно, не сами противоречия, а их разрешение посредством борьбы между участниками производства.

Всякий социально-экономический процесс, его развитие представляет собой бесконечную цепь непрерывно возникающих и разрешаемых противоречий.

8. Динамизм как методологический принцип

Экономический мир находится в постоянном изменении, развитии, преобразовании, т. е. в динамике. Следовательно, объект всякого научного анализа является динамичным. Неподвижное состояние, статика есть только момент в бесконечном процессе динамики. Вместе с тем основы динамического анализа, его предварительным условием выступает изучение явления в статике. Однако в экономике статика создается искусственно, путем абстрагирования, ибо экономические явления и процессы находятся в постоянной динамике. Это значит, что только динамичное рассмотрение способно адекватно отразить действительное движение объекта.

Особо следует выделить характерные черты динамики экономических законов, которую они претерпевают в рамках определенной экономической ступени: расширение сферы действия, новые формы реализации, усиление взаимодействия с другими законами, более полное отражение системности данного производства.

9. Принцип примата производства

Структура экономических отношений включает их дифференциацию по сферам производства, распределения, обмена и потребления.

Категория «производство» в экономической теории употребляется в двух смыслах: «собственно производство» (в этом узком смысле имеется в виду сфера непосредственного созидания материальных и духовных благ) и «общественное производство», охватывающее все названные сферы.

Какова же субординация названных сфер? Ее правильное понимание во многом обеспечивает верность выводов экономического исследования.

Увы, — история экономической мысли свидетельствует о том, что адекватное сознание реальной иерархии экономических сфер шло в «обратном» направлении: меркантилисты главной сферой считали обращение, физиократы — только аграрное хозяйство, Смит вышел на материальное производство, и только марксов анализ стоимости вынудил говорить о «производстве вообще».

В рамках экономики необходимо исходить из первичности («примата») собственно производства (и возникающих здесь экономических отношений) относительно других сфер общественного производства (и возникающих в них экономических отношений). Более того, следует признать — каковы сущность и характер экономических отношений в сфере непосредственного производства, таковы они и в других сферах. Поэтому экономические отношения, складывающиеся в сфере непосредственного производства, называют «первичными», тогда как отношения в сферах распределения, обмена и потребления — «вторичными» (или «производными»).

10. Принцип превращенности и овеществленности экономических отношений

Известно, что сущность и явление, форма и содержание не совпадают, — в противном случае научное знание совпадало бы с обыденным, да и вообще не могло бы состояться в силу этого совпадения. Однако в том-то и состоит сложность познания, в том числе и экономики, что проявление содержания может происходить «на поверхности» в измененных, искаженных, деформированных, превращенных и даже иррациональных формах, поскольку форма никогда прямо не отражает содержание.

Действительно, одно и то же содержание может быть представлено одновременно множеством — в различной мере выражающих его сущность — форм, лишь одна из которых адекватно отражает данное содержание. Поиск такой «содержательной формы» — самостоятельное направление в любом экономическом исследовании.

Примером превращенной формы может служить — в рамках экономической концепции марксизма — категория «ссудный процент» («чистое самовозрастание»)

стоимости. Научный анализ позволил выявить, что ссудный процент есть обособившаяся часть прибавочной стоимости, а последняя, в свою очередь, есть результат эксплуатации наемного труда в сфере непосредственного производства. Таким образом, хотя на экономической поверхности ссудный процент принимает видимость осуществления «сверхъестественного» свойства денег к таинственному самовозрастанию, но на самом деле она является порождением капиталистической организации экономики:

«форма формы» — ссудный процент

«форма содержания» — прибыль

«содержание» — прибавочная стоимость

Особой самостоятельной проблемой в области экономического познания выступает учет эффекта «овеществленности» экономических отношений. Эта проблема возникает в силу того, что общественная природа экономических отношений, в которой нет ни грана вещественного, придает этой «невещественной» природе настолько «невидимое» состояние, что экономисты — видимо, в порядке компенсации недостающей им возможности тактильного соприкосновения с «экономическим субстанцией» — больше других категорий обществоведов подвержены опасности «овеществления» экономических процессов. Например, на первый взгляд, отношение собственности есть отношение человека к вещи, хотя на самом деле это отношение одного человека к другому. О сущности экономических отношений много лет назад было удачно сказано, что это — отношение между людьми, прикрытое внешней оболочкой.

Тенденция к овеществленной характеристике экономических процессов особенно усиливается в ситуации, когда не производители господствуют над продуктами своего труда, а, наоборот, — продукты труда господствуют над производителями, порождая тем самым эффект «отчуждения труда», а с ним и «товарный фетишизм» (денежный, валютный, золотой и т. д.).

Конечно, поиски материализованного (вещественного) носителя тех или иных экономических отношений необходимы и закономерны, тем более, что только нахождение такого носителя позволяет перейти от качественной к количественной характеристике экономических процессов. Но точно так же,

как и в случае с мотивацией экономического поведения (когда требуется не останавливаться на этой мотивации, а идти к объективно-формирующим их условиям), при анализе овеществленных форм экономических отношений необходимо выходить на их качественную характеристику — на социальное содержание экономических процессов.

Методология — особый интеллектуальный инструмент познания, отражающий объективную специфику изучаемого данной наукой фрагмента объективной реальности. Будучи рациональным обобщением реальной практики изучения экономических процессов и отношений, методология призвана

уменьшить издержки единственно доступного эмпирического метода познания, известного как метод «проб и ошибок». Однако — и в этом весь парадокс эвристического потенциала методологии — можно, как великолепно заметил Г. В. Плеханов, прийти, придерживаясь научной методологии, к неправильным выводам, и, наоборот, можно, придерживаясь антинаучной методологии, прийти к правильным выводам.

Знание методологии еще не гарантирует научного уровня познания, зато незнание методологии, игнорирование ее эвристического потенциала способно серьезно затруднить и умножить муки познания.

Продолжение следует...

Авторские работы по методологическим проблемам экономической науки

1. Мамедов О. Ю. Производственное отношение: политико-экономическая модель: Материалы к спецкурсу // Библиотека экономических спецкурсов. Ростов н/Д: Феникс, 1997.
2. Мамедов О. Ю. Политическая экономия. Ростов н/Д: Феникс, 1999 г.
3. Мамедов О. Ю. Смешанная экономика. Двухсекторная модель. Ростов н/Д: Феникс, 2001.
4. Мамедов О. Ю. «10 мин замедленного действия», или переживет ли российская экономика свою модернизацию? // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 2. С. 5–8.
5. Мамедов О. Ю. Главная надежда России — переход к современному мировоззрению! // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 1. С. 113–117.
6. Мамедов О. Ю. Государство и экономика // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 3. С. 5–9.
7. Мамедов О. Ю. Губительная страсть, как неистовая любовь древнеримского государства к древнеримской экономике погубила эту самую экономику // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 2. С. 104–116.
8. Мамедов О. Ю. Две судьбы: стоимость и собственность // Terra Economicus. 2006. Т. 4. № 4. С. 5–10.
9. Мамедов О. Ю. Две эпохи (от диктатуры политической экономии — к диктатуре экономической политики) // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 1. С. 4–8.
10. Мамедов О. Ю. Идентичность российской экономики: испытание глобализацией // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 2. С. 85–94.
11. Мамедов О. Ю. Идеология? — Ребюрократизация! // Terra Economicus. 2004. Т. 2. № 4. С. 5–9.
12. Мамедов О. Ю. Как помочь обновлению отечественной экономической науки? // Terra Economicus. 2008. Т. 6. № 2–2. С. 7–11.
13. Мамедов О. Ю. Какая экономическая модель необходима российской экономике? // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 2. С. 4–8.
14. Мамедов О. Ю. Кризис, экономисты и... народ // Terra Economicus. 2008. Т. 6. № 3. С. 5–10.
15. Мамедов О. Ю. Лаплас бы вновь получил по заслугам // Terra Economicus. 2006. Т. 4. № 3. С. 5–6.
16. Мамедов О. Ю. Между псевдопрагматикой и лжетеорией (смутная пора отечественной экономической науки) // Горизонты экономики. 2012. № 2. С. 58.
17. Мамедов О. Ю. Между экономикой и политикой выбирайте... ee! // Terra Economicus. 2005. Т. 3. № 4. С. 5–6.
18. Мамедов О. Ю. Миры, антимир и миражи экономической науки // Terra Economicus. 2007. Т. 5. № 3. С. 5–8.
19. Мамедов О. Ю. Модернизация российской экономики может иметь только глобализационную направленность! // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 3. С. 5–9.
20. Мамедов О. Ю. Незванный эмпиризм — хуже схоластики! // Terra Economicus. 2003. Т. 1. № 3. С. 20–23.

21. Мамедов О. Ю. Нужна ли экономическая теория хозяйственной практике? // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 4. С. 76–81.
22. Мамедов О. Ю. Опасайся «кессонной болезни»! // Terra Economicus. 2006. Т. 4. № 2. С. 5–7.
23. Мамедов О. Ю. От любви до ненависти — один шаг. А от ненависти до любви? // Terra Economicus. 2004. Т. 2. № 3. С. 5–8.
24. Мамедов О. Ю. Покончить с реализацией устаревших мифов и догм // Мир перемен. 2013. № 2. С. 41–43.
25. Мамедов О. Ю. Ребюрократизация — главный враг юного российского рынка // Terra Economicus. 2005. Т. 3. № 1. С. 5–7.
26. Мамедов О. Ю. Регенерация экономической системы в России: специфика и тенденции // Terra Economicus. 2007. Т. 5. № 1. С. 59–68.
27. Мамедов О. Ю. С чего начинается эффективная экономика // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 3. С. 6–11.
28. Мамедов О. Ю. Самые сложные проблемы — внутринаучные! // Terra Economicus. 2007. Т. 5. № 1. С. 5–8.
29. Мамедов О. Ю. Субститутная экономика (опыт контурного анализа) // Terra Economicus. 2005. Т. 3. № 1. С. 34–42.
30. Мамедов О. Ю. Тайна инновационной экономики — в ее инновационной организации! // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 2. С. 5–8.
31. Мамедов О. Ю. Три императива цивилизованной экономики // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 4. С. 5–8.
32. Мамедов О. Ю. Утомленные экономикой (две стороны институционализма) // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 2. С. 5–10.
33. Мамедов О. Ю. «Философизм» против «экономизма», или как «философия хозяйства» уже более ста лет пытается тягаться с «политической экономией», соблазняя малых мира сего // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 3. С. 63–68.
34. Мамедов О. Ю. Экономика и экономисты (мучительные вопросы — смутные ответы) // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 2. С. 5–9.
35. Мамедов О. Ю. Экономическая аксиология: поветрие в безветрие? (полемиические заметки) // Terra Economicus. 2003. Т. 1. № 4. С. 5–10.
36. Мамедов О. Ю. Экономическая теория нужна всем, кроме экономистов? // Terra Economicus. 2014. Т. 12. № 3. С. 8–14.
37. Мамедов О. Ю. «Эвристические точки» диссертационного исследования // Экономические науки. 2005. № 11. С. 83–90.

Капитализм и кризисы: становление и развитие политико-экономического подхода

Рязанов Виктор Тимофеевич

д-р. экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории
Санкт-Петербургского государственного университета

v.rjanzanov@mail.ru

Ключевые слова: экономический кризис, причины кризиса, экономические школы и кризис, накопление капитала, современный кризис и политическая экономия.

Keywords: capital, capital accumulation, late capitalism, territorial, institutional and cultural boundaries of capitalism, market, exchange of gifts.

Экономический кризис — это всегда сложное испытание и тест для любой научной экономической школы. Ведь в такой период проходит ответственную проверку научный, прогностический и практический потенциал, содержащийся в каждой научной школе. Именно в этот период востребованность экономического знания и самих экономистов-теоретиков существенно возрастает. Можно считать, что в этом случае роль экономической науки и экономистов напоминает роль медицины и врача в жизни любого человека. Пока человек молод и здоров, медицина его если и интересует, то только в качестве дополнительного знания, полезного для общей эрудиции. Да и с врачами чаще всего его непосредственное и заинтересованное знакомство происходит тогда, когда что-то случится со здоровьем, а организм начинает работать со сбоями. Видимо, не случайно и то, что среди первых экономистов-теоретиков зарождающейся новой науки можно обнаружить врачей по своей первоначальной профессии. К примеру, в их числе У. Петти¹⁾ и Ф. Кенэ²⁾. Во всяком случае, организм человека по своему сложному устройству и неразрывной взаимосвязи — это хороший пример для обеспечения надежной работы

экономического организма, а такие базовые принципы медицинской этики как «не навреди» и «до последнего бороться за жизнь пациента» — чем не пример для профессиональной деятельности экономиста.

Экономическая наука обратилась к специальному исследованию циклов и кризисам перепроизводства в период, когда уже сложились ее основы, а в Англии в 1825 г. произошел первый циклический кризис перепроизводства. Хотя следует отметить, что сложности и ограничения в функционировании рыночной экономики были выявлены уже при зарождении экономической науки. Они были связаны с определением возможности перепроизводства, которая обуславливалась нарушением равновесия между производством и спросом, а также возникшей проблемой неоднозначного влияния бережливости на потребление. Постепенно накапливался практический материал, который позволил перейти от анализа локальных сбоев в рыночном механизме к постановке общей проблемы цикличности экономического развития. В дальнейшем теория циклических колебаний в экономике стала активно разрабатываться с конца XIX века, когда был накоплен богатый эмпирический опыт экономического развития капиталистических стран и стало окончательно ясно, что наступление кризисов не является случайным событием, а имеет объективные основания. С этого времени в экономической науке как в общих рамках сложившихся научных школ, так и в ее самостоятельных частях формируются различные представле-

¹⁾ У. Петти (1623–1687) — получил медицинское образование, работал врачом, стал профессором анатомии в одном из английских колледжей.

²⁾ Ф. Кенэ (1694–1774) — получил медицинское образование, работал лейб-медиком французского короля Людовика XV, имел степень доктора хирургии.

ния на природу циклов и кризисов, а впоследствии и возникают свои научные направления³⁾.

Одним из важных проявлений исторической заслуги классической политической экономии является то, что уже в ее недрах сформировались теоретические основы для выявления объективных причин экономических кризисов при капитализме и для научного объяснения их природы. Особое внимание к сущностной стороне хозяйственной деятельности ориентировало на обнаружение причинно-следственных связей, что позволяло определить внутренние противоречия и ограничения в самом воспроизводственном процессе. При этом важно и то, что с развитием политической экономии последовательно формировался подход в исследовании экономических отношений капитализма как воспроизводственной деятельности, т. е. в единстве производства, обмена, распределения и потребления. Опора на воспроизводственный подход в исследовании хозяйственной деятельности позволила реализовать ее системное (целостное) видение. В воспроизводственном процессе как целостности присутствует «вход» в систему — производство и «выход» из нее — потребление, а также опосредствующие звенья — обмен и распределение.

Важным достоинством воспроизводственного подхода является и то, что на его основе выявляются не только качественные характеристики хозяйственной деятельности, но и количественные зависимости и условия ее реального осуществления. Из такого единства качественного и количественного анализа выводится самая общая типология воспроизводственной деятельности в виде простого, расширенного и суженного (падающего) воспроизводства и вместе с ней раскрываются условия и факторы обеспечения экономического роста и одновременно обнаруживаются предпосылки и причины циклической неравномерности и кризисных падений производства.

Становление взглядов классиков на предмет политэкономии происходило так: от первоначального выделения сферы обращения (школа меркантилизма) к сфере производ-

ства богатства (школа А. Смита)⁴⁾, затем — к его распределению и потреблению (Д. Рикардо, Сисмонди). Можно считать, что итоговым пунктом теоретических изысканий классиков стал выбор всего воспроизводственного процесса в качестве предмета науки, но в котором ведущую роль играла сфера производства. В наиболее концентрированном виде воспроизводственный подход к предмету был представлен, хотя и неодинаково, в произведениях К. Маркса и Дж. С. Милля⁵⁾.

Стоит также отметить, что обоснование экономических отношений, складывающихся в процессе воспроизводства общественного продукта, в качестве предмета политэкономии, особенно отчетливо представленное в марксистской ветви классической политэкономии, давало возможность исследовать их в единстве качественных и количественных характеристик. В таком подходе присутствует и «производственно-продуктовая» характеристика хозяйственной жизни, раскрывающая важнейшую материальную сторону жизни общества как базовую для любого этапа его развития и указывающая на наличие в ней объективных количественных пропорций и взаимосвязей. И одновременно в нем представлена «деятельностно-отношенческая» сторона, поскольку воспроизводственное движение созданных жизненных благ осуществляется не автоматически, а всегда опосредуется конкретной деятельностью людей. Поэтому проблема воспроизводства общественного продукта логично дополняется качественной характеристикой воспроизводства соответствующего типа общественно-экономической си-

⁴⁾ Сам А. Смит не предложил четкое определения предмета политической экономии, ограничившись во введении к четвертой книге выделением двух ее главных задач, решению которых она должна способствовать: обеспечить народу «обильный», а государству «достаточный» доход. По этому поводу Ж.-Б. Сэй заметил: «Было бы лучше сказать, что предмет политической экономии — это выявить средства, с помощью которых богатства образуются, распределяются и потребляются» [2].

⁵⁾ По определению Дж. С. Милля, предметом политической экономии является «исследование сущности богатства, законов его производства и распределения» [3]. К. Маркс в «Капитале» в качестве предмета своего исследования определил «капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» [4]. В свою очередь, Ф. Энгельс трактовал политическую экономию как науку «о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе» [5].

³⁾ Интересно, что уже в 1898 г. Е. Э. Бергман выпускает книгу с таким названием: «Исторический очерк теорий экономических кризисов». Ранее, в 1895 г. она была издана на немецком языке. В настоящее время она переиздана, [1].

стемы отношений между классами и социальными группами. Если это капиталистическое хозяйство, то оно и воспроизводится как именно такой тип хозяйства, даже при появлении новых технологических укладов, постоянно меняющих его облик.

Еще одним достоинством такой картины экономической реальности является то, что анализ экономических отношений логично выводит на важность учета противоречивого взаимодействия экономических интересов в обществе⁶⁾, а вслед за этим и на более широкую социальную проблематику хозяйственной деятельности, связанную с формированием неоднородной социально-классовой структуры общества, с неизбежными конфликтами и противоречиями в условиях ассиметричного распределения доходов, богатства и власти.

Такой сложившийся в процессе развития политэкономической методологии потенциал позволил ее представителям разработать основы теории экономических кризисов при капитализме, которые не утратили своего значения на современном этапе. Хотя следует отметить, что выявление объективных причин кризисов перепроизводства далеко не сразу же произошло с рождением классической школы в экономической науке. Такие признанные ее основоположники как А. Смит (1723–1790) и Д. Рикардо (1772–1823), будучи последовательными приверженцами экономического либерализма, не сомневались в способности рыночного механизма автоматически уравнивать спрос с предложением. То, что вопрос о возможности кризиса ими специально не обсуждался, дополнительно объясняется и тем обстоятельством, что первый циклический кризис перепроизводства в реальной жизни произошел после выхода их основных произведений⁷⁾.

⁶⁾ Известная формула в теории марксизма звучит так: «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы» [6].

У Кейнса, судя по всему, по этому поводу было другое мнение. В завершении своего исследования он утверждал: «... Сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей» [7]. Скорее всего, здесь идет речь не о противопоставлении интересов и идей, а об их взаимосвязи. Поэтому не будет ошибкой согласиться с тем, что экономические отношения проявляются также как идеи.

⁷⁾ Первый циклический кризис перепроизводства произошел в Англии 1825 г. Книга же А. Смита была издана в 1776 г., а книга Д. Рикардо — в 1817 г.

Что же касается самой гипотезы об автоматизме в согласовании спроса и предложения в экономической науке, то ее обоснование, как правило, связывают с именем Ж. Б. Сэя (1767–1832) — французским представителем классической школы. В своей работе «Трактат политической экономии» (1803), опираясь на разработанный А. Смитом подход о решающей роли производства в хозяйственной деятельности, он утверждал, что в таком случае предложение должно автоматически рождать спрос, поскольку «сбыт для продуктов создается самим производством». Иначе говоря, «один только факт производства товара в тот самый момент, как он произведен, открывает сбыт для других продуктов». По существу, реальное товарное обращение, осуществляемое по формуле $T - \Delta - T$, французский экономист упрощал до формулы прямого товарообмена ($T - T$)⁸⁾.

Из этого впоследствии делался вывод о том, что при предположении о возникающем равенстве доходов и стоимости продукции в условиях совершенной конкуренции и гибкости цен и заработной платы предложение товаров определяет их спрос. Такая зависимость получила название «закона рынков», который Дж. М. Кейнс определял как «закон Сэя». Он гласил: «производство всегда равняется потреблению». Указанное равенство еще ранее обосновывалось А. Смитом и в дальнейшем в истории экономической науки получило название «догмы Смита». Из такого подхода логично следует, что производство приносит доходы, на которые покупаются товары соответствующей стоимости. В трактовке Сэя равенство доходов и стоимости формулировалось следующим образом: «покупка всякого продукта не может совершиться иначе как на ценность другого продукта». Поэтому совокупный спрос в экономике всегда равен совокупному предложению.

В случае превращения части дохода в сбережения, которые не используются непосредственно на приобретение товаров, они автоматически превращаются в инвестиции и тем самым вновь возвращаются в производственный процесс, т. е. обеспечивается равенство сбережений и инвестиций. Этим в принципе исключается пробле-

⁸⁾ В этой связи К. Маркс справедливо указывал: «Никто не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил. Но никто не обязан немедленно покупать только потому, что сам что-то продал» [7].

ма реализации в масштабах всего народного хозяйства, а значит, и возможность всеобщих кризисов перепроизводства. Если она все же возникает, то причина находится в действии внешних факторов (войны, стихийные бедствия, вмешательство государства) или связана с перепроизводством отдельных товаров. В обосновании Сэем отсутствия объективных причин наступления кризисов перепроизводства слабым звеном является уже исходный пункт о равенстве доходов и стоимости, поскольку им не учитывается перенесенная стоимость средств производства (амортизация) в стоимости производимых товаров, а потому и роль инвестиционного спроса в его общей величине.

То, что Смит и Рикардо, оставаясь последовательными сторонниками свободного рынка и совершенной конкуренции, отрицали объективные основания для возникновения кризисов перепроизводства при капитализме, не помешало им обнаружить ограничения в развитии капиталистического производства, связанные с процессом усреднения нормы прибыли и с запуском тенденции к ее понижению. Однако данный процесс, эмпирически ими зафиксированный, они не увязали с возможностью наступления кризиса перепроизводства. Более того, для них такой процесс представлялся как естественное состояние экономики, которому присущи свои внутренние пределы, преодолимые благодаря действию рыночного механизма. Из представителей классической политической экономии Дж. С. Миль в 1848 г. первым предположил наличие связи падения нормы прибыли с возникновением кризисов. Развивая идеи Рикардо, он утверждал, что тот факт, что «подобные спады стали почти периодическими, представляет собой следствие той самой тенденции прибыли к понижению...» [8]. Она же, в свою очередь, обусловлена действием закона понижающей отдачи капитала в земледелии в условиях роста населения.

Возникшая неоклассическая школа, развивая идею совершенных рынков, продолжала свои теоретические разработки с опорой на все еще живой «закон Сэя». Ни одно уже поколение макроэкономические теоретики по-прежнему соблазняются поисками модели бескризисного развития. Хорошей иллюстрацией данного положения является то обстоятельство, что произошедший кризис в 2008–2009 гг. оказался неожиданным

для большинства экономистов неоклассической школы. Еще несколько лет назад среди ее видных представителей широкое хождение имела установка о том, что с кризисами при капитализме покончено окончательно. Вряд ли такой прогностический просчет был случайным. Приведем некоторые примеры.

Так, чикагский профессор Роберт Лукас (нобелевский лауреат по экономике за 1995 г.), выступая в 2003 г. на ежегодном собрании Американской экономической ассоциации, заявил, что центральная проблема «недопущения депрессии» снята, «если говорить о ней на практическом уровне» [9]. Отсюда следовал вывод, что наступило время заняться более важным вопросом — долгосрочным экономическим ростом.

В 2004 г. другой известный американский экономист Бен Бернанке, ставший впоследствии председателем Совета управляющих ФРС, в речи с примечательным названием «Великое усмирение» в свою очередь утверждал, что современная макроэкономическая политика решила проблему делового цикла, сделав его в целом «прирученным». Или, если говорить более точно, отработанная политика противодействия кризисам ослабила ее до такой степени, что теперь она является вопросом скорее частным, нежели требующим первоочередного внимания, не говоря уже об общемировых депрессиях, которые остались в далеком прошлом, [10]. При этом заметим, что прежде чем стать руководителем ФРС, Бен Бернанке был ученым, специализировавшимся на изучении именно Великой депрессии и экономических кризисов⁹⁾.

В сентябре 2006 г. в подготовленном МВФ обзоре мировой экономики «Перспективы развития мировой экономике» в качестве базового сценария выдвигался прогноз о сохранении высоких мировых темпов роста, хотя и отмечались возникшие риски ухудшения ситуации, связанные с глобальными дисбалансами, возможными рыночными корректировками, возникающими протекционистскими явлениями, инфляционными всплесками. Тем не менее, ожидалось, что последующий период

⁹⁾ В этой связи известна позиция Бена Бернанке о том, что если бы в начале 30-х годов XX века в американскую экономику валили достаточно ликвидности, то никакой Великой депрессии и не случилось бы. Более того, он выдвинул идею, что иногда в условиях кризиса «разбрасывание денег с вертолета» может быть необходимо, за что и получил прозвище «Вертолетный Бен».

(2006–2009 гг.) станет периодом самого мощного глобального подъема¹⁰⁾.

Конечно, такие представления о возможности создания модели бескризисного развития могут периодически возникать у представителей разных научных школ общественно-научного и в массовом сознании, когда экономика оказывается в ситуации достаточно продолжительного периода процветания. Их подпитывает возникающий временами безмерный оптимизм, свойственный человеческой психологии. Однако для представителей неоклассицизма такой оптимизм не случаен, он опирается на идеальную конструкцию рыночного механизма, способного автоматически обеспечивать сбалансированность спроса и предложения. К тому же особый акцент на сфере обмена, на функциональные связи и стационарные хозяйственные процессы — все это подводит к выводу о возможности исключить вероятность наступления кризисных обвалов в экономике. Нацеленность на изучение внешних и поверхностных взаимосвязей и зависимостей, существующих в процессе хозяйственной деятельности, имеет практическую пользу в разработке моделей устойчивого экономического роста, если абстрагироваться от неопределенности и непредвиденных обстоятельствах. Тем не менее данная школа не во всех случаях делает это достоверно и точно, что уже объясняется нереалистичностью многих из ее базовых теоретических предпосылок. При наступлении же качественных сдвигов в экономике или при зарождении крупных экономических потрясений, обостряющих проблему выбора стратегии посткризисного развития, применение функциональной теории тем более дает явные сбои.

Возвращаясь к истокам становления теории кризисов, есть все основания считать, что первым экономистом-теоретиком, который попытался обнаружить объективные предпосылки их возникновения, был Ж. С. Сисмонди (1773–1842). Будучи приверженцем классической школы политической экономии, он вместе с тем выступил критиком ряда ее важных теоретических положений и практических рекомендаций. Собственно и его самый известный экономический труд «Новые начала политической экономии, или о богатстве в его отношении

к народонаселению» (1819) [11] был посвящен критике книги Д. Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения» (1815). Особое место в работе Сисмонди занимала критика экономического либерализма классиков политэкономии и их выводов об автоматизме действия рыночного механизма согласования спроса и предложения. В противовес им он разработал свою теорию рынков, в которой ключевое место было отведено проблеме реализации и обоснованию неизбежности кризисов перепроизводства. Посетив Англию в 1815 г. и наблюдая противоречивые процессы становления капитализма, Сисмонди еще до наступления первого циклического кризиса перепроизводства в Англии в 1825 г., отвергая автоматизм равновесия в рождающейся капиталистической экономике, выдвинул «теорию недопотребления» в качестве объективной причины кризисов перепроизводства.

В его концепции прибыль как доход предпринимателей представляет собой прямой вычет из продукта труда рабочих, что изначально ограничивает их покупательную способность. Стремление к расширению производства, внутренне присущее природе капитала, формирует потребность в расширении использования машин в целях повышения производительности труда, но это оборачивается вытеснением рабочих из производственного процесса и возникновением массовой безработицы. Она, в свою очередь, приводит к тому, что рабочие вынуждены трудиться за меньшую заработную плату. Внедряемые машины на мануфактурах, утверждал Сисмонди, «всегда понижали цену на свою продукцию в арифметической прогрессии, тогда как освобождались от рабочей силы в геометрической прогрессии». В результате потребительский спрос затухал, хотя предприниматели продолжали расширять производство, что с неизбежностью вело к наступлению кризиса перепроизводства. Это означает, что с развитием капитализма внутренний рынок имеет тенденцию сужаться. Внешнеэкономическая экспансия капитала лишь временно разрешает данное ограничение, поскольку и другие страны становятся на путь капиталистического развития.

В объяснении объективных причин кризисов при капитализме отсылка к Сисмонди оправдана тем, что связь экономического роста с емкостью потребительского рынка

¹⁰⁾ Перспективы развития мировой экономики. Сентябрь 2006. Финансовые системы и экономические циклы. МВФ, 2006 (www.imf.org).

и с величиной спроса в действительности существует, а ее нарушение определяет одну из конкретных причин возможности кризиса перепроизводства и влияния на его масштаб. Тем не менее теория кризисов Сисмонди страдала определенной ограниченностью, поскольку он опирался на догму Смита и не учитывал возможности инвестиционного спроса в обеспечении экономического роста.

Определив причины кризисов перепроизводства, швейцарский экономист предложил необходимые меры для их предотвращения. Если причина кризиса заключается в несоответствии производства существующему спросу основной части населения, то необходимо обеспечить рост народного потребления за счет увеличения доходов рабочего населения и введения социального обеспечения. И здесь уже важна роль государства, реализуемая в его распределительной политике. Но главным средством борьбы с кризисами, как обосновывал Сисмонди, является отказ от экспансии производства, поскольку его безграничное расширение при ограниченном потреблении рабочего населения с неизбежностью порождает перепроизводство. Для этого необходимо вернуть ведущие позиции в экономике малому и среднему товарным укладам производства как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Ведь в отличие от крупного бизнеса, ориентированного на крупный и малоизвестный рынок, малый и средний бизнес работают либо на конкретный заказ, либо на известных покупателей, что, как он считал, делает практически невозможным производство товаров, которые не могут приобрести потребители.

Именно так, сделав ставку на малый и средний бизнес, Сисмонди предлагал бороться с кризисами перепроизводства. За счет сдерживания производства и укрепления его связи с платежеспособным спросом, как доказывалось им, удастся разрешить противоречие капиталистического воспроизводства, порожденное сужающимися рамками потребления. Однако в действительности капитализм стал развиваться по-иному, сделав ставку на экспансию производства как объективно необходимого способа обеспечения растущих прибылей для капитала. При этом острота проблемы регулирования объемов производства товаров (предложения) с развитием капитализма не ослабла. Ее решение с помощью установ-

ление контроля производителями за изменениями на товарных рынках, а еще в большей степени через использование агрессивного маркетинга, навязывающего потребительскую экспансию — все это может в определенные периоды смягчать диспропорциональность между производством и потреблением, но не устраняет коренные причины кризисов перепроизводства.

Если Сисмонди в конечном счете делал ставку на ограничение расширения производства, то немецкий экономист К. Родбертус (1805–1875), разделяя со швейцарским экономистом позицию о природе кризисов перепроизводства при капитализме, обосновывал другой и более действенный, как он считал, способ недопущения кризиса — путем увеличения спроса. Он также причину кризисов перепроизводства, хотя и называл их «торговыми кризисами», связывал с недопотреблением и бедностью рабочего населения¹¹⁾. Поэтому, чтобы исклчить кризисы производства, им предлагалось с помощью государства законодательно зафиксировать долю рабочего населения в национальном продукте. Этим, как утверждал немецкий экономист, удастся непрерывно расширять народное потребление пропорционально росту национального продукта.

Еще одно значимое имя в становлении теории кризисов — французский экономист и математик К. Жуглар (1819–1905), который в своем исследовании «О торговых кризисах и их периодическом повторении во Франции, Англии и США» (1862) обосновывал не просто объективную природу возникновения кризисов при капитализме, но и сделал вывод об их периодической регулярности со средней продолжительностью в 9–10 лет. Ее он объяснял действием не случайных экзогенных факторов, а связывал с эндогенной природой кризисов при капитализме, определяемой особенностью поведения экономических агентов.

Бесспорны заслуги К. Маркса (1818–1883), который разработал фундаментальную теорию кризисов при капитализме. Он являет собой пример способности ученого к критическому анализу экономической действительности, что и предопределило его особое внимание к обоснованию неотвратимости периодических кризисных волн при

¹¹⁾ «Благодаря бедности рабочих классов, — писал К. Родбертус в Первом социальном письме в 1850 г. — их доход никогда не может служить стимулом растущего производства» [12].

капитализме. Опираясь на признание объективной природы системного неравновесия капиталистического воспроизводства, им был раскрыт циклический его характер, дополняемый неизбежными острыми кризисными всплесками. Это означает, что кризисы имманентны самой природе капитализма и будут сопровождать его на протяжении всей истории. Оправданность такого подхода Маркса не раз подтверждалась на практике, чему свидетельствуют последние события в мировой экономике. Пока существует капитализм, его марксистский анализ сохраняет свое значение. Особенно это относится к той его части, которая касается исследования природы и причин циклического развития и экономических кризисов при капитализме (см., к примеру, [13]).

Хотя К. Маркс и не успел подготовить отдельную работу, посвященную теории кризисов, но немало преуспел в ее создании в рамках общего понимания противоречивого течения воспроизводственного процесса при капитализме. Отметим, что взгляды Маркса на природу, причины и последствия кризисов перепроизводства при капитализме наиболее полно изложены в его основном экономическом произведении — в «Капитале»¹²⁾. Причем эта проблема занимала весьма заметное место в его трактовке судьбы капиталистического хозяйства в исторической перспективе.

Если коротко выделить суть марксовской теоретической конструкции, то ее характеризует поэтапное рассмотрение целой цепи событий (причин), которая с неумолимой логикой ведет к кризису. Она начинается с наиболее абстрактных предпосылок кризиса, к которым относятся разрыв между потребительной и меновой стоимостью, несовпадение в движении товаров и денег при заключении сделок, появление кредита и др. В конечном счете такого рода абстрактные предпосылки кризиса, характеризующие изначально возникающие нарушения в равновесии хозяйственных процессов, трансформируются в раскрытие его подлинных и сущностных причин — проти-

воречий и ограничений капиталистического общественного воспроизводства.

Во-первых, исходная и главная причина наступления кризиса определяется противоречивыми возможностями и границами капиталообразования. Ведь природа капитализма на всех его исторических фазах описывается простой и понятной всеобщей формулой капитала ($\Delta - T - \Delta'$), которую использовал К. Маркс. Поэтому и экономический рост, и кризис отражают происходящие процессы в недрах капитала как центральной категории данного способа производства. Или как утверждал Маркс: «Настоящий предел капиталистического производства — это сам капитал, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для капитала, а не наоборот...» [14].

При этом Марксом была четко выявлена причина внутренней ограниченности в развитии капиталистического производства, обусловленная периодически возникающей тенденцией средней нормы прибыли к понижению, которая отражает, в свою очередь, обострение противоречий капиталистического воспроизводства и наличие объективных границ в самовозрастании капитала. В те периоды, когда она начинает преобладать, капитал теряет стимулы для дальнейшего развития производства. В свою очередь, когда удается найти способы ее нейтрализовать, восстанавливаются стимулы для выхода из кризиса и продолжения экономического роста.

Во-вторых, экономические кризисы при капитализме, по Марксу, проявляются прежде всего в кризисах перепроизводства товаров, будучи непосредственно обусловленными бесплановостью и анархией самого товарного производства. «...При капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства воспроизводится из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства как слепой закон...» [15].

В-третьих, само перепроизводство товаров выступает условием и одновременно следствием перепроизводства капитала или его перенакопления, которое ведет к появлению избыточных производственных мощностей. Причем избыток производственных

¹²⁾ Его первый том был издан в 1867 г., последующие тома, в которых представлена основная часть Марксовской теории кризисов, готовил к изданию Ф. Энгельс. Т. 2 вышел в 1885 г., т. 3. — в 1895 г. Известно также, что согласно первоначальному замыслу «Капитала» завершающий шестой том исследования должен был быть посвящен мировому рынку и кризисам.

мошностей и перепроизводство товаров — это две взаимосвязанные стороны процесса накопления капитала. В результате товаров выпускается больше, чем имеется на них спрос, что оборачивается падением прибылей. Соответственно оно отражается на сокращении заработков, что дополнительно уменьшает спрос и приводит к разрастанию экономического спада. Иначе говоря, перепроизводство товаров и перенакопление капитала взаимообуславливают друг друга. Как обосновывал Маркс, «перепроизводство капитала всегда включает перепроизводство товаров», а перепроизводство капитала и есть «не что иное, как перенакопление капитала» [16].

Наконец, в позиции Маркса важен еще один пункт, касающийся кризисов. Он связан с их очищающей и регулирующей ролью в восстановительных процессах в капиталистической экономике. Ведь «...кризис всегда образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала». Тем самым он создает «новую материальную основу для следующего цикла оборотов» [17].

Прокомментируем приведенные взгляды Маркса на природу кризисов при капитализме в сопоставлении с другими подходами. Прежде всего подчеркнем, что в его доказательствах присутствует зависимость кризиса не только от недостатка спроса и недопотребления, как это обосновывалось Сисмонди, а в первую очередь от более глубокой причины, действующей в сфере противоречивого воспроизводства (накопления) капитала. Ведь совокупный спрос характеризуется единством его потребительского и инвестиционного элементов, т. е. спроса со стороны потребителей (населения) и предпринимателей (инвесторов). И это самое простое объяснение. Более сложным является расшифровка этого единства не только как взаимодополняющегося, но и одновременно противоречивого.

В чем проявляется данная противоречивость? Другими словами, чем конкретно различается роль потребительского и инвестиционного спроса в воспроизводственном процессе?

Дело в том, что, как еще было выявлено А. Смитом и Д. Рикардо, рыночный конкурентный механизм и закономерности экономического развития объективно приводят к процессу усреднения нормы прибыли с запуском тенденции к ее понижению. Если же падение нормы прибыли

связать с обоснованием наступления кризиса перепроизводства, отражающего наращивание избыточных мощностей, что тогда формально можно выявить такую внешне неразрешимую дилемму, своего рода «капиталистические качели» в системе общественного воспроизводства¹³⁾. При росте заработной платы опережающими темпами обеспечивается расширение совокупного спроса и с этой стороны устраняется одно из препятствий в поддержании экономического роста. Но при этом рост зарплат, сокращая прибыль предпринимателей, лишает капиталистическое производство стимулов к дальнейшему увеличению с соответствующими негативными последствиями (к примеру, стагнацией производства или инфляционным подъемом). Если же опережающими темпами растет прибыль, создавая соответствующие стимулы наращивания темпов производства, то в этом случае замораживание зарплат или ее замедленный рост оборачивается ограниченностью спроса и наступлением кризиса перепроизводства¹⁴⁾.

Логика Маркса отличается от абстрактных рассуждений Смита-Рикардо содержательным и четким объяснением как причин появления тенденции средней норма прибыли к понижению, так и последствиями ее действия. Само возникновение данной тенденции Марксом объясняется не убывающим плодородием земли и необходимостью часть создаваемой стоимости отдавать землевладельцам в виде ренты, а тем, что конкурентная борьба постоянно побуждает предпринимателей стремиться к повышению производительной силы труда, а оно в свою очередь отражает процесс постоянного и опережающего роста средств производства в сравнении с привлечением ра-

¹³⁾ Указанную дилемму капиталистического производства, порождающую «постоянные кризисы», И. Валлерстайн объясняет так: «...В то время как в краткосрочной перспективе максимизация прибыли требует максимизации изъятия прибавочного продукта из непосредственного потребления большинства, в долгосрочной перспективе непрерывное производство прибавочного продукта требует массового спроса, который может быть создан лишь перераспределением изъятых прибавочного продукта» [18].

¹⁴⁾ Отметим, что Маркс, теоретически допуская возможность влияния изменения зарплат наемных рабочих на норму прибыли, вместе с тем обращал внимание на важную роль роста производительности труда. Отсюда следовало, что «в высшей степени нелепо объяснять понижение нормы прибыли повышением заработной платы, хотя в виде исключения и это может иметь место» [19].

бочей силы как результата действия НТП и приводит к росту технического и стоимостного (органического) строения капитала с последующим уменьшением нормы прибыли¹⁵⁾. При этом падение нормы прибыли не исключает увеличение абсолютной массы прибыли, а само оно встречает противодействующие факторы, превращая его в тенденцию. Важно также учитывать и то, что «норма прибыли отдельного капитала определяется не рыночной ценой товара, а разницей между рыночной ценой и издержками производства» и только затем «эти различные нормы прибыли могут выравниваться...» [21]. Тем не менее действие средней нормы прибыли к снижению в определенные периоды «способствует перепроизводству, спекуляции, кризисам, появлению избыточного капитала наряду с избыточным населением» [22]. И это связано с существованием предела капиталистического способа производства, который обнаруживается в том, что «порождаемое развитием производительной силы труда понижение нормы прибыли представляет собой закон, который на известном пункте самым резким образом приходит в столкновение с собственным развитием производительной силы труда и потому всегда должен преодолеваться посредством кризисов» [23].

Дополнив эту характеристику капиталистического производства ограниченностью потребительского спроса населения, не соответствующего поглощающей способности рынка, мы получаем представление о двухфакторном объяснении экономического кризиса при капитализме. Такой подход к определению природы и причин экономических кризисов вполне заслуженно можно отнести к признанному вкладу Маркса в экономическую теорию. В этом случае сошлемся на В. В. Леонтьева, который писал: «Два основных варианта объяснения Марксом деловых циклов, или, точнее, „экономических кризисов“, хорошо известны. Один — это теория недонакопления, основанная на известном законе снижения нормы прибыли, второй — теория недопотребления» [24].

Хотя Марксом кризисы перепроизводства анализировались как периодические

(повторяющиеся) и с этой стороны они выступали в рамках циклических процессов, характеризуя одну из фаз промышленного цикла. Но их нельзя сводить к широко используемому в настоящее время варианту обычных бизнес-циклов. По существу циклическое проявление кризисов у Маркса имеет системную подоплеку, обусловленную внутренними противоречиями, присущими самому капиталистическому воспроизводству. Для него системный характер кризиса объяснял историческую обреченность самого капиталистического хозяйствования. Хотя этим не исключается и другой возможный вариант разрешения системного кризиса, когда трансформация циклического кризиса в системный определяет разворотный пункт в очередной смене моделей капиталистического хозяйствования, что уже не раз проявлялось в хозяйственной практике.

Первоначальная разработка теории кризисов при капитализме в XIX веке, наиболее основательно проработанная Марксом, в последующие периоды получила разнонаправленное развитие. Сохранилась линия на отрицание объективных причин возникновения кризисов, представленная прежде всего в неоклассическом мейнстриме с его стремлением найти модель бескризисного развития при капитализме (подробнее см. [25]). Вместе с тем продолжилась разработка кризисной проблематики. Такая более реалистичная линия в развитии экономической науки была нацелена не просто на выявление причин кризисов, а особое внимание обращала на выработку систем защиты и способов их преодоления. Для ее представителей было свойственно выдвижение в качестве главного объекта анализа общей проблемы циклических колебаний в рыночной экономике, в рамках которой исследовались и кризисные процессы. Тем самым кризис (рецессия) выступал как проявление и сторона сугубо экономического цикла. Многообразие концепций и многофакторные аналитические модели с разных сторон объясняют природу и конкретные причины циклов при капитализме, ориентируясь на возможности их применение в антикризисной практике.

В объемном исследовании теорий циклов, которое провел Г. Хаберлер, хотя и отсутствует непосредственный анализ марксистской теории кризисов, но при этом оказывается, что значительная их часть разрабатывали разные версии в рамках общей

¹⁵⁾ «...Возрастающая тенденция общей нормы прибыли к понижению, — обосновывал Маркс, — есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, выражение свойственное капиталистическому способу производства» [20].

концепцию перенакопления капитала, [26]. Причем надо отметить, что природу и причины возникновения перенакопления ее современные разработчики трактуют крайне неопределенно, что отличается от четких характеристик у Маркса. При этом выделяется два подхода. Один из них разрабатывает монетарную версию перенакопления, в которой особую роль придается банкам (кредиту) в возникновении диспропорций в структуре производства, дополняемая неспособностью финансовой системы продолжать расширение кредита. В другом — представлены немонетарные теории перенакопления, которые выделяют значение технико-технологических изменений в самом производстве. Вместе с тем в обосновании рекомендаций по проведению антикризисной политики обе версии делают главный акцент на необходимость активизации инвестиционной деятельности, а не на расширении потребительского спроса. Можно считать, что в практическом отношении такой подход не противоречит теории кризисов Маркса.

Отметим, что советская политэкономика традиционно уделяла большое внимание изучению экономических кризисов при капитализме и преуспела в анализе их природы и истории (см. [27–30]). В этом она продолжила исследовательскую традицию русской экономической мысли дореволюционного периода¹⁶. Определенным ее недостатком был относительно упрощенный классовый подход к объяснению причин кризисов с чрезмерным акцентом на основное противоречие капитализма. Его формулировал Маркс, раскрывая антагонизм общественного характера производства и частной формы присвоения, которое порождает противоречие между производством и потреблением и приводит к обострению классовой борьбы в буржуазном обществе.

¹⁶ В этой связи достаточно упомянуть такие публикации: Чупров А. И. О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе. М., 1889; Исаев А. А. Кризисы в народном хозяйстве. СПб., 1913; Бунятян М. А. Экономические кризисы. Опыт морфологии и теории периодических экономических кризисов и теории конъюнктуры. М., 1915. Особо следует выделить книгу М. И. Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» (СПб., 1894), которая затем неоднократно переиздавалась и оставила свой приметный след в истории экономического мысли.

Что касается современных представлений о природе и причинах кризисов при капитализме, то особого внимания заслуживают два альтернативных подхода, сложившиеся в рамках австрийско-монетаристских школ и кейнсианского направления.

Интерес, который вызывает подход австрийской школы в трактовке кризисов и способов их преодоления, подогревается тем обстоятельством, что ее лидеры (Л. Мизес, Ф. Хайек) в отличие от большинства экономистов того периода, включая Кейнса, до начавшейся Великой депрессии предупреждали о надвигающейся экономической опасности. Данную школу отличает последовательная защита идей свободного рынка и частного предпринимательства при полном неприятии государственного вмешательства в экономику и соответственно бескомпромиссная критика Кейнса и кейнсианства.

Исходным пунктом анализа Мизеса и Хайека, а затем их современных последователей, является предположение об отсутствии объективных причин неизбежности кризисов в рыночной экономике, поскольку рынок совершенен. Поэтому в возникновении кризисов виноват не рынок, а люди, принимающие неверные решения. Получается так, что рынок, как и природная среда, существует, якобы, автономно вне человеческого общества и деятельности людей. Абсурдность такой установки, казалось бы, очевидна, но ее продолжают эксплуатировать современные идеологи неolibерализма.

Один из конкретных вариантов объяснения кризисов, предложенный М. Н. Ротбардом, следующий: рыночная экономика по своей природе выступает как экономика прибылей и убытков и с этой стороны «располагает врожденным механизмом естественного отбора хороших предпринимателей», а потому «не следует ожидать, чтобы слишком много деловых предприятий несло убытки» [31]. Иначе говоря, кризис трактуется с точки зрения микроэкономики. Микроэкономическая версия наступления кризиса предполагает, что либо сразу же все предприниматели окажутся неуспешными, либо должна сформироваться некая критическая масса убыточного бизнеса, которая потянет всю экономику вниз. Но такая ситуация практически невозможна в силу самой природы частного предпринимательства и конкурентного механизма рынка, заранее отсеивающие неэффективных пред-

принимателей. Отсюда М. Н. Ротбард делает вывод, что рыночная экономика не порождает депрессию, последняя «является мало-приятной, но необходимой реакцией на искажения и крайности предшествующего бума» [32]. Ему вторит Ф. Шостак, утверждая, что рецессия «это ликвидация ошибок, вызванных предшествующей мягкой денежной политикой» [33].

То, что исключается возникновение такой критической массы в предпринимательской среде, находит объяснение в способах, какими достигается предшествующий кризису экономический бум. Как считают сторонники австрийской школы, его искусственная природа вызвана инфляционным расширением банковского кредита, подкрепленным вмешательством правительства и центрального банка. Мизес формулирует данный вывод, на примере возникновения Великой депрессии, следующим образом: «Искусственный „бум“ был вызван расширением кредитования, а также снижением процентной ставки в результате вмешательства банков» [34]. «Банки способны без опаски и в унисон расширять кредит только когда существует центральный банк, то есть по существу правительственный банк, пользующийся монополией государственного предприятия, а также благодаря правительству занимающий привилегированное положение в банковской системе» [34].

Если главными виновниками кризисов выступают государственные органы управления, вмешивающиеся в самонастраивающийся рыночный механизм хозяйствования, то в таком случае логичным представляется абсолютное неприятие самой целесообразности государственного регулирования экономических процессов. Как в свое время бескомпромиссно сформулировал вывод последовательный защитник свободного предпринимательства Л. Мизес, необходимо «либо воздержаться от вмешательства в свободную игру рынка, либо передать все управление производством и распределением правительству. Либо капитализм, либо социализм — третьего пути нет» [35].

В этой связи одна из главных революционных идей австрийской школы — это предложение об отказе от монополии государства в области выпуска денег с переходом к конкурентной эмиссии, т. е. к частным, конкурирующим между собой валютам. Доказывается, что кредитно-финансовая система с центральным банком сама

по себе неспособна проводить эффективную денежную политику и становится одним из существенных факторов формирования проинфляционной экономики. Участие правительства в денежном хозяйстве только подрывает стабильность и надежность валют. Считается, что вывод государства из кредитно-финансовой системы становится важнейшим условием исключения самой возможности экономических кризисов в капиталистическом хозяйстве.

О необходимости реформирования финансовой системы современного рыночного хозяйства с близкой теоретической позиции к австрийской школе также высказываются представители монетаристского направления экономической мысли. Хотя они не разделяют негативного отношения «австрийцев» по поводу центрального банка и государственного невмешательства в экономику, но их сближает общий монетаристский подход к трактовке цикла и возникающих кризисов.

Чтобы защитить капиталистическую рыночную экономику от кризисов, монетаристы предлагают разработать модель проведения государством эффективной денежной политики, которую они трактуют в варианте обеспечения ценовой стабилизации за счет сохранения устойчивости денежной единицы, которая достигается регулированием денежной массы. Оно обозначается как «денежное правило». Отметим, что в современной хозяйственной практике такой подход реализован в политике «таргетирования инфляции», призванной обеспечить устойчивость и стабильность в экономике.

Противоположную позицию относительно природы и причин кризисов при капитализме занимал Дж. М. Кейнс и его современные последователи. Также как и Маркс, Кейнс выступал оппонентом научных школ (классической и неоклассической), которые развивали идеи о встроенных стабилизаторах в рыночной экономике, автоматически возвращающие ее в состояние равновесия (полной занятости). Также как и марксизму, кейнсианству уже не раз предрекали забвение. Более того, наиболее непримиримыми противниками его «Общая теория» была включена в число 10 самых вредных книг XIX–XX вв. вместе с «Моей борьбой» Гитлера и «Капиталом» Маркса, [37].

В кейнсианской теории явление кризиса определяется как «внезапная и резкая» смена повышательной тенденции понижа-

тельной, тогда как при обратном процессе такого резкого поворота зачастую не бывает. Наиболее важные его черты «связаны с колебанием предельной эффективности капитала». Вот почему «главное объяснение кризиса», по словам Кейнса, «надо искать не в росте процента, а во внезапном падении предельной эффективности капитала». И это обусловлено тем, что ее падение может быть настолько масштабным, что «никакое возможное снижение нормы процента не будет достаточным» [38].

Что же собой представляет «предельная эффективность капитала» и почему она склонна к резкому падению?

В трактовке данной категории, а ее еще можно интерпретировать как удельную рентабельность приращения «капитального имущества» (основного капитала), обнаруживается следующее совпадение позиций Маркса и Кейнса. Дело в том, что по существу тенденция снижения средней нормы прибыли и падение предельной эффективности капитала характеризуют две стороны общего процесса — появление избыточного капитала, который не находит прибыльного вложения, тем самым обуславливая наступление кризиса перепроизводства. В одном случае речь идет об объективной стороне такого процесса, в другом — о субъективно-психологической стороне.

Важной характеристикой предельной эффективности капитала является то, что она раскрывается с точки зрения «ожидаемого дохода и текущей цены предложения капитального имущества» [39]. Иначе говоря, речь идет о предельной эффективности будущих инвестиций. В этом определении ключевое слово «ожидания», которое означает предполагаемое получение прибылей (или убытков), возникающих у предпринимателей по поводу экономической конъюнктуры в будущем. При этом оно формируется в какой-то мере под воздействием рационального расчета, но и в меньшей степени под влиянием собственного опыта и субъективных ощущений (интуиции, расхожих мнений и т. п.). Вот, почему инвестиции выступают наиболее нестабильной частью совокупного спроса в сравнении с потребительским спросом. Поэтому манипулирование нормой процента, особенно при ухудшающейся или неустойчивой конъюнктуре, не способно остановить падение предельной эффективности капитала, что

в очередной раз нашло подтверждение в современной хозяйственной практике.

Это означает, что Кейнсом был предложена новая трактовка ограничителя (или предела) в предпринимательской экономике. Если таким для экономистов-классиков и неоклассиков выступают ограниченные ресурсы, для Маркса — противоречивый характер самовозрастания капитала (иначе говоря, противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения), то у Кейнса — неопределенность будущего, которая принимает форму «доверия» в хозяйственной деятельности. Его легко потерять, но совсем не просто восстановить.

В объяснении причины кризиса особо выделим то, что Кейнс, как и марксистская школа, обращается в первую очередь к капиталу как центральной категории данного способа производства, видя в особенностях его функционирования истоки возникающих проблем. Если исходить из того, что накопление капитала происходит на основе принципа прибыльности, то тогда для двух научных школ тождественен подход, определяющий в общем плане причины кризиса в хроническом противоречии между производственным потенциалом и возможностями потребления. Отличие в двух подходах заключается в том, что для Маркса проблема капитала — это общий процесс его самовозрастания (накопления), для Кейнса — это неустойчивость расширения (прироста) производственных активов на рынке капитала, которая определяется рыночными характеристиками такого самовозрастания. За этим скрывается возникающая острая проблема перетока капитала в финансово-спекулятивную сферу, которая стала ключевой для современного капитализма¹⁷⁾.

Таким образом, объяснение причин кризисов при капитализме, предложенное Кейнсом, имеет достаточное количество пересечений и совпадений с подходом Маркса. При этом самое принципиальное отличие между ними заключается в трактовке последствий циклического развития экономики. Для Маркса непреодолимость кризисов при капитализме и неизбежность обострения присущих ему противоречий — все

¹⁷⁾ По этому поводу Кейнс сделал такое заключение: «Когда расширение производственного капитала в стране становится побочным продуктом деятельности игорного дома, трудно ожидать хороших результатов» [40].

это определяет вывод об исторической его бесперспективности и необходимости в конечном счете смены данного способа производства. Что касается позиции Кейнса, то его теоретическая платформа и свод практических рекомендаций в отличие от Маркса были направлены на защиту капиталистического способа производств и его реформирование.

Такое расхождение в оценках исторических перспектив капитализма заложено в одном принципиальном отличии двух подходов. Если Маркс причину кризиса связывал с падением прибыли всего действующего капитала как «нового капитала», то Кейнс снижение предельной эффективности капитала фактически увязывал с падением прибыльности (или предельной эффективности) «будущих инвестиций», которые не могут найти сферы выгодного вложения, т. е. не действующего, а прирастающего капитала. Поэтому Маркс исключал историческую перспективу капитализма как системы хозяйства. Кейнс же делал ставку на его потенциал и самообновление. Если Маркс выявил более глубокие и фундаментальные пределы развития капитализма, то Кейнс обнаружил его слабое звено, обусловленное возможностью перетока избыточного и не находящего прибыльного вложения капитала в производстве в сферу финансов с развертыванием в ней спекулятивной деятельности. Усиление роли сферы финансов и финансового капитала в зарождении кризисных обвалов подтвердилось реальной историей капитализма. В дальнейшем роль кредитно-долговой модели экономики в кризисах получила развитие в трудах посткейнсианцев (особенно Х. Мински).

Не удивительно, что нынешний мировой кризис и сложности выхода из него способствовали возвращению идей и рекомендаций кейнсианской школы в научный дискурс, заняв важное место в обсуждении вариантов проведения антикризисной политики (см. [41]). Однако здесь необходимо учитывать новизну ситуации в развитой части глобального капитализма, которая не позволяет воспроизвести в полном объеме антикризисные рецепты Кейнса и его последователей. Во-первых, формирование модели «избыточного потребления» существенно снижает возможность дальнейшего расширения потребительского спроса, чему еще в большей степени способствует резкое усиления социальной дифференциации.

Во-вторых, в предшествующем нынешнему кризису периоде экономического подъема в ведущих странах капитализма была забыта неразрывность двух сторон важнейшего принципа проводимой экономической политики — «создавать долги — в период кризиса, рассчитываться с ними — в фазе подъема». США и другие развитые капиталистические страны сделали ставку на экспансию долгов и в фазе подъема, искусственно разогревая экономический рост, т. е. пошли по пути искажения и ревизии кейнсианской политики стимулирования роста. В итоге получили масштабный кризис.

Тем не менее возвращение к кейнсианской модели экономического роста в новой версии с опорой на стимулирование эффективного спроса возможно, но это предполагает, с одной стороны, поиск новых элементов в совокупном спросе, нацеленных на инвестиционно-инфраструктурные проекты, развитие науки и техники, экологию и т. п., с другой, — устранение неоправданных не только в социальном, но и в экономическом смысле значительных перекосов в доходах и уровне жизни разных групп населения. Наконец, остается в силе главный рецепт Кейнса в борьбе с кризисом и застоём — стимулировать эффективный спрос, активно используя для этого государство.

То, что теория Кейнса в обосновании антикризисной политики в прошлом оказалась результативной и может быть востребованной на современном этапе, подтверждает обоснованность и реалистичность политэкономического подхода. Дело в том, что кейнсианская концепция довольно органично вписана в политэкономическую традицию. При всем ее своеобразии сам выбор в качестве объекта анализа процесс общественного воспроизводства с выделением в нем ключевой проблемы — обеспечение полной занятости, решение которой находится в способности экономики к расширению производства, — все это лежит в русле политэкономического метода. В свою очередь, разработанная им макроэкономическая теория, возвратила экономистов к главному объекту изучения в классической политэкономии, каковым выступает национальная экономика в целом. Ведь для неоклассической школы таким объектом изучения изначально выступал микроэкономический уровень, на котором и может реализоваться базовый принцип методологического индивидуализма.

Приведенные аргументы дают достаточные основания рассматривать научную школу Кейнса в контексте развития политико-экономической традиции. В этой связи вполне оправданна ее трактовка в качестве «кейнсианской системы политэкономии», сформулированная Р. Скидельским — авторитетным исследователем творчества Кейнса, [42].

Такая характеристика кейнсианства позволяет в заключении высказаться по поводу теоретической и практической важности самого политико-экономического метода и в данном случае применительно к исследованию кризисных процессов (подробнее см. [43]). Ведь возвращение в хозяйственную жизнь капиталистических стран масштабных кризисных потрясений в еще большей степени свидетельствует о том, что политико-экономическая традиция выявления сущностных, а значит причинно-следственных и противоречивых осей воспроизводственного процесса как целого, необходима не только для понимания природы кризисов, но и для выработки эффективных антикризисных мер. Ориентация на изучение поверхностных и функциональных связей в экономике мало, что дает для этого.

Если теперь обратиться к оценке современного мирового экономического кризиса, опираясь на политико-экономический подход, то в таком случае принципиально важно трактовать его системность в варианте самоотрицания капитала, тогда как выход из него предопределен разрешением противоречий им порожденных. При этом основной узел противоречий связан с ключевой проблемой перенакопления капитала в механизме воспроизводства уже всего глобального хозяйства и в особенностях его циклического развития. В этом случае еще раз следует подчеркнуть, что смысл политико-экономического подхода к экономическим кризисам при капитализме раскрывается посредством выделения теории накопления капитала в качестве их фундаментальной причины. Именно в процессе накопления капитала возникают основные противоречия и ограничения капиталистического способа производства как внутри самого капитала, выражающиеся в снижающейся его прибыльности, так и во внешних взаимодействиях — между трудом и капиталом, производством и потреблением, спросом и предложением, организованностью производства и анархией рыночного хозяйства, необходимостью под-

держания пропорциональности и диспропорциональности и т.д. Это все то, что формирует комплекс предпосылок и причин, объективно порождающих экономические кризисы при капитализме. Вместе с тем через снятие остроты данных противоречий и их временное разрешение капиталистическое производство преодолевает регулярно возникающие циклические спады, а до последнего времени — и более опасные системные кризисы.

Можно считать, что в условиях современного глобального капитализма проблема перенакопления капитала, обостряя процесс перепроизводства, дополнилась остротой ее проявления в финансовой сфере. В этой череде кризисных метаморфоз самым показательным фактом стало возвращение традиционного для капитализма кризиса — кризиса перепроизводства. Хотя и в этом случае необходимо учитывать его нынешнюю специфику. Если в период промышленного капитализма проблема перепроизводства преимущественно касалась сферы производства товаров, что выдвигало на передний план проблему их реализации в условиях наличия избыточных производственных мощностей. Эту проблему удалось, казалось бы, отодвинуть и частично ее снять за счет потребительское кредитование. Но в результате этот способ обернулся возникновением повсеместного долгового навеса, превратив на нынешнем посткризисном этапе задолженность в неразрешимую проблему. Государства, компании, домашние хозяйства — все они погрязли в долгах. Перепроизводство товаров неразрывно слилось с перепроизводством долгов. Они взаимно порождают друг друга.

Попытка развязать возникший узел противоречий перепроизводства товаров и долгов за счет создания механизма гашения долгов путем их перевода в производные финансовые инструменты (деривативы) в конечном счете обернулась не его ослаблением, а привела к усилению противоречивого характера всего воспроизводственного процесса. Все это строилось на иллюзии о том, что за счет такой финансовой избыточности удастся неограниченно расширять спрос и тем самым избежать падения рентабельности капитала, постоянно воспроизводя стимулирующий потенциал в экономике. К тому же предполагалось, что возросшие масштабы глобального рынка и транснационализация хозяйственной деятельности

помогут разрешить присущие капитализму противоречия. Однако такого рода надежды оказались несбывшимися. Произошедшее в огромных масштабах перенакопление фиктивного капитала, оторванного от реальных активов, превратило кризис в структурно-системный с весьма тяжелыми последствиями. Такова политэкономическая картина последнего мирового экономического кризиса.

Таким образом, нынешняя фаза развития мировой экономики представляет собой ее вступление в сложный период очищения от накопленных разнообразных диспропорций и масштабной разбалансированности. Вся эта совокупность различающихся циклов объединяет то, что их можно рассматривать в терминах завершенности современного глобального (общемирового) воспроизводственного цикла и наступлении нового системного кризиса капитализма. Исчерпанность фундаментальных принципов функционирования мирового хозяйства, опирающихся на непрерывной экспансии денег, капитала, прибыли в глобальном хозяйственном пространстве, обуславливает устранение перекоса сложившейся хозяй-

ственной системы в посредническую и спекулятивную финансовую деятельность.

Поэтому выход из кризиса предполагает не просто устранение неэффективных (убыточных) предприятий, некомпетентного бизнеса, менеджмент и правительств, а может быть, и стран, используя очищающийся механизм банкротства, но и перестроение хозяйственного порядка на новой структурно-системной основе — технологической, хозяйственной, финансовой, поведенческой и т. д., формирующейся на глобальном пространстве. Он также означает изменения не только краткосрочных, но и средне- и долгосрочных трендов в главных сферах общественно-хозяйственной деятельности — инновационной, финансовой, ресурсной, социально-политической и др. Через возрождение приоритетности реального сектора экономики, производительного и общественно полезного творческого труда и на этой основе смену хозяйственной модели может быть определен путь к преодолению негативных последствий мирового кризиса и восстановлению экономического роста в посткризисный период.

Литература

1. Бергман Е. Э. Исторический очерк теорий экономических кризисов. М.: Ленанд/URSS, 2015.
2. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии.
3. Милль Дж. С. Основы политической экономии. Т. 1. М., 1980. С. 81.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 6.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 150.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 271.
7. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. С. 458.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 124.
9. Милль Дж. Ст. Основы политической экономии. В 3 т. Т. 3. М., 1980. С. 60.
10. Кругман П. Возвращение Великой депрессии? М., 2009. С. 24.
11. Кругман П. Возвращение Великой депрессии? М., 2009. С. 24–25.
12. Сисмонди Ж. С. Новые начала политической экономии. М., 1936.
13. Родбертус К. Экономические сочинения. М., 1936. С. 134.
14. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 119–132.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 274.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 282.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 275.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 208.
19. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и современная ситуация в мире. СПб., 2001. С. 56.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 263.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 233.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 405.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 265.

24. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 283.
25. Леонтьев В. В. Экономические эссе. М., 1990. С. 102–103.
26. Рязанов В. Т. Развитие теории кризисов при капитализме: политэкономические традиции и современность // Журнал экономической теории. 2014. № 2. С. 62–65.
27. Хаберлер Г. Процветание и депрессия: теоретический анализ циклических колебаний. Челябинск, 2005.
28. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.
29. Варга Е. С. Экономические кризисы. М., 1974.
30. Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 1–3. М., 1959–1964.
31. Трахтенберг И. А. Капиталистическое воспроизводство и экономические кризисы: очерк теории. М., 1954.
32. Экономический цикл: анализ австрийской школы. Челябинск, 2005. С. 154–155.
33. Экономический цикл: анализ австрийской школы. Челябинск, 2005. С. 159.
34. Экономический цикл: анализ австрийской школы. Челябинск, 2005. С. 7–8.
35. Экономический цикл: анализ австрийской школы. Челябинск, 2005. С. 108.
36. Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 1994. С. 87.
37. Кругман П. Выход из кризиса есть! М., 2013. С. 138.
38. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 386–389.
39. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 200.
40. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 224.
41. Рязанов В. Т. Экономическая политика после кризиса: станет ли она снова кейнсианской? // Экономика Украины. 2014. № 5. С. 4–26.
42. Скидельски Р. Кейнс. Возвращение мастера. М., 2011. С. 208.
43. Рязанов В. Т. Политическая экономия: из прошлого в будущее // Проблемы современной экономики. 2012. № 2. С. 47–55; № 3. С. 27–31.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Из истории учебных курсов по политической экономии дореволюционной России: особенности построения и содержания

Благих Иван Алексеевич

д-р экон. наук, профессор кафедры истории экономики и экономической мысли
экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
ivan-blagikh@yandex.ru

Ключевые слова: экономика, политическая экономия, история экономической мысли России, А. И. Чупров, Н. Х. Бунге, Н. А. Каблуков, М. И. Туган-Барановский, С. Ю. Витте.

Keywords: economy, political economy, the history of the economic thought of Russia, A.I. Chuprov, N.KH. Bunge, N.A. Kablukov, M.I. Tugan - Baranovskiy, S.YU. Witte.

При всем многообразии литературы по истории отечественной экономической мысли, обстоятельных исследований учебной литературы (прежде всего — учебников по политической экономии, изданных отечественными авторами до революции) не проводилось. Задача данной статьи состоит в том, чтобы дать общее представление об особенностях отечественных курсов по политической экономии и, по возможности, проанализировать их эволюцию в условиях развития капитализма в России, начиная от реформ 1861–1870-х годов и до революции 1917 года. В качестве иллюстрации приведем структуру наиболее популярных и известных учебников, а также более подробную структуру двух наиболее характерных, как нам представляется, университетских учебников: «Основания политической экономии», автор — Н. Х. Бунге, изданного в 1870 году и последнего «старорежимного» учебника по политической экономии, изданного Н. А. Каблуковым в 1918 году и составленного им из лекций, прочитанных в Московском университете в предреволюционные и революционные годы.

Предварительно следует отметить, что среди авторов учебников по политической экономии, изданных за 1860–1918 годы были практически все известные универ-

ситетские профессора и приват-доценты: А. Я. Антонович, И. К. Бабст, С. Н. Булгаков, Н. Х. Бунге, П. И. Георгиевский, И. Я. Горлов, И. И. Иванюков, А. А. Исаев, Н. А. Каблуков, Д. И. Пихно, А. И. Скворцов, М. И. Туган-Барановский, Л. В. Ходский, А. И. Чупров, Ю. Е. Янсон. В статье об отечественной экономической науке, написанной в 1898 году для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, М. И. Туган-Барановский отмечал: «Теория ценности Маркса положена в основание большей части наших курсов политической экономии. Лучший из них, по продуманности и теоретической законченности, — курс А. И. Чупрова. Достоинством курса А. А. Исаева является полнота и обилие иллюстраций теории фактами русской жизни. Курсы Л. В. Ходского и И. И. Иванюкова ниже двух предшествующих. В теоретическом отношении интересен курс профессора сельскохозяйственного института в Новой Александрии А. И. Скворцова. Общей для всех названных курсов (кроме курса Л. Ходского) является теоретическая основа — трудовая теория ценности Маркса, но большинство из авторов, по своему общему миросозерцанию, примыкает в большей или меньшей степени к так называемой „исторической“ школе» [1].

Учебник А. И. Чупрова «Политическая экономия. Лекции. Студенческое издание под редакцией профессора» был издан массовым тиражом в 1892 году.

И в последующем переиздавался в 1902, 1908, 1914 годах. При жизни Чупров, несомненно, доминировал в российской экономической науке. Он был родоначальником отечественной отраслевой экономики, в частности экономики транспорта. Преподавал политическую экономию и статистику в Московском университете около 25 лет (1874–1899). После его смерти было образовано общество имени Чупрова по распространению экономических знаний, славу отца поддерживал также его сын — экономист-статистик с мировой известностью. После Октябрьской революции (1917) по учебникам А. И. Чупрова и А. И. Скворцова (Скворцова-Степанова, ставшего после революции известным политическим и государственным деятелем) обучались вплоть до начала 1930-х годов, когда учебный курс политической экономии был заменен на курс экономической политики. Считалось, что Чупров был сторонником трудовой теории стоимости К. Маркса. Этому мнению способствовало также то обстоятельство, что двухтомник Чупрова «Железнодорожное хозяйство. Его экономические особенности и его отношение к интересам страны», изданный в 1875 году был законспектирован, а затем использован К. Марксом во втором томе «Капитала».

Учебник политической экономии А. И. Чупрова состоял из следующих частей.

1. Предмет политической экономии.
2. Отношение частноэкономических наук к политической экономии. Определение ее.
3. Различные науки о народном хозяйстве.
4. Методы экономических исследований.
5. Предварительные понятия.
6. Ступени народного хозяйства и характеристика современного периода.
7. Учение о производстве: задача производства; труд и его роль в производстве; виды промышленности; производительный и непроизводительный труд; условия производства; сочетание труда; труд рабский, крепостнический и свободный; размер предприятий; система хозяйств в предприятиях; форма предприятий.
8. Учение об обмене: понятие обмена; механизм обмена; закон рыночных цен. ограничение закона рыночных цен; деньги; бумажные деньги; кредит; организация кредита.
9. Учение о распределении: доход; заработная плата; валовая прибыль; процент на капитал; поземельная рента; барыш предпринимателя; взаимное отношение доходов и перемены, в нем происходящие: задача производства; труд и его роль в производстве; виды промышленности; производительный и непроизводительный труд; условия производства; сочетание труда; труд рабский, крепостнический и свободный; размер предприятий; система хозяйств в предприятиях; форма предприятий.

В нем, как видно из содержания, основное внимание уделялось трем учениям: учению о производстве, учению об обмене, учению о распределении.

Учебник Н. А. Каблукова интересен тем, что автор, испытав влияние непримиримой борьбы идеологий развернувшейся под воздействием трех революций (1905 года, февральской 1917 года, октябрьской 1917 года), ставил, тем не менее, своей задачей — «сохранить ту беспартийность, то беспристрастие и объективность, с которыми неразрывно связано научное отношение к предмету» [2]. Впоследствии учебник Н. А. Каблукова не переиздавался.

В структурном отношении он состоит из следующих разделов:

- I. Взаимоотношения людей в настоящее время при удовлетворении потребностей в материальных предметах.
- II. Взаимоотношения людей при производстве и потреблении на первобытных ступенях хозяйства.
- III. Предмет политической экономии.
- IV. Что такое производство?
- V. Что такое труд?
- VI. Условия успешности труда.
 1. Количество и состав работающих.
 2. Количество рабочего времени и распределение труда и отдыха.
 3. Рабочий день.
 4. Значение знаний для проявления трудовой деятельности и для полноты удовлетворения потребностей.
 5. О неприятности труда.
 6. Значение общественного положения трудящихся.

7. Разделение труда и сотрудничество.
8. Система Тэйлора.
- VII. Хозяйственное значение природных условий.
- VIII. Капитал.
 1. Что такое капитал?
 2. Составные части капитала.
 3. Образование капитала.
 4. О машинах.
 5. Какие капиталы обращаются в производстве.
 6. О производительности капитала.
 7. О возобновляемости капиталов.
- IX. Организация и формы хозяйственных предприятий.
 1. Различные формы промышленности и процесс первоначального выделения их из общей совокупности занятий.
 2. Кустарные промыслы.
 3. Ремесло.
 4. Домашняя система крупного производства.
 5. Крупное производство, его преимущество и некоторые последствия.
 6. Организация сельскохозяйственных предприятий.
 7. Системы земледелия.
 8. Предпринимательские объединения на капиталистической основе.
 - Акционерные компании.
 - Синдикаты и тресты.
 - Общественные организации предприятий:
 - а) государственные, земские, городские предприятия.
 - б) кооперативные организации.
 - X. Обмен.
 - XI. Деньги.
 - XII. Кредит.
 1. Основы и виды кредита.
 2. Кредитные учреждения.
 - XIII. Пути и средства сообщения.
 - XIV. Торговля.
 - XV. Ценность и цена.
 - XVI. Распределение.
 1. Общие замечания.
 2. Заработная плата.
 3. Прибыль.
 4. Поземельная рента.
 - XVII. Промышленные кризисы.
 - XVIII. Метод политической экономии.

«Все построение курса, — отмечал Н. А. Каблуков, — рассчитано на то, чтобы, не отступая от строго научной почвы, сделать его наиболее общедоступным и в известном смысле популярным в изложении. Такой характер его определяется тем, что в Университете теория политической экономии в настоящее время читается на первом курсе, т. е. лицам, только что закончившим обучение в средней школе и не вошедшим еще, а только входящим в те области знания и в те приемы исследования и изучения явлений, с которыми они имеют дело в Университете». Этим же обстоятельством, т. е. неготовностью первокурсников к осмыслению методологических проблем той или иной абстрактно-теоретической области знания, Каблуков объясняет, почему он «предмет политической экономии» рассматривает в 3-й главе, а «метод политической экономии» в 13-й, последней главе учебника. «По существу своих методологических воззрений, я считаю, что в курсе по теории политической экономии должно уделять довольно много места описанию и изображению хозяйственных явлений и затем уже приступить к объяснению их и к ознакомлению с существующими относительно этого теориями» [2].

Эволюцию преподавания политической экономии в пореформенной России можно представить путем сравнения вышеприведенного учебника Н. А. Каблукова со структурой учебника, написанного Н. Х. Бунге в 1870 году. В нем Н. Х. Бунге выделил следующие разделы:

Основания политической экономии.
Источники (литература).

 - Гл. 1. Введение.
 - Гл. 2. О потребностях.
 - Гл. 3. Средства для удовлетворения потребностям.
 - Гл. 4. О производстве и производительных силах.
 - I. Природа.
 - II. Труд.
 - III. Капитал.
 - Гл. 5. О разделении труда.
 - Гл. 6. О мене, ценности и цене.
 - Гл. 7. О доходах:
 - I. О заработной плате.
 - II. О прибыли.
 - III. О ренте.

IV. Отношение между тремя отраслями доходов.

Гл. 8. О назначении доходов.

I. О собственности.

II. О потребности.

Заметно, что представления последнего об области знаний, охватываемых политической экономией (предметной области) были уже, а если точнее — компактнее. Однако, несмотря на значительно меньший объем материала, изложенного в учебнике Н. Х. Бунге, общая его канва за почти 40-летний период не претерпела значительных изменений. Та же последовательность изложения была сохранена и в учебнике Н. А. Кабукова: потребности — производство — производительные силы (природа, труд, капитал) — разделение труда — обмен — ценность (цена) — распределение доходов. В качестве новации можно отметить, что Кабуков ввел после раздела «Капитал» главу «Организация и формы хозяйственных предприятий», после раздела «Обмен» главы: «Деньги», «Кредит», «Пути и средства сообщения», «Торговля». Однако, как тот, так и другой авторы предварительно оговаривали — почему проблемы политической экономии они рассматривают в своих курсах более «узко» или более «широко».

Бунге отмечал, что его курс представляет собой «ряд самых общих и нередко гипотетических положений, которые еще требуют научной разработки... Для того чтобы приступить к занятию наукой по положительному методу, необходимо заранее знать — какие явления будут подлежать исследованию, чего в них искали, что можно считать наиболее достоверным или только вероятным и даже сомнительным; необходима, так сказать, программа, которая, в свою очередь, есть результат всего исторического развития науки». Другими словами, он считал, что сама политическая экономия как наука еще далека от того строгого набора истин, чтобы учебники могли иметь одинаковую структуру и чтобы для преподавания политической экономии в России достаточно было перевести на русский язык английский или немецкий учебник. По Бунге политическая экономия как наука содержит и всегда будет содержать «ряд самых общих и нередко гипотетических положений, которые требуют научной разработки» [4]. В разделе учебника «Источники (литература)» он отмечал, что английская, француз-

ская, немецкая и отечественная экономические школы имеют разные подходы к систематическому изложению учебного курса политической экономии, которые определяются в том числе различием взглядов на предмет исследования: «Одни экономисты делали предметом своего изучения хозяйственные явления вообще, относя их не к науке определенных общественных союзов — к общине, области, государству, а к человеческим обществам вообще; другие ограничивали круг своих исследований государством и противопоставляли государственную, политическую или национальную экономию с одной стороны экономии общественной или космополитической, с другой — экономии частной» [5]. Построение своего курса он объяснял как очевидностью вещей, так и логикой научного изложения: из потребностей вырастает стремление к их удовлетворению (производству), из разделения труда возникает различие в доходах и т. д. При этом следует отметить, что Бунге не стремился эклектически объединить спорящие между собой английскую и континентальную (прежде всего — немецкую) школы политической экономии, а выстроил последовательность изложения своего курса вполне самостоятельно, и судя по несущим последующим изменениям, логически верно.

Н. А. Кабуков, в отличие от Бунге, очевидно, полагал, что в его время структура и последовательность изложения разделов учебного курса политической экономии вполне устоялось. Введенные в свой курс новации (главы «Организация и формы хозяйственных предприятий» и др.), он считал более относящимися к экономической политике, чем к политической экономии, но полагал это оправданным тем, что «останавливаясь на явлениях хозяйственной жизни в настоящее время, когда они имеют, так сказать, особо злободневное значение для каждого, рассматривая эти явления в свете теории, и давая на ряду с этим вытекающие из того указания на приемы воздействия на них, мы тем самым даем наглядное представление о том, какое значение имеет она (теория) и какое место надо отводить тем или иным явлениям в общем строе экономических отношений» [2]. Другими словами, Кабуков считал, что общественные отношения претерпевают изменения как с течением времени, так и вследствие осознанного воздействия на них, но осмыслить проис-

ходящие перемены и новые хозяйственные явления можно лишь в свете устоявшихся положений теории.

Рассматривая эволюцию преподавания политической экономии в России, необходимо отметить, что на рубеже 1870–1880-х годов под политической экономией стала пониматься не наука о происхождении богатства, а наука «об общих закономерностях промышленного мира; предмет ее исследований — труд, но не техническая его сторона, а общественные отношения, создаваемые трудом, и законы, которым он подчинен» [7]. Экономические отношения, применительно к изменениям, происходящим в России того времени, трактовались отечественными политико-экономистами и как социально-экономические отношения, поскольку вследствие «Великой крестьянской реформы» радикальным образом менялись не только потребности, производство и т. д., но, прежде всего, отношения в сословно-классовой структуре общества.

Довольно критические высказывания Н. Х. Бунге относительно «неизменных законов политической экономии, догматически постулируемых в трактатах экономистов западных школ» определялись тем, что по его словам как перед отечественной экономической наукой пореформенного периода, так и другими странами и народами вступившими в индустриальную фазу развития еще стоит задача «найти законы хозяйственных явлений, слагающихся под влиянием разнообразных и изменчивых условий» [7]. При этом он обращал внимание, что сторонники либеральных и социальных взглядов в политической экономии, противопоставляя естественный порядок вещей — существующему, видели в естественном порядке не тот, который установился самым ходом истории, а идеальный порядок, который следовало бы установить в будущем. По его мнению, классическая либеральная («манчестерская») школа основывала идеальный социально-экономический порядок будущего на неограниченной свободе частного интереса. Социальные школы, по Бунге, полагая, что свобода частных интересов ведет к угнетению слабого сильным, искали социально-экономический идеал в новой организации труда и, соответственно, в формировании на этой основе новых общественных отношений.

Принятое в середине XIX столетия в европейских университетах (прежде всего —

Германии и Франции) деление политической экономии на «общую» и «особенную», «чистую» и «прикладную», им не абсолютизировалось. Так, разделение Вильгельмом Рошером в своих трудах по национальной системе народного хозяйства политической экономии на «общую» и «особенную» части (где в общей части постулировались неизменные, природные, «объективные» экономические законы, а в особенной излагались законы «субъективные», т. е. изменяющиеся под воздействием человеческого мышления и реформаторской деятельности государства) проведено, полагал он, из-за недостаточно верного понимания предмета политической экономии и недостаточной ее теоретической разработки. «Деление исчезнет само собою, когда общие положения получат значение доказанных и точно сформулированных истин, выведенных из ряда правильных и систематизированных наблюдений, т. е. когда наука будет обработана по положительному методу, что конечно составляет еще задачу будущего» [8].

В своем курсе Бунге не проводил деления экономических законов на объективные и субъективные. Он подчеркивал, что «на деле так называемая общая часть политической экономии или науки о народном хозяйстве содержит в себе положения, относящиеся к разряду гипотез, а не к непреложным научным выводам. Зачастую постулируемые экономические законы содержат в себе лишь научные вопросы, требующие разрешения путем переработки значительного количества данных, полученных из наблюдения однородных явлений в различных отраслях хозяйственной деятельности» [9]. Что понимал Бунге под «политической экономией, обработанной по положительному методу»? Ответ на этот вопрос содержится в его «Загробных заметках», опубликованных после смерти.

Он считал, что любая наука, в том числе и политическая экономия, должна содержать в себе ответы на запросы практики. Существующая политическая экономия, по его мнению, не только не содержала в себе рекомендаций, как например, осуществлять народнохозяйственные преобразования, но напротив, давала «разнонаправленные» рекомендации от различных экономических школ. Н. Х. Бунге писал, что при Николае I в России, в соответствии с рекомендациями «государственной экономической школы», был создан экономический

порядок, при котором всем народным хозяйством заправляли опытные государственные чиновники-администраторы. При этом была задавлена экономическая инициатива и предприимчивость.

При реформах Александра II, проводимых по рецептам «либеральной экономической школы», напротив, государство самоустранилось от управления «рыночными» процессами, полагая, что экономическая жизнь устроится как бы сама собой, «естественным» образом. При этом либеральные экономисты настаивали на том, что политическая экономия приобрела (и сохраняет) свой научный статус лишь благодаря познанию объективных, естественных экономических законов. Целенаправленные действия каких-либо социальных групп и государства — «не естественны» и вносят лишь «возмущения» в природный порядок вещей [10]. А как же субъективная реформаторская деятельность государства, проводимая не только по рецептам, но и по требованию либералов? Отвечая на этот вопрос, Бунге обращается к экономической теории социализма, а точнее к той его либеральной версии, которая существовала в 1880–1890-е годы. По ней государство, проводя реформы в направлении «естественного порядка», должно «отмереть». Но далее миром будет править не рынок, а некий всемирный надгосударственный орган, который опираясь на объективные экономические законы, получит право «надзирать» за любым отклонением от естественного порядка вещей и «управлять» субъективную деятельность стран и народов [11]. С такой перспективой «конца истории» государства Бунге как государственный деятель и как ученый-академик, согласиться никак не мог.

Он полагал, что дробление политической экономии на части, одна из которых содержит компендиум законов «постоянных», а другая — «переменных», придумано для того, чтобы не признавать за политической экономией статуса субъективной науки. Ее научная «объективизация» или, по Бунге, «обработка по положительному методу» происходит путем переработки значительного количества данных, полученных из наблюдения однородных явлений в различных отраслях хозяйства, но политическая экономия как наука, не приобретает, тем не менее, того научного статуса, который имеют математика и естествознание [12].

Показательно, что тридцать лет спустя примерно такую же позицию в отношении политической экономии занимал другой видный государственный деятель России, занимавший как и Бунге пост министра финансов и премьер-министра — С. Ю. Витте. Подготовленный им курс под названием «Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве» был прочитан брату Николая II вел. кн. Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах., а затем выдержал четыре издания в качестве учебника для студентов соответствующих специальностей высших учебных заведений. В подготовке данного курса принимали также участие А. Н. Гурьев, Н. К. Брежский, И. И. Иванюков.

Прежде чем говорить о научном статусе политэкономии, т. е. о степени познания ею объективных экономических законов, Витте останавливается на признаках науки. Первым признаком науки Витте называет введение в систему фактов (определенного знания), установление внутренней причинной связи и порядка (последовательности и зависимости) между ними. Вторым признаком — предвидение, предсказание, основанное не только на установлении последовательности явлений, но и на знании результатов от внесенных пертурбаций в сложившийся ход вещей. По первому признаку, считал Витте, политическая экономия приблизилась к тому, чтобы именоваться наукой, по второму еще нет: «в самых даже наиболее разработанных своих частях она в большинстве случаев дает только основание для некоторых предсказаний и весьма редко — для предсказаний вполне точных... Даровитый, просвещенный и опытный государственный деятель имеет все шансы предвидеть результаты принимаемых им мер гораздо лучше, гораздо точнее, чем посредственного ума ученый из ученых» [13].

Курс о народном хозяйстве состоит из 34 лекций.

Лекции I–V посвящены характеристике потребностей, способам и формам их удовлетворения по видам организации хозяйства и производства. (В лекции III дается определение политической экономии как науки о народном хозяйстве и обоснование данной точки зрения).

В лекциях VI–XIII подробно рассмотрены три фактора производства — природа, труд и капитал и их роль в образовании общественного богатства.

В лекциях XIV–XIX — обмен, торговля, протекционизм. (В XV лекции дана критика экономической теории К. Маркса).

Лекции XX–XXVII посвящены деньгам, денежному обращению, кредиту, деятельности кредитных учреждений.

В лекциях XXVIII–XXXI рассмотрены средства сообщения как фактор, влияющий на торговлю, инфраструктуру и общее экономическое развитие страны.

Распределение, заработная плата, рента, предпринимательский доход и виды прибыльной деятельности рассмотрены в XXXII–XXXIII лекциях.

Потребление в лекции XXXIV.

Следует отметить, что курс, подготовленный Витте, был насыщен интересными историческими и современными материалами, а также статистическими данными по Российской империи и экономическим показателям стран, доминирующим в мировой экономике. Не меньший интерес представлял также его курс, состоящий из 15 лекций о государственном хозяйстве с подзаголовком «наука о финансах», хотя по рассмотренным в нем вопросам он скорее должен был иметь название «экономическая политика государства».

К особенностям курса Витте следует отнести его высокую практическую направленность, поскольку первоначальным предназначением данного учебника было не просвещать, не «образовывать» разночинное студенчество, а готовить человека к деятельности самодержца, или, как писал в своей анкете Николай II, быть «хозяином земли русской».

В качестве иллюстрации прямой противоположности «Конспекту лекций...» С. Ю. Витте можно привести учебник М. И. Туган-Барановского «Основы политической экономии», который выдержал 5 изданий — в 1911, 1913, 1915, 1917 годах (последнее, 5-е издание не было широко известно в России, поскольку было осуществлено в Киеве в 1919 году). Второе издание «Основ...» было в 1913 году отмечено премией адмирала Грейга как лучшее учебное пособие.

Учебник М. И. Туган-Барановского состоит из пяти частей. Выделена общетеоретическая часть, которой посвящен отдел I «Общее учение о народном хозяйстве», где рассматриваются такие вопросы, как предмет и метод политэкономии, основные категории этой науки, развитие народного хозяйства, в том числе России.

Далее, в соответствующих отделах (II, III, IV) изучается производство, обмен и распределение общественного продукта при капитализме. Последний, V отдел Туган-Барановский посвятил теориям рынка, капиталистического цикла и кризисов.

В учебнике не рассматриваются проблемы потребления: по мнению автора, изучение потребления (но, не потребностей) не является предметом политической экономии как науки. Предназначение потребления есть не воспроизводство производственной деятельности, а человеческой личности, что является верховной целью любого хозяйствования. Политическая экономия преимущественно должна изучать средства, с помощью которых могут быть созданы условия достижения этой цели.

Учебник Туган-Барановского был неоднозначно воспринят не только в профессиональной среде, но и лицами, не имеющими отношения к преподаванию политической экономии. В. К. Дмитриев, например, опубликовал положительную рецензию, где отмечал: «До самого последнего времени у нас на русском языке не имелось ни одного „курса“ (т. е. систематического изложения) политической экономии, преследовавшего чисто научные задачи... Работа М. И. Туган-Барановского является первой попыткой восполнить указанный пробел в нашей экономической литературе, и уже одно то обстоятельство заставляет отнести к ее появлению с особым вниманием и интересом... удивительное искусство М. И. Туган-Барановского излагать просто и ясно самые запутанные и трудные вопросы, благодаря чему они делаются доступными даже для лиц, вовсе лишенных предварительной подготовки по данному предмету» [14].

Ровно противоположное об учебнике Туган-Барановского написал М. В. Бернацкий: «„Основы“ теоретически — во всей широте концепции — шаг назад, а не вперед... Ясно, что синтеза теории предельной полезности и трудовой быть не может... В результате безнадёжная путаница, в которой вряд ли разберется начинающий изучать экономическую науку; а для таких лиц, по видимому, предназначены „Основы“» [15]. Уничжительной критике подвергли учебный курс Туган-Барановского как бывшие его единомышленники — марксисты, так и представители «политэкономии рантье» — австрийской школы в политической экономии.

При этом отметим, что если абстрагироваться от чисто учебных задач разработанного им курса, то в научном плане в книге М. И. Туган-Барановский содержалось много здравого. Он, например, вполне аргументировано объяснял субъективный характер политической экономии. Зарплата для рабочего — условие его жизни, а для капиталиста — всего лишь часть капитала. Каждая экономическая теория связана с интересами определенных социальных групп. Что же из этого следует? Из этого следует, по Туган-Барановскому, что может быть множество различных политических экономий, совершенно по-разному трактующих одни и те же вопросы. Единая общезначимая политическая экономия возможна лишь при условии, когда этическая идея верховной ценности человеческой личности будет положена в основу не только теории, но и практики человеческого общежития.

В учебнике Туган-Барановского содержалось много дискуссионных проблем и авторских предложений по их разрешению, которые, как представляется, не должны присутствовать в книге, объясняющей «азы» экономической науки. Например, автор приводит спор о стоимости (марксистская политическая экономия) и полезности (австрийская школа), который им разрешался на основе «синтеза» следующим образом: стоимость — это затрата; полезность — получка. Это как бы две противоположные стороны рынка (предложение и спрос). Их единство и противоположность выражают движение рынка. Возможно это и так, но развитие экономической науки не шло в том направлении, которое предлагал автор учебного пособия. Зачем же забивать голову учащимся абстракциями, не имеющими отношения к действительности? Подобного рода эпизодов в учебнике было не мало, потому что значительную часть учебника составили материалы, опубликованные автором ранее в виде научных статей.

В качестве резюмирующей части проведенного экскурса в историю преподавания политической экономии в России (по отечественным учебникам) можно отметить, что учебные курсы указанного периода не разрабатывались на основе какой-либо одной экономической школы или, если говорить философским языком, не обладали «монизмом». Аргументация при изложении материала строилась в большей мере на истории развития экономической мысли разных

стран и народов, чем на вполне определенной философии и мировоззренческой платформе (исключение среди авторов, может быть, составлял Туган-Барановский, считающий, что его курс базируется на философии Канта) [16]. Указанное обстоятельство служило основой для критики со стороны экономистов Запада в том, что российские учебные курсы по политической экономии «эклектичны» и часто соединяют в себе несоединимое [17]. Вместе с тем, в методическом отношении курсы, во всяком случае университетские учебники, не претерпели принципиальных изменений на протяжении 40-летнего периода, что свидетельствует не только о такой возможности их построения, как она была представлена, но и об определенной надежности (т. е., несмотря на сложность и «объемность» материала, он усваивался учащимися, не представлял особой сложности для изучения и аттестации) разработанной структуры.

Вместе с тем, при постулировании общих, объективных экономических законов существовала разница в определении базирующейся на них (законах) провиденциалистской функции политической экономии. В особенности это было характерно для профессоров проправительственного направления и их оппонентов — экономистов народнически-либерального толка. Первые полагали, что задача предвидения политической экономии как науки состоит в предугадывании результатов от тех или иных народно-хозяйственных решений в рамках, прежде всего, национальной экономики. Политическая экономия, как говорил С. Ю. Витте, ничего не создает, но она «воспособляет» созданию или указывает на ошибки и понесенные народным хозяйством потери [18]. Вторые считали, что политическая экономия указывает путь правильного направления развития человечества, что Россия отстает или же уклоняется от этого магистрального пути развития, а политическая экономия своими объективными законами указывает — в чем отстает и где уклоняется.

Похоже, что с тех пор в российской практике преподавания общетеоретических экономических курсов не была поставлена окончательная точка, разрешающая эту дилемму, что свидетельствует в пользу более пристального обращения к истории текстов и смыслов отечественных учебников по политической экономии.

Литература

1. Россия: энциклопедический словарь Л.: Лениздат, 1991. С. 854.
2. Каблуков Н. Политическая экономия. Курс лекций. М.: Изд. Лемана Г. А. и Сахарова С. И., 1918. С. IV.
3. Бунге Н. Основания политической экономии. Киев: Унив. тип., 1870. С. 5.
4. Бунге Н. Основания политической экономии. Киев: Унив. тип., 1870. с. 17.
5. Бунге Н. Основания политической экономии. Киев: Унив. тип., 1870. С. 16.
6. Бунге Н. Основания политической экономии. Киев: Унив. тип., 1870. с. 19.
7. Бунге Н. О месте, занимаемом политической экономией в системе народного образования, и об отношении ее к практической деятельности. Речь, написанная Бунге Н. для произнесения в торжественном собрании Университета 9 июня 1856 года. Киев: Унив. тип., 1870. С. 9.
8. Бунге Н. Основания политической экономии. Киев: Унив. тип., 1870. С. 22.
9. Бунге Н. Х. Загробные заметки // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX–начале XX вв. СПб., 2007. С. 217–218.
10. Бунге Н. Х. Записка «Социализм и борьба с ним» // Судьбы России. Проблемы экономического развития страны в XIX–начале XX вв. СПб., 2007. С. 289–290.
11. Бунге Н. Основания политической экономии. Киев: Унив. тип., 1870. С. 21.
12. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству вел. кн. Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. М.: фонд «Начала». С. 37–38.
13. Дмитриев В. Новый русский трактат по теории политической экономии // Русская мысль. 1909. № XI. С. 4.
14. Бернацкий М. Рец. на кн.: Туган-Барановский М. И. «Основы политической экономии» // Современный мир. 1909. № 10. С. 145.
15. Благих И. А., Любимов Г. П., Морев А. А. История и философия науки (направление: экономика). СПб.: ЭФ СПбГУ, 2010. С. 27.
16. Цвайнерт И. История экономической мысли в России 1805–1905. М.: ИД ВШЭ, 2008. С. 250–251.
17. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству вел. кн. Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. М.: фонд «Начала». С. 46.

Исторические лабиринты политической экономики: заметки по поводу неочевидного юбилея

Гловели Георгий Джемалович

д-р экон. наук, профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

glovelig@mail.ru

Ключевые слова: генезис и эволюция политической экономики, французский меркантилизм, классическая школа политической экономики, ядро капиталистической мир-системы, гегемония.

Keywords: genesis and evolution of political economy, French mercantilism, classic school of political economy, the core of capitalist world-system, hegemony.

1. Монкретьен де Ватвиль: перипетии судьбы

Исходным пунктом для 400-летнего юбилея политической экономики в нынешнем году является факт издания в 1615 г. в Нормандии сочинения Антуана де Монкретьена де Ватвиля (Montchrétien de Vatville) «Трактат политической экономии» («Traité de l'économie politique»). Об авторе известно, что он, смолodu привыкший орудовать пером и шпагой, набил руку как драматург и дуэлянт; сочинил довольно много пьес; преследуемый королевской властью за убийство противника на дуэли, эмигрировал в Англию, где поразились результатам торгово-промышленной деловитости, контрастным на фоне упадка французского хозяйства, не оправившегося от лишений религиозных войн. Еще большее впечатление оставила поездка в Нидерланды, экономически процветавшие вопреки военно-политическому давлению испанского абсолютизма. Увиденное перевернуло жизнь драматурга. По возвращении на родину он погрузился в мануфактурно-предпринимательскую деятельность, которой способствовала и женитьба на богатой вдове-гугенотке; основал железоделательное предприятие по производству инструментов и утвари, чтобы на личном опыте показать продуктивность освоения местных ресурсов и промышленного импортозамещения. Опыт литератора и предпринимателя впитал «Трактат политической экономии», приуроченный к созыву

Генеральных Штатов в 1614 г. и адресованный Людовику XIII и Марии Медичи, сыну-наследнику и вдове-регентше основателя династии Бурбонов.

Перипетии, положенные драме — жанру, где Монкретьен зарекомендовал себя как один из предшественников французского классицизма, — продолжились с выходом «Трактата политической экономии» и в жизни, а потом и в посмертной судьбе, самого драматурга. «Сильные мира сего» обратили на автора внимание, ввели в Королевский совет, затем пожаловали баронский титул и назначили губернатором в один из городов центра Франции, где Монкретьен продолжил и предпринимательскую деятельность, обзаведясь собственным кораблем. Однако погрязший в мелких интригах королевский двор остался равнодушным к размаху предлагавшихся «политическим экономистом» мер по обеспечению общенационального хозяйственного подъема; пыл прожектера увлек новоиспеченного барона на путь участия в очередном мятеже гугенотов; при подавлении восстания королевскими мушкетерами Монкретьен пал со шпагой в руке. Труп бунтаря был подвергнут поруганию и сожжению, прах развеян по ветру, упоминания о «Трактате» запрещены.

О Монкретьене не упомянули ни А. Смит, когда классифицировал «системы политической экономии» в «Богатстве народов» (1776), ни Ж.-А. Бланки, когда писал «Историю политической экономии в Европе» (1837). Лишь с возникновением исторической шко-

лы в политэкономии имя автора, впервые соединившего на титульном листе слова «политический» и «экономия», было воскрешено из забвения и причислено к «меркантилистам». «Трактат политической экономии» был переиздан в Париже в год сооружения Эйфелевой башни (1889) и занял свое место в истории как сочинение, давшее имя науке политической экономии. Хотя нигде, кроме титульного листа, у Монкретьена это словосочетание более не встречается, а позднее было обнаружено более раннее использование такового (1611) другим французским автором (неким Луи де Мэерном Тюрке), пусть и не в заглавии (King 1948: 230–231). В XX веке распространилось мнение, что вклад Монкретьена в историю экономической науки определился более заглавием, чем содержанием его трактата. Особенно категоричен был сноб И. А. Шумпетер: «книга весьма посредственна и начисто лишена оригинальности... находится не выше, а ниже среднего уровня той эпохи» (Шумпетер 2001 : 213).

Может, и так. Но, поскольку в дальнейшем нас будет интересовать «Трактат политической экономии» и как отправной пункт в движении науки к дисциплинарной матрице, и как зеркало своей эпохи, приведем оценку лордом Расселом, современником Шумпетера¹⁾, легенды о Галилее, современнике Монкретьена и бесспорном основателе точного естествознания. По словам Рассела, сакраментальная фраза «А все-таки она вертится» была произнесена не Галилеем, а человечеством. Аналогично можно сказать, что в заглавии «Трактата» Монкретьена сама эпоха (пусть даже рукой не автора, а издателя!) вписала сочетание «политическая экономия». Сочетание, обрамляющее идею, выраженную в те же годы «Кратким трактатом о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов» неаполитанца Антонио Серра и термином «торговый баланс», впервые появившимся в бумагах знаменитого английского философа и государственного деятеля Фрэнсиса Бэкона. Того самого Бэкона, который провозвестил опытное познание порядка природы основанием господства над ней человека, и отстаивал правомерность и необходимость монополий-патентов как вознаграждения тех, кто

заслужил на некоторое время выгоду исключительно для себя, сделав «какое-либо новое изобретение, которым могут воспользоваться все подданные нашего королевства».

2. От эпохи классицизма к эпохе классической политэкономии: эволюция представлений о роли государства

Становление политической экономии можно представить как движение по орбите дискурса вокруг двух фокальных точек:

— эмансипации научного знания от богословия и метафизики, с преобразованием фундаментальной установки человеческого разума (Койре 1985: 128): деятельная жизнь (*vita activa*) замещает жизнь созерцательную (*vita contemplativa*);

— проблемы согласования частнохозяйственного и общественного интересов, с пониманием общества как национально-государственного целого поверх интересов мелкотерриториальных (торгово-ремесленный город с сельской округой), династических и конфессиональных.

Этот интеллектуальный эллипс вполне очерчен А. де Монкретьеном: «Человек рожден, чтобы жить в постоянном занятии... Созерцательная жизнь на самом деле является первой и наиболее приближающейся к Богу, но без действия она остается несовершенной и, возможно, предосудительной и бесполезной для государства. ... Человек должен действовать не только для себя, но и для своих сограждан, этому нас обучает природа, в которой все вещи зависят одна от другой». (Монкретьен 2004: 170)

Однако обе фокальные точки роста политэкономического знания содержат внутренние противоречия, предопределившие довольно медленное «взросление» политэкономии. Отождествление национально-государственного интереса с интересами монархий, добывающихся торгового и политического баланса, вело к апологии войн за торговое преобладание и отсюда — к превознесению денег как «нерва войны», поскольку войны стали вестись огромными армиями, требующими от казны все больших расходов на вооружение и жалование наемным солдатам. И Монкретьен, практик и поборник железодельной промышленности, пишет, что «золото во много раз мощнее железа» именно потому, что оно дает средства на войну, которые невозможно

¹⁾ Пожалуй, столь же авторитетным для историков философии, как Шумпетер для историков экономического анализа.

собрать без податей и коммерции. Монкретьен, вопреки приписываемой ему и прочим «меркантилистам» гиперболизации внешней торговли, придает не меньшее значение и внутренней, но оговаривается, что если внутренняя торговля «кормит прилежание», то внешняя — «увеличивает смелость» (Монкретьен 2004: 177). Смелость, необходимую для расширения государственного могущества, в том числе колониального.

Как раз в те годы, когда Монкретьен развернул свою литературную, деловую и политическую активность, Франция и другие страны, с которыми его связали перипетии судьбы, прирастали колониями в Северной Америке (где уже раскинулась Новая Испания): Новой Францией (с центром в Квебеке, основанном «королевским географом» С. Шампленом), Новыми Нидерландами, Новой Англией. Современники Монкретьена — не только Г. Галилей, Ф. Бэкон (кстати, ярый сторонник британской экспансии в Новый Свет) и основатель научной физиологии У. Гарвей. Это и организаторы первой европейской регулярной армии — голландский стадхоудер принц Мориц Оранский и генерал-квартирмейстер Симон Стевин (он же выдающийся инженер и «арифметик», систематизатор бухгалтерии²⁾); и первооткрыватель о. Манхэттен, капитан на службе Голландской и Английской Ост-Индских компаний Генри Хадсон (Гудзон); и хваткий лондонский купец Томас Ман, снискавший посмертную славу сочинением «Сокровищница Англии во внешней торговле»; и бунтарь-утопист Томмазо Кампанелла, создавший в тюрьме образец литературы грубоуравнительного коммунизма; и «коллега» Монкретьена по жанру драматургии и меркантилистским проектам знаменитый кардинал Ришелье.

О Ришелье стоит сказать особо, поскольку именно в его деятельности наиболее ярко воплотилось то понимание национально-государственного интереса, о котором говорилось выше. Фактическим правителем Франции кардинал стал, возглавив Королевский совет (когда злополучного Монкретьена уже не было в живых), и умел под ви-

дом придворных интриг достигать больших политических целей. Располагая властью, Ришелье (среди его титулов — «генеральный сюринтендант торговли и навигации» и генералиссимус) провел целый ряд мер, совпадавших с теми, что предлагал погибший прожектор: строительство флота; поощрение ради активного торгового баланса текстильных мануфактур и заокеанских торговых компаний. Покровительство же, оказанное Ришелье классицизму — стилю, предшественником которого считается Монкретьен-драматург, — было нацелено на создание национально-культурного своеобразия, поддерживающего единство и могущество страны, разделенной конфессиональными конфликтами. Наконец, Ришелье, уничтожив протестантское «государство в государстве» (знаменитая осада Ла-Рошели) внутри Франции, вовне вовлек ее «дипломатией пистолей», а затем и прямым участием в боевых действиях в общеевропейскую (Тридцатилетнюю, 1618–1648) войну на стороне коалиции протестантских государств против католического блока испанских и австрийских Габсбургов.

Покровительству классицизму и заокеанской экспансии (включая создание Академии художеств и Академии наук) было унаследовано крупнейшим деятелем французской политики активного торгового баланса и насаждения импортозамещающей промышленности — Кольбером («суперинтендантом искусств и мануфактур»). Только кольбертизм (и не жестким протекционизмом лишь, но и войной 1672–1680 гг. против «республики торговцев селедкой», как зло называл Нидерланды Людовик XIV) реализовал мечты Монкретьена об освобождении французского рынка от доминирования голландцев, но первой морской державой Франция так и не стала.

И не станет — прогнозировал (верно!) бывалый моряк сэр Уильям Петти, убежденный в великом будущем родной Британии, с военной помощью Франции сокрушившей соперников-Нидерландов в морской торговле и с помощью системы торговых запретов создавшей экспортоориентированную промышленность — сначала суконную, затем — хлопчатобумажную. Петти, предпочитавший говорить о «политической арифметике», вводя в экономические рассуждения «язык чисел, мер и весов» Научной революции и понятие «естественной цены», — едва ли не главная фигура в переходе от представ-

²⁾ Среди заслуг Стевина — введение в общее употребление десятичных дробей, существенных для сделок с взиманием процента, христианское осуждение которого было устранено кальвинизмом. Свою книгу «Десятая» он посвятил как «звездочетам», так и коммерсантам всех видов.

лений о «естественных законах» природы к представлениям о невмешательстве государства в «естественные законы» хозяйства, выдвинутым классической политической экономией. (Вследствие авторитетного вывода К. Маркса Петти прослыл родоначальником классической политэкономии, хотя был приверженцем доктрины активного торгового баланса, которую классическая политэкономия отвергла как меркантилистское заблуждение).

Историческая длительность этого перехода была обусловлена возникшим «работорством» (Штейн 1924: 6) между сформировавшейся в XVII столетии идеей единой мировой закономерности, распространяющейся и на физический, и на общественно-политический мир, и верой в чудеса, в том числе в социальные чудеса. Экономическая литература как времен Монкретьена, так и времен Петти и более поздних, представляет собой целую гамму оттенков между этими двумя крайностями. В ней можно найти и проекты об исключительной выгоде от какого-либо чудотворения, и дань алхимии (пережившей последний расцвет в век Научной революции), и убеждение в необыкновенной силе монарших законов — в возможности достигать замечательных результатов при помощи ордонансов, эдиктов, декретов. И, наконец, «алхимию финансов», — знаменитую капитотворческую теорию кредита Джона Ло, столь эффектную и с крахом примененную во Франции столетие спустя после Монкретьена.

Потребовалось Просвещение XVIII столетия, чтобы с добавлением слова «политическая», подразумевающего выход за пределы частного домостроительства к задачам национально-государственного строительства, изменился смысл старого греческого слова «экономия», составленного Ксенофонтом и Аристотелем из понятий «дом» и «закон». Закон, «номос» исходно означал правило, правовую норму, но исследователи Нового времени под законом стали понимать установление отношений между естественными причинами и вытекающими из них следствиями в явлениях (Миклашевский 1909: 7).

На родине Монкретьена это новое понимание перепелось с критикой негативных последствий кольтертизма — искусственного занижения цен на хлеб и запрета вывоза зерна, чтобы обеспечить наемным работни-

кам мануфактур дешевое пропитание, а мануфактурам — конкурентное преимущество дешевизны на внешних рынках. Следствием такой политики было угнетенное состояние сельского хозяйства и занятого в нем большинства французского населения, а результатом критики — появление формулы *laissez faire* и школы физиократов (не будем забывать, что Ф. Кенэ и его ученики входили в круг энциклопедистов-просветителей). Но, называя себя «экономистами», физиократы не называли свою систему политической экономией — поскольку полагали, что следование «естественному порядку» вещей, с отказом от искусственной поддержки «бесплодного» торгово-промышленного класса, не только обеспечит согласование мотива частной выгоды с интересами гражданского общества, но и сделает ненужным восходящее к Аристотелю разделение этики, экономики и политики (Онкен 2008: 688).

Профессор моральной философии университета в Глазго Адам Смит прослыл «отцом политической экономии», предложив этическое объяснение согласования мотива частной выгоды с общим благом метафорой «невидимой руки» и раскритиковав тенденциозно обрисованную им «меркантильную систему». Бестселлер Смита «Богатство народов» затмил не только «земледельческую систему» физиократов, но и книги, в заглавие которых (спустя полтора века после забытого Монкретьена) было вынесено сочетание «политическая экономия»: «Исследование о принципах политической экономии» (1767) знакомого Смита, шотландца Джеймса Стюарта и «Размышления о политической экономии» (1771) итальянского графа-философа Пьетро Верри. При сходстве заглавий первый из этих авторов отстаивал широкий набор мер государственного вмешательства, чтобы «обеспечить определенный фонд средств существования для всех жителей, предотвратить всякий риск возникновения недостатка этих средств»; второй — набравшие общеевропейскую популярность идеи благотворности эгоистического хозяйственного интереса и свободы торговли, респектабельность которым придал труд А. Смита.

Международное признание учения А. Смита «руководством в созерцании государственных сил» (по словам министра коммерции Российской империи графа Н. П. Румянцева) дало импульс систематизации категорий политической экономии как науки,

получившей свое достойное место в сложившейся в начале XIX в. дисциплинарной структуре европейского университетского образования и исследований со стандартами процедур передачи знания и фиксации научных достижений в специальной литературе. Стандарт построения учебного курса политической экономии задал Ж.-Б. Сэй, чье главное руководство называлось также, как и забытая книга Монкретьена, — «Трактат политической экономии» (*Traité de l'économie politique*). Но полностью изменилось понимание отношения государства к экономическим проблемам гражданского общества. Вместо активной направляющей роли, подразумеваемой теми, кто был списан теперь в архив экономической мысли как «меркантилисты», — невмешательство правительства в «естественное состояние» свободной конкуренции, в универсальные во времени и в пространстве законы производства, обмена, распределения и потребления богатства.

Одновременно лидирующая роль в политэкономии закрепились за Великобританией, чье флотское и экономическое превосходство над другими великими державами («владычица морей» и «мастерская мира») стало безоговорочным после промышленного переворота и наполеоновских войн. А. Смит не оставил научной школы в точном смысле слова, но таковая сложилась вокруг депутата британского парламента Д. Рикардо, в теории наиболее полно раскрывшего возможности абстрактно-аналитического метода в политэкономии, а на практике вдохновившего созданный при его участии Лондонский клуб политической экономии на требования отмены ограничений во внешней торговле.

Депутат Рикардо и профессор Сэй по-разному теоретизировали по поводу ключевой категории в системе А. Смита — «естественной цены», положив начало двум расходящимся версиям в теории меновой ценности — трудовой (конфликт классовых интересов) и факторной («гармония» интересов). Но они были едины в отстаивании принципа невмешательства государства, с которым стала отождествляться «классическая школа» политической экономии.

3. Коса либерализма, камень национализма, факел социализма: перипетии политической экономии

Кристаллизация политической экономии как научной и учебной дисциплины совпала с оформлением главных идеологических «измов» эпохи индустриализации и расширения парламентаризма. «Классическая школа» политической экономии, твердо стоя на абстракциях Рикардо и поднимая французский лозунг *laissez faire*, обосновала символ веры классического либерализма (Поланьи 2002: 152):

— 1) рынок наемного труда является саморегулируемым механизмом, не допускающим вмешательства государства и рабочих союзов в установление зарплаты;

— 2) создание денег должно быть подчинено автоматически действующему механизму золотого стандарта;

— 3) свободное движение товаров из одной страны в другую выявляет для каждой сравнительные преимущества специализации.

Сэй, подававший на своем жизненном веку несколько Франций с разными политическими режимами и территориальными пределами (Старый порядок; революционная Первая республика; наполеоновская Империя; конституционная монархия после Реставрации) провозгласил, что «административные границы государств, которые все в глазах политика, для политической экономии являются лишь преходящими явлениями». Первый профессор политэкономии по другую сторону Ла-Манша преподобный Мальтус своим учением о народонаселении обосновал холодное равнодушие к «лишним на великом жизненном пиру» и невмешательство в их печальные судьбы.

Все перечисленные пункты «классическая школа» как «система естественной свободы» противопоставила «меркантилизму» как «системе запретов»; карикатура на «меркантильную систему» была доведена вулгаризаторами-рикардианцами (вроде Мак-Куллоха) до примитивной схемы «отождествления богатства с деньгами». (Монкретьен, кстати, специально отмечал, что во Франции стало больше золота и серебра, но французы не стали от этого зажиточнее). Но было и еще одно, обычно упускаемое противопоставление. «Классическая школа» исходила из того, что свободная торговля между странами, закрепляя их специализацию на основе выявленных сравнительных

преимуществ, положит конец войнам за территории и маршруты обмена, оставившим мрачный отпечаток на истории меркантилизма; последний, как преисполненный духа «насильственного отнятия», противопоставлялся миролюбию «классиков» (Штейн 1924: 11). Однако экспансия «свободной промышленности и предпринимательства» отнюдь не ограничилась мирными путями, хотя и вынесла вооруженное насилие в основном за пределы Европы; рожденные духом фритредерства смотры достижений «свободной промышленности» — Всемирные выставки — охотно демонстрировали прогресс человекоубойной техники, находившей растущее применение в «приобретении» далеких народов к универсализму западной цивилизации.

Возник двойной стандарт, который отчетливо выразился, например, в позиции первого истинного русского либерала-западника Николая Тургенева. Его знаменитый фритредерский и антикрепостнический «Опыт теории налогов» (1818) содержал и обличение «меркантильной системы» как виновницы пролития крови человеческой в течение трех веков (Тургенев 1937: 5). Однако в более позднем, написанном во французской эмиграции сочинении «Россия и русские» (1847) Тургенев полностью оправдывал пресловутую «опиумную войну» Англии против Китая и французские завоевания в Алжире как продвижение вперед цивилизации (Тургенев 2001: 374).

Две вызывающие поправки к либеральной классической политэкономии — коммунистическая и националистическая — к показному миролюбию не прибегали. Пролетарский революционер Карл Маркс по-своему интерпретировал классическую политэкономия («К критике политической экономии», 1859), противопоставив ее «вульгарной» (куда попали все тогдашние профессора политической экономии). Для Маркса теоретическое «оружие критики», было, как известно, предпосылкой практической «критики оружием» того экономического строя (капиталистического способа производства), который покоился на антагонистических производственных отношениях, отчуждавших от трудящихся плоды колоссального развития производительных сил.

Запальчивый критик англо-французской «космополитической экономии» Фридрих Лист порицал безоговорочное следование принципу *laissez faire*, который может идти

«наперекор производительным силам и не шадя независимости и самостоятельности нации», а в иных случаях и прикрывать доведение целых наций до одурения ввозом опиума и водки. Доказывая ущербность для промышленно отсталой страны закрепления аграрной специализации в свободной торговле, Лист противопоставил «софизму фритредерства» и принципу сравнительных преимуществ концепции «воспитательного протекционизма» и «национальной ассоциации производительных сил». Оговорив при этом как необходимое условие «округление границ» нации, в том числе и военным путем. Заключительная часть «Национальной системы политической экономии» (1841) Листа и его вторая крупная работа «Земельная система, мельчайшие держания и эмиграция» (1842) — по сути, геополитические трактаты, не исключавшие насилие, особенно над славянами, ради создания «Восточной империи немцев и мадьяр».

Лист, между прочим, положил начало «реабилитации» меркантилизма, которую продолжила историческая школа в политэкономии (как было сказано выше, заново открывшая Монкретьена). Несмотря на то, что эволюция исторической школы породила «катедер-социализм» как линию мирного нереволуционного социального реформаторства, «экзальтированное отношение к деятельности государства» (Ингрэм 1897: 350) привело это направление «национального строительства» к поддержке не только поворота к протекционизму, но и прусского милитаризма Германской империи.

Для марксистских политэкономов искры противоречий, разлетавшиеся от столкновения косы классического либерализма с камнем национализма, были горячим материалом для революционного факела (концепция финансового капитала). Но взорвавшая столетие назад порядок европейских великих держав мировая война не только высоко вознесла марксистскую политэкономия, но и нанесла ей роковые ожоги.

Если проследивать генезис и эволюцию политической экономии в единицах времени мир-системного анализа (о нем подробнее ниже), то термин родился на исходе «долгого XVI века», эпохой расцвета науки стал «долгий XIX век» (1789–1914), а — «сжатый XX век» (1914–1991) — эпохой увядания. Все основные направления политэкономии XIX века в XX столетии «отцвели», хотя и по-разному.

Либеральная политэкономия вступила в полосу маргиналистской трансформации и, держась за «экономического человека» и фритредерство, стала отказываться от прежнего понимания предмета и метода исследований, что повлекло и замену в названии науки. У.С. Джевонс, обозначивший новый подход в «*The Theory of Political Economy*», собирался подвести итоги пересмотра подхода классической школы в книге уже под другим заглавием — «*Principles of Economics*» — и объявил, что Рикардо «направил поезд экономической науки по ложному пути». А. Маршалл всячески подчеркивал преемственность с Рикардо, но свой курс озаглавил «*Principles of Economics*»; при этом гладкий маршаллианский мир был непохож на реальный мир монополий, социальных конфликтов и империализма. Классический либерализм оказался не в состоянии ответить ни на мировой военный кризис 1914–1918 гг., ни на величайший экономический кризис 1929–1933 гг., и обновление либерализма на основе признания активной роли государства происходило уже в форме «макроэкономики», а не политической экономии, причем опять-таки с порицанием Рикардо (теперь уже Дж. М. Кейнсом). В соединении с неоклассической «микроэкономикой», определившей свой предмет как ситуации выбора оптимального использования ограниченных ресурсов, допускающих альтернативное применение, макроэкономика образовала «мэйнстрим» (*Economics*), который стал вести свою родословную от «невидимой руки» А. Смита.

Немецкая историческая школа, от которой обособилась «социальная школа» с синонимами «социальная экономия», «социально-политическое направление», «государственный социализм» и трехчастной классификацией мотивов хозяйственного поведения (частная выгода, общественно-принудительный интерес, благотворительность), замкнулась в национальных границах и дезинтегрировалась в катаклизмах Веймарской республики и «Третьего рейха».

Октябрьская революция в России привела к апофеозу марксистской политэкономии, занявшей господствующее, а после «великого перелома» 1929 г. — исключительное положение в экономическом дискурсе в СССР; однако ожоги разрыва с западной, в том числе социал-демократической мыслью, и пребывание у котла директив ВКП(б)–КПСС не способствовали углублен-

ному исследованию внутренних зависимостей ни капиталистического, ни социалистического способов производства. Итог — «катастрофка» и экономической системы социализма, и советской политэкономии.

Видимо, отдельно стоит упомянуть о неудаче «политической экономии роста» — обосновании ускоренной индустриализации, опирающейся на госсектор и централизованное планирование, для преодоления экономической отсталости стран «третьего мира». Заметим, что в годы влияния этой концепции вспоминали и про А. де Монкретьена, находя у него элементы «экономики развития» (Rudloff 1962).

Однако политэкономическая разработка проблем развития стран «третьего мира» способствовала формированию нового научного направления, которое, в свою очередь, может стимулировать возрождение политэкономии в XXI веке, — мир системного анализа (МСА), поставившего в центр своих исследований исторический капитализм. Известно, что на основателей МСА оказали влияние как марксистские доктрины накопления капитала и гегемонии (В. Ульянов-Ленин, Р. Люксембург, А. Грамши), так и концепции Шумпетера — представителя неоклассики, не укладывающегося ни в одну из ее школ. Главный же предшественник МСА и вдохновитель его организационного лидера И. Валлерстайна француз Ф. Бродель разрабатывал свою концепцию динамики капитализма, отталкиваясь от результатов, достигнутых такими последователями немецкой исторической школы в политэкономии, как В. Зомбарт и И. Кулишер (Бродель 1986: 33).

Заря политической экономии — взгляд изнутри «ядра» капиталистической мир-системы.

В самых общих чертах концепция исторического капитализма И. Валлерстайна содержит следующие пункты:

— существуют три основных типа исторических систем, соотносимых с тремя выделенными К. Поланьи типами институциональных форм взаимодействия по поводу получения благ и услуг — реципрокностью, редистрибуцией и рыночным обменом:

мини-системы, мир-империи и мир-экономики;

— до «долгого XVI века» зачаточные мир-экономики всегда поглощались редистрибутивными мир-империями, но в ходе заокеанской экспансии приатлантических

европейцев возникла мир-экономика, сумевшая (окончательно — в Тридцатилетней войне) одержать победу над крупнейшей тогдашней мир-империей — католической монархией испано-австрийских Габсбургов;

— эта мир-экономика превратилась в капиталистическую мир-систему и стала расширяться до глобального охвата, поглощая мир-империи;

— капиталистическая мир-система сложилась как иерархия ярусов, или структурных уровней (центр («сердцевина», «ядро») — полупериферия — периферия), первичной по отношению к национальным экономикам;

— капитализм не имеет линейной исторической тенденции и основывается на частичном свободном рынке, на частичном свободном труде и на временных монополиях в рыночных сетях;

— «ядро» капиталистической мир-системы имеет державу-гегемона — производственного, торгового и финансового лидера;

— страны «ядра» добиваются отраслевого разнообразия и роста производительности труда, а за периферийными и полупериферийными зонами закрепляется узкая специализация в международной торговле, основанная на применении низкопроизводительного принудительного труда;

— изначально «ядро» капиталистической мир-системы капиталистической мир-системы составили страны северо-запада Европы — Нидерланды, Англия, Франция, а Голландия (Республика Соединенных Провинций) была державой-гегемоном;

— меркантилизм в Англии и Франции был инструментом их борьбы с Голландией за гегемонию; Англия преуспела в этой борьбе, окончательно захватив гегемонию после военно-морских побед над Францией и промышленного переворота.

А. де Монкретьен был столь настойчив в призывах к протекционистским мерам против голландцев и англичан, что Ф. Бродель упоминает его в своем главном труде как выразителя меркантилистской позиции «никто не выигрывает без проигрыша другого». Однако Монкретьену не была чужда мысль о взаимовыгодной торговле между народами, обменивающимися свои избытки, например, французские вина на английский свинец. Но он видел, в Голландию французские купцы вывозят только вина, а голландцы во Францию — разнообразные

ткани, мыло, масло, сыр (преимущество отраслевой структуры!); что голландцы лишили французов прибыльной ловли сельдей в океане, переманив лучших капитанов (преимущество в размерах флота!); что англичане, фламандцы и опять-таки голландцы теснят на внутреннем рынке французских производителей сукон, кожаных и металлических изделий и др. (преимущество мануфактурной дешевизны!); что Англия и Нидерланды извлекают выгоды из французских гражданских распри, вынуждающих эмигрировать искусных в ремесле гугенотов; наконец, что фламандцы, накапливая французские серебряные экю, перечеканивают их, выгадывая на каждой монете 10 %, а полновесные монеты уходят из обращения.

Здесь нужно отметить, что во Франции золото относительно серебра ценилось выше, чем в остальной Европе, поэтому спекулянты ввозили в страну золотые монеты (особенно испанские пистоли), чтобы выменять их на большее количество серебряной наличности. Но, кроме того, сложился особый слой искусных мастеров — «золотобитов», «плавильщиков», «сортировщиков» и пр., которые, пользуясь несовершенством техники, отбирали наиболее полновесные деньги — и подрезали, обтачивали их, переплавляли в слитки и перепродавали с барышом (Февр 1991: 224). Монкретьен был далеко не первым, кто выражал обеспокоенность порчей монеты (не государственной, а частной!) и предлагал установить принудительный курс золота к серебру, реагируя, таким образом, на остроту проблемы спекулятивного спроса на деньги, манипулирующий на основе денежного курса, способных пошатнуть целые секторы экономики (Бродель 1986, с. 34).

Еще одна проблема, надолго пережившая автора «Трактата политической экономики», — прочность положения средних слоев (которых Монкретьен отождествлял с хорошими ремесленниками) как основа стабильности общества. Чем сильнее оказывались в стране расхождения между интересами государства и интересами средних классов, чем дальше она откатывалась к периферии мир-системы. Внутри же ядра мир-системы положение во Франции было наименее благоприятным: затруднения буржуазии с получением «честной прибыли» от вложений в промышленность приводили к помещению накопленных капиталов в землевладение и размыванию среднего класса

из-за аноблирования. Следующие Генеральные Штаты собрались только в 1789 г., когда ущемленное «третье сословие» захотело из «ничего» стать «всем» — пробил час Старого порядка.

Таким образом, «Трактат» Монкретьена можно считать достаточно ярким взглядом

изнутри «ядра» сформировавшейся капиталистической мир-системы, судьба которой в целом и в отдельностях стран, интегрированных на разных структурных уровнях от центра до периферии, составляет, по нашему мнению, предмет политэкономии XXI века.

Литература

1. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма. 1993.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Структуры повседневности. М.: Прогресс. 1986.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. Кудюкина П. СПб.: Университетская книга. 2001.
4. Ингрэм Дж. История политической экономики. Пер. Миклашевского А. М.: К. Т. Солдатенков 1897.
5. Койре А. Очерки истории философской мысли. М.: Прогресс. 1985.
6. Миклашевский А. Н. История политической экономики. Философские, исторические и теоретические начала экономики XIX века. Юрьев-Дерпт. 1909.
7. Монкретьен А. Трактат о политической экономике (пер. М. Слудковской) // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. Том 1. Отв. ред. Фетисов Г. Г. М.: Мысль, 2004.
8. Онкен А. Система физиократов // Кенэ Ф., Тюрго А. Р. Ж., Дюпон де Немур П. С. Физиократы. Избранные экономические произведения. Под ред. Ключкина П. Н. М.: Эксмо (Антология экономической мысли). 2008.
9. Поланьи К. Великая трансформация. СПб.: Алетейя. 2002.
10. Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. М.: Соцэкгиз. 1937
11. Тургенев Н. И. Россия и русские. М.: ОГИ. 2001.
12. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука. 2001.
13. Штейн В. М. Развитие экономической мысли. Том 1. Физиократы и классики. Л.: Сеятель. 1924.
14. Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб: «Экономическая школа». 2001. Том 1.
15. Baran P. The political economy of growth. N. Y.: Monthly Review Press, 1957.
16. King J. E. The Origin of the Term «Political Economy» // Journal of Modern History. 1948. Vol. 20.
17. Rudloff M. P. A. de Montchrétien et les problèmes du développement économique // Revue d'histoire économique et sociale. Vol. 40. 1962. No. 2.

Неугасающие звезды

(Н. А. Цаголов, С. М. Меньшиков и С. С. Дзарасов: вклад в отечественную политическую экономию)

Цаголов Георгий Николаевич

д-р экон. наук, профессор Международного университета в Москве
gtsagolov@mail.ru

Когда прослеживаешь, как менялась политико-экономическая наука в нашей стране, то получается довольно забавная картина. В начале прошлого века в ней был представлен широкий спектр различных школ и направлений. После 1917 года, особенно с приходом Сталина, главное течение проходило в русле догматизированного марксизма, выдвинувшего на первый план цели оправдания принятой модели социализма. Став идеологическим оружием правящей партии, он занял привилегированную позицию в надстройке общества. Антикапиталистическая направленность, нескрываемый классовый характер, тем не менее, не исключали возможность развития научной мысли. Но задающий общий тон мейнстрим носил апологетический характер. Такая обстановка, безусловно, не могла не накладывать на труды подавляющего большинства советских экономистов налет ортодоксальности и догматизма.

Реставрация капитализма в 1990-х перечеркнула всю политическую экономию советского периода. Фундаментальная экономическая наука, начало которой было положено в 1615 г. трудами Антуана де Монкретьена, стала изгнанницей. Ее тотчас же исключили из числа обязательных общетеоретических вузовских дисциплин, преподаваемых в России. Взамен же предложили позаимствованный на Западе, но малоприменимый для нашей страны неглубокий и игнорирующий социальный аспект «экономикс». Однако глобальный экономический кризис и усиливающееся в последнее время разочарование результатами хозяйственного развития страны питает растущий в обществе интерес к глубокой теории и достижениям экономической мысли, в том числе и «перечеркнутой» советской эпохи. О необходи-

мости возрождения политической экономии в нашей стране особенно громко заговорили в связи с начавшимся недавно новым кризисом российской экономики. В связи с этим вопрос о теоретиках этой науки недавнего прошлого и их достижениях обретает немалый интерес.

И в советский период, и после на небосклоне экономической мысли мерцало немало звезд. Неудивительно, что некоторые из них, ярко сиявшие в свое время, с годами потускнели или даже исчезли вовсе. Другие светила из центральной части небосвода переместились поближе к горизонту. И лишь считанные единицы не только не угасают, но и разгораются, оставаясь в фокусе внимания политико-экономической науки, продолжающей поиск оптимальной для страны модели общества.

1. Мятежный классик: Н. А. Цаголов (17 июля 1904 – июль 1985)

25 марта 2014 года кафедра политической экономии экономического факультета МГУ провела конференцию «Сквозь призму времени: к 50-летию „Курса политической экономии“ и 110-летию Н. А. Цаголова». В ней приняли участие свыше 100 ученых из разных стран, представители ряда ведущих экономических учреждений, общественных организаций и СМИ. Они собрались, чтобы не только отдать дань ученому и основному труду возглавляемого им авторского коллектива, но и спроецировать идеи университетской школы на понимание сегодняшних проблем. Среди выступавших были видные теоретики, в частности академик А. Д. Некипелов, профессора А. В. Бузгалин, С. С. Дзарасов, А. И. Колга-

нов, Ю. М. Осипов, Б. В. Ракитский, А. В. Сидорович, А. А. Пороховский, А. Г. Худокорнов, В. Н. Черковец и многие другие.

Автору этих строк также довелось участвовать в подготовке конференции и выступать на ней с докладом. После завершения встречи присутствующий на ней представитель руководства Вольного экономического общества России попросил написать об отце и его теоретическом вкладе в политическую экономию статью для их издания — «Научные труды ВЭО России». Отклику на предложение способствовали три обстоятельства. Во-первых, о политэкономии сужу не как сторонний наблюдатель. По этой специальности я защищал кандидатскую и докторскую диссертации. Преподавал предмет в МГУ, других высших учебных заведениях нашей страны и за рубежом. Во-вторых, вследствие родственной близости знаю об этом человеке и то, что неведомо другим. В-третьих, хотел бы высказать некоторые соображения о том, о чем давно говорится, но пока еще почти ничего не сделано и не найдено решения, — путях обновления политэкономии. Подготовленный материал дал прочесть нескольким друзьям экономистам. Они порекомендовали расширить его и опубликовать отдельным изданием. В итоге и получилась небольшая книга, вышедшая под грифами ВЭО России и Международного университета в Москве, где я работаю¹⁾. В связи с ее выходом ко мне обратился с рядом вопросов главный редактор газеты «Слово» В. А. Линник. Получилось интервью, выдержки из которого приводятся в следующем тексте²⁾.

— *Что определило выбор Вашим отцом гуманитарной специальности?*

— На это большое влияние оказала ранняя гибель его старшего брата — известного революционера, организатора партии «Кермен» и героя Гражданской войны — Г. А. Цаголова (1897–1919). Подобно тому, как пепел сожженного во времена инкви-

зиции Клааса стучал в сердце его сына Тиля Уленшпигеля, кровь Георгия нанесла глубокую душевную рану и наложила отпечаток на его мировоззрение, повернув сознание к социальной теме. Решив идейно бороться за прогресс общества, отец получает экономическое образование сначала во Владикавказе, а затем и в Москве — в Институте народного хозяйства, позже названного именем Г. В. Плеханова.

— *Охарактеризуйте вкратце начало и основные вехи научного творчества Н. А. Цаголова.*

— Началу его научного творчества предшествовала аспирантура Института экономики Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Годы учебы там (1926–1929) им вспоминались как время интенсивного интеллектуального роста. Ученые тогда еще пользовались относительной свободой. Отец особо отмечал значимость дискуссий на семинарах, вырабатывавших умелую аргументацию и полемический дар.

Первые научные труды отца были посвящены весьма сложным аспектам капиталистической проблематики: циклическому развитию и мировому хозяйству. Они были напечатаны в теоретическом журнале «Под знаменем марксизма» в № 2–3 за 1929 г. и № 7–9 за 1930 г. В них содержалась полемика со многими видными идеологами той поры, в том числе с Н. Бухариным и Р. Люксембург. Было ясно, что появился перспективный экономист-теоретик, умело владеющий марксистской методологией. Защиты кандидатской диссертации тогда не требовалось. Имя ученого создавалось такого рода публикациями.

После аспирантуры отец был направлен в Воронежский государственный университет и в 25 лет занял там должность исполняющего профессора. Его педагогический талант ярко светил, и вскоре он был приглашен заведовать кафедрой политической экономии Воронежского планового института.

В 1932 г. по приглашению директора Института экономических исследований Госплана СССР Н. Цаголов стал ученым секретарем этого учреждения. Затем вместе со своим приятелем по аспирантуре и коллегой по новой работе А. И. Ноткиным переключается на отечественную тематику, участвует в работе по составлению второго пятилетнего плана. Столь богатая практика сыграла свою роль в дальнейших его теоре-

¹⁾ Цаголов Г. Н. Отец и политэкономия. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2014. К 100-летию юбилею отца вышел фундаментальный труд трех авторов: С. С. Дзарасов, С. М. Меньшиков, Г. Х. Попов. Судьба политической экономии и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. Тогда же вышла и монография коллектива авторов с кафедры политэкономии экономического факультета МГУ «О творческом наследии Н. А. Цаголова» (М.: ТЕИС, 2004).

²⁾ Слово. № 14. 18–21 августа 2014 г.

тических построениях. Тем более что ему еще предстояло пару лет вывариться в котле сталинского Госплана. После этого он переходит в Институт экономики АН СССР, где проработает два десятилетия (1939–1959).

В послевоенные годы отец обращается к исследованиям в области истории русской экономической мысли. Уход от разработки практических вопросов экономики страны в указанную тематику был вызван не только желанием уменьшить риск подвергнуться гонениям, но и пониманием того, что без усвоения истории науки вряд ли можно достичь ее сияющих вершин. Он не раз говорил мне, что специализация, конечно, весьма удобная вещь, но открытия в политической экономии невозможны без самых разносторонних знаний ее предмета.

В 1949 г. отец защищает докторскую диссертацию на тему «Дворянская и буржуазная экономическая мысль в период „крестьянской реформы“». Совместно с членом-корреспондентом АН СССР А. И. Пашковым руководит многотомным трудом по истории русской экономической мысли. Все эти годы отец продолжает держать руку на пульсе времени. Он принимал активное участие в известной теоретической дискуссии 1951 года, обсуждениях работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) и созданного на ее основе учебника по политической экономии. Накопленный багаж знаний в теории, истории науки и практике, умение выразить их в ясной и увлекательной форме закрепили за ним славу корифея экономической мысли, но одновременно вызывали ревность и неприязнь у многих коллег по профессии, строивших ему немало козней. Имели место не только выволочки и проработки, но и прямые угрозы ареста, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Как же тогда в 1957 году состоялось назначение его на должность заведующего ведущей в Советском Союзе кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ?

— Оно не могло произойти без инициативы руководства тогдашнего Министерства высшего образования СССР и согласования вопроса в идеологических верхах КПСС. После имевших с ним до того место неприятностей многим это казалось странным. Но нельзя забывать то, что это произошло во времена хрущевской «оттепели», когда

в научной сфере, как и во многих других, зачастую поднимались и такие люди.

— Что же ему удалось сделать на этом посту?

— Здесь в полную меру реализовался не только его научно-педагогический, но и организаторский дар. За почти три десятилетия последовавшей кипучей деятельности была создана знаменитая университетская школа политической экономии, или «школа Цаголова», как ее чаще всего называли. Им организовывалось множество международных и общесоюзных конференций по наиболее актуальным вопросам развития политической экономии и идеологическим вопросам, воплощенных затем в коллективные монографии и сборники научных трудов, под его редакцией. Однако наиболее важным делом, прославившим кафедру, стал созданный под руководством отца двухтомный «Курс политической экономии», выдержавший у нас три издания (1963–1964, 1970, 1973–1974).

— Это был популярный учебник или научное произведение?

— И то и другое. Поставленная им цель: воспроизвести логически взаимосвязанную и соподчиненную систему категорий и законов политэкономии в широком смысле слова — от первобытнообщинного строя вплоть до коммунистического. И это было сделано. Работа внесла немало нового в теорию капитализма и докапиталистических формаций. Но сенсационным прорывом стала разработка концепции социализма. Университетский «Курс политической экономии» вызвал большой научный и общественный резонанс как в СССР, так и за рубежом, где он издавался четырнадцать раз (на Кубе, в ГДР, ЧССР, ПНР, ФРГ, КНР, Турции, Греции, Японии).

— В чем состояла новизна?

— Основоположники марксизма представляли социализм единой фабрикой. Так не получилось. Представленная в «Курсе...» его модель опиралась на реальный опыт в нашей стране, насчитывавший к тому моменту свыше 40 лет. Эта модель стала наиболее глубоким отражением социализма в научной литературе. В прежних учебниках описывалась общественная собственность на средства производства, а затем следовал анализ других компонентов системы: планирования, принципов распределения, использования товарно-денежных отношений и закона стоимости, хозрасчета и т. д.

Отец отдавал должное сделанному до него в экономической науке, в том числе и «беллетристическому» подходу, позволявшему выявить, «добыть», как он выражался, категории и законы социалистической экономики. Но это все же был низший этап познания. Узловой пункт усилий возглавляемых им ученых из университета был направлен на поиск исходного отношения, или «экономической клеточки» социализма. Для капитализма она была найдена Марксом — товар и товарная форма производства. Для социализма до отца так вопрос не ставили. В «Курсе...» дается следующее решение: исходной основой коммунистического способа производства (низшая стадия которого социализм) является планомерная форма хозяйствования в масштабах всего общества. Именно из нее вытекают основной экономический закон и все другие черты и свойства социализма.

— *Такие взгляды вызывали возражения?*

— С ними далеко не все были согласны, в том числе влиятельный К. В. Островитянов, автор учебника «Политическая экономия», бывший директор Института экономики (1947–1953), а затем вице-президент АН СССР (1953–1962). Но наиболее активным противником отцовской модели являлся Яков Абрамович Кронрод, возглавлявший сектор общих проблем политэкономики социализма в Институте экономики АН СССР.

— *Могли бы Вы привести какой-то конкретный эпизод этого противоборства?*

— Помню, как в 1964 г. в Институте экономики АН СССР, расположенном тогда неподалеку от Кремля на улице Волхонка, обсуждались методологические вопросы политической экономии. Была какая-то накаленная и, как мне показалось, нездоровая атмосфера. Я был тогда молодым аспирантом. В сознание врезалась ожесточенная баталия, в которой скрестили шпаги два политэкономических светила того времени. Отцу и его университетским коллегам не давали договорить — дело происходило «на чужом поле».

Яков Абрамович прекрасно владел словом, был хорош собой, артистичен и язвителен. Сверкая глазами и в полемическом пылу, он в завершении своей затянувшейся и никем не прерываемой речи изрек: «Видимо, Николай Александрович, Вы этого еще не понимаете, или, может, уже не понимаете?» Кронрод был на 8 лет моложе своего оппонента и намекал на его возраст, хотя

тому тогда еще не исполнилось и 60. Седина слегка обрамляла его голову, но отец находился в отличной форме и ничем не давал повода для подобного выпада.

Неубедительным показалось и заявление Кронрода о том, что «наука делается в монографиях исследовательских институтов, а не в разных там учебниках вузовских кафедр». Ведь все зависит от того, что за работа и как она написана. Более того, новые идеи, воплощенные в учебники, сразу же проникают в сознание неизмеримо большего числа людей и оказывают тем самым ускоренное влияние на развитие науки. Создавалось впечатление, что речь шла далеко не только о выяснении истины, а подспудно ставился вопрос: кто действительно по праву достоин экономического Олимпа, и кто окажется на нем? А от этого зависел не только авторитет ученого, но и многое другое.

— *До всех ли доходила суть этих споров?*

— Думаю, что нет. Отцовская концепция, конечно, не так уж проста для восприятия, как, впрочем, и сама экономическая жизнь. Без глубоких экономических и философских знаний, длительных раздумий на эти темы оценить ее трудно. Не только тогда, но и после далеко не все понимают значимость такого подхода. Однако это же в еще большей мере можно сказать о теории относительности Эйнштейна, которая до сознания лишь узкого круга высококвалифицированных специалистов. А политическая экономия, пожалуй, еще сложнее, чем физика.

Кроме того, в общественной науке субъективный фактор весьма велик, и многое зависит от того, какие силы находятся у власти и что им выгодно. Кода-то гений Маркса и Ленина преувеличивались и обожествлялись. Сейчас же, наоборот, он, по крайней мере у нас, не признается или во всяком случае преуменьшается. Что и говорить — в чем-то и они ошибались. Но что из этого?

Открытия Григория Перельмана, при всех его чудачествах, не могут быть отвергнуты математической наукой. Вклад в политическую экономию долго может быть не признаваемым. Увидевший свет «Капитал» Маркса несколько лет замалчивали. Потом к нему проявился все возрастающий интерес, а у нас в советские годы книга заняла место Библии. Затем труд оказался вновь забыт. Глобальный кризис вызвал ренессанс его изданий. Словом, в общественной науке лишь время все расставляет более или

менее на свои места. Большое, как говорил Есенин, видится с расстояния.

— Имеются ли факты, подтверждающие непреходящую научную значимость школы Н. А. Цагорова?

— Один из авторов «Курса...», долгие годы работавший на кафедре отца, его друг и ученик профессор С. С. Дзарасов рассказывал, как во время научной командировки в Великобританию в начале текущего века обнаружил, что аналогичную методологию под названием «критического реализма» значительно позже университетской школы разрабатывали представители посткейнсианской экономической мысли в Оксфордском (Р. Баскар) и Кембриджском (Т. Лоусон) университетах. Когда он донес до английских коллег, что нечто подобное развивалось в Московском университете, это было встречено с большим интересом, и ему было предложено написать на эту тему статью в журнале Кембриджского университета, что он и сделал³⁾.

В связи с этим ученый в своем докладе на упомянутой в начале конференции в МГУ заметил: «Внимание английских коллег резко контрастировало с тем, как наша инициатива была встречена дома. В отличие от многих других стран и народов, мы редко ценим своих. Поэтому неудивительно, что наша попытка по иному написать учебник вызвала массу возражений, прежде всего со стороны Института экономики АН СССР. Хватало и насмешек в адрес тех, кто не может заняться ничем другим, как „искать какую-то клеточку социализма“».

— После выхода «Курса...» появлялись и другие учебники по политической экономии, в том числе и руководимые высокими чинами из ЦК КПСС. Не препятствовали ли они «университетской школе»?

— Конечно, препятствовали. Развитие важных для общественной науки методологических принципов вылилось в коллективную монографию, написанную под руководством отца в 1980-е гг. Фундаментальный труд в форме учебного пособия готовился в «Политиздате». В это же время там же находилась в работе и моя книга о военно-промышленном комплексе США. Редактором обоих изданий была Елена Михайловна Аветисян, как-то поведавшая мне

курьезный случай. Выпуск университетской рукописи по неизвестным причинам задерживался, а отец требовал ускорения публикации, на что начальство издательства ему как-то заявило: «Николай Александрович, если мы поставим Вас в первую очередь, то придется повременить с трудом Георгия Николаевича». «Так выкиньте его к черту!» — молниеносно среагировал отец.

Тем не менее, моя книга вскоре была выпущена тиражом в 200 тысяч экземпляров, а его так и не увидела свет. Дело в том, что выходу ее мешали представители номенклатуры, вознамерившиеся напечатать собственный учебник по политической экономии. С помощью административного ресурса они блокировали конкурирующие издания. Своего они добились, но об их опусе теперь мало кто вспоминает.

— Выдержали ли идеи Вашего отца проверку временем?

— В основном да, в чем-то нет.

Нет — поскольку вслед за Марксом отец утверждал, что на смену капитализму идет коммунизм. Для многих, правда, это и по сей день остается вероучением. Но между ним и наукой — большая разница. Социализм — ни в одной из стран не имел и не имеет перспектив перерастания в высшую коммунистическую стадию. Кто-то скажет — еще не вечер, когда-то это обязательно произойдет. Но так можно говорить обо всем на свете, а то, что мы видим на практике, показывает, что караван истории человечества идет несколько в ином направлении.

Да — поскольку социализм не сходит с исторической сцены. Хотя он и потерпел крах в СССР и ряде других стран, но все же оказал сильное воздействие на развитие мирового капитализма, социализировав его. Говоря о социализме, имеются в виду не только Куба или Северная Корея. В Китае симбиоз социализма с капитализмом вот уже на протяжении 37 лет показывает выдающиеся результаты. То же самое относится к Вьетнаму. А разве не социализированы и многие другие страны Азии, например Индия, государства Европы и Латинской Америки? Во всех этих странах существует макроэкономическое планирование и не утерян централизованный общественный контроль над производством — та самая исходная координирующая сила, с которой по Цаголову-старшему и «начинается Родина» социализма. А раз так, значит законы и категории, представленные в написан-

³⁾ Dzarasov S. Critical realism and Russian economics // Cambridge Journal of Economics. 2010. № 34. P. 1041–1056.

ном 50 лет назад втором томе «Курса...», пусть и в усеченном виде, но действуют в ареале, где сегодня проживает чуть ли не половина человечества. Стало быть, теория университетской школы остается весьма востребованной для понимания и реально существующего сейчас общества.

Вместе с тем истекшие десятилетия выявили и то, что планирование всего и вся из одного центра неэффективно. Планирующие органы государства могут обладать достоверной информацией о том, что обществу нужно, а что нет в сфере производства угля, стали, нефти, газа и электроэнергии. Но в сфере изготовления обуви, одежды, персональных компьютеров, косметики и других индивидуальных товаров и услуг обособленный частный производитель знает свой рынок и его потребности лучше государственного чиновника и может выполнять свои задачи грамотнее последнего. Ни в перестроенную эпоху, ни позже вопрос так не ставился. Стоит ли удивляться тому, что шарахаясь из одной крайности в другую, мы попадаем из огня да в полымя. Разрушив «до основания» плановое хозяйство, мы выплеснули с водой и ребенка.

— *Выходит, что нужно было сознательно идти по пути конвергенции, соединения социализма с капитализмом?*

— Конечно. Вопрос только, какой конвергенции? У нас вследствие реформ она произошла со знаком минус. Разрушив плановое хозяйство и без подготовки плюхнувшись в рынок, мы вскоре оказались в олигархическом, а затем и бюрократическо-олигархическом капитализме, выдвигающем на передний план тенденции паразитизма и загнивания. Да, по числу миллиардеров мы стоим на третьем после США и Китая месте в мире. Но почему наши магнаты так разительно отличаются от их коллег на Западе и Востоке? 1/3 всех богатств России принадлежит 110 олигархам. Что сделали они для прогресса общества? Ничего. Рейдерство и коррупция оказываются выгоднее инноваций и модернизации. Где столь широко распиаренный Ё-мобиль Прохорова? Его нет и не будет. На это они не способны.

— *О необходимости возрождения политэкономии у нас уже давно говорят представители альтернативного либеральному мейнстриму мышления. Что им мешает реализовать задуманное?*

— Важной помехой является объективная сложность теоретического осмыслива-

ния весьма сложной, противоречивой и меняющейся действительности.

— *А как Вам видятся контуры напрашивающегося обновления политэкономии?*

— Практика показывает, что социализм в чистом, или «беспримесном» виде неэффективен, неустойчив, а потому потерпел поражение неслучайно. Вместе с тем, жизнь опровергла и утверждения Фрэнсиса Фукуямы о капиталистическом «конце истории». На смену капитализма и социализма приходит новое интегральное общество, гипотезу о котором впервые пророчески высказал выдворенный из России и оказавшийся впоследствии в Гарварде великий русский социолог Питирим Александрович Сорокин. Среди экономистов раньше и глубже всех эта тенденция нашла отражение в работах интеллектуальной звезды XX века Джона Кеннета Гэлбрейта. Именно этот конвергентный, или интегральный тип общества и экономической системы, впитывающий в себя преимущества капитализма и социализма и отсекающий по возможности их недостатки, должен найти отражение в новой политической экономии.

— *Пригоден ли учебник Вашего отца для создания обновленной политэкономии?*

— В этом отношении «Курс...» — бесценное подспорье. В теории первобытного, рабовладельческого и феодального способов производства много менять не требуется. Дополнить капитализм новейшими модификациями и даже реально происходящим на наших глазах углублением его общего кризиса тоже не представляет большого труда. Социализм же надо не исключать, как это делает экономикс, а дать его в реально существующем и совмещенном с капитализмом виде.

В позднем капитализме «невидимая рука» рынка Адама Смита дополняется вполне осязаемой второй рукой государственного централизованного планирования. Это уже первая социалистическая форма, которая при общенародной власти наполняется во все большей степени и социалистическим содержанием.

Встречный процесс шел в прежних социалистических странах, проводивших грамотные экономические реформы. Там план не разрушили, но к нему добавили капитализм и его эффективность. Причем действовали постепенно, держа большое, отпуская малое, переходили реку, нащупывая дно. Итог — биполярная система новой

смешанной, или интегральной формации как реальность и императив современного развития.

— Кто кроме Вас высказывает схожие взгляды?

— Таких же позиций придерживаются академик РАН О. Т. Богомолов, член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН Р. С. Гринберг. Их разделяют такие экономические гуру, как профессор С. М. Миньшиков, С. С. Дзарасов, Ю. В. Яковец. Последнее время их высказывают и такие известные ученые, как академик РАН С. Ю. Глазьев, профессора Г. Х. Попов, М. Г. Делягин.

— Чем был бы важен новый учебник по политэкономии?

— Он значим как плацдарм для создания новой идеологии России, о чем в последние годы говорится много, но пока безрезультатно. Нельзя строить идеологию без предварительного уяснения того общества, в котором мы сегодня живем и к которому должны стремиться. Так что существуют возможности и для теоретического прорыва на этом направлении.

— Но устоялся ли интегральный строй?

— Конечно, что будет через сотни лет — никто не знает. Но жизнь все же показывает, где «растет кокос», где постепенно решаются важнейшие социально-экономические проблемы. Это конвергентные страны. Не принимать это во внимание означает закрывать глаза на самое главное и уходить от анализа магистральных тенденций современного общественного развития.

— Если бы Вас попросили свести подробную характеристику личностных качеств отца, о которых подробно рассказывается в заключительной части работы, к одной небольшой фразе, что бы Вы сказали?

— Высокий дух и свободолюбие, эрудиция и неукротимое стремление к постижению истины, ораторский дар и лидерские качества, оптимизм и искрометный юмор, человеколюбие и простота.

2. Судьба пророка в России: С. М. Миньшиков (12 мая 1927 – 13 ноября 2014)

На прошедшем в начале текущего года VI Гайдаровском форуме хватало курьезов. Назывался он помпезно «Россия и мир: новый вектор», а проходил, когда российская

экономика продолжала скатываться в пропасть. Премьер Дмитрий Медведев делал хорошую мину при плохой игре. Уверял, что наша страна перешла от «полуразрушенной» советской экономики к «развитой западной» и что с этого пути правительство сворачивать не собирается. Однако выступивший вслед за ним всемирно известный американский социолог И. Валлерстайн заявил, что находящийся в глубочайшем кризисе капитализм доживает свой век, и пора задуматься о смене исчерпавшего себя общественного строя.

Ежегодный слет наследников Гайдара во главе с властным экономическим блоком по обыкновению игнорирует справедливую критику проводимой правительством внутренней политики со стороны участников Московского экономического форума и других представительных конференций. На Гайдаровском форуме ни словом не обмолвились и о негативных оценках работы кабинета министров и предложениях по выходу из кризиса, содержащихся в сделанном накануне докладе экс-премьера РФ, а ныне президента Меркурий-клуба Евгения Примакова.

Парадокс: в стране есть и было немало знающих людей, способных изменить жизнь к лучшему, но их всячески оттирали и оттирают от принятия решений или замалчивают. К их числу принадлежал и недавно почивший Станислав Михайлович Миньшиков.

С полгода назад на юбилее одного приятеля моим соседом по столу оказался один из наиболее известных в стране экономистов. С академиком РАН мы были знакомы и прежде, но так не встречались. В ходе завязавшегося между тостами разговора я спросил его: «Кого из нынешних российских ученых Вы бы поставили на первое место по реальному вкладу в экономическую науку и международному признанию?» «Станислава Миньшикова», — последовал ответ. Меня он нисколько не удивил. Этого мнения придерживались и многие другие представители нашего цеха. Никто не знал тогда, что спустя несколько месяцев о нем придется говорить уже в прошедшем времени.

Еще в Библии сказано, что люди не ценят заслуги своих близких, не верят в талант или верность слов человека, который находится рядом с ними. Как изрек Иисус: «Трудно быть пророком в своем отечестве». С. М. Миньшиков — яркий тому пример.

В бесчисленных трудах и публицистических выступлениях он не раз предупреждал об опасности тех или иных шагов, которые, тем не менее, делались, и вносил многие конструктивные предложения, которые не только не реализовывались, но и замалчивались. Остается только горько сожалеть, что не такие, как он, а совсем другие по прихоти тогдашних властителей завладели рулем управления нашими реформами. Теперь за это приходится жестоко расплачиваться.

Примечательный штрих: именно вместе с ним написал свою единственную совместную работу великий американский ученый экономист и социолог, бывший советник президентов Франклина Рузвельта и Джона Кеннеди Джон Кеннет Гэлбрейт — «Капитализм, социализм, сосуществование» (1988). Переведенная на многие языки мира книга-диалог, ставшая чуть ли не бестселлером, во многом предвосхитила судьбу конкурирующих систем.

В 1990 г. увидела свет капитальная монография С. М. Меньшикова «Советская экономика. Катастрофа или катарсис?». На ее обложку были вынесены слова: «Нетоварный социализм выродился в плановую анархию. Бюрократия срослась с теневой экономикой. Трудовые доходы свелись к минимуму, невиданному даже при капитализме». И далее: «Может ли социализм выжить? Да, если перейдет к смешанной экономике. И так, неизбежна ли катастрофа социализма? Или же его ожидает пусть тяжелое, временами кризисное, но все же обновление, выздоровление — то, что древние называли катарсисом? Думаю, тот или иной исход не предопределен. Реальное движение настолько сложно, конфликтно, противоречиво, что одинаково возможны и катастрофа, и катарсис, особенно если корабль социализма теряет управление и перестает слушаться руля».

Сейчас мы хорошо знаем, что власть отвергла взвешенный, постепенный, срединный курс и, уподобившись «Титанику», избрала путь приснопамятной «шоковой терапии».

О судьбе этой книги и одновременно российской экономики неплохо выразился постоянный издатель его книг Б. П. Лихачев. В редакционном введении к следующей работе Меньшикова «Экономика России: практические и теоретические вопросы перехода к рынку» (М.: Международные от-

ношения, 1996) Борис Петрович замечает: «Судьба этой бесспорно незаурядной книги „Катастрофа или катарсис?“ (косвенное свидетельство ее „знака качества“ — англоязычное и японское издания книги), вобравшей в себя к тому же тогдашний накал политических баталий о судьбах страны и путях ее движения в будущее, оказалась в чем-то трагически схожа с предметом ее исследования. Разошедшаяся 100-тысячным (!) тиражом, она была встречена 100 % молчанием как в научной, так и общеполитической печати в собственной стране. Объяснение этому хочется выразить разве что есенинскими словами: „Если тронуть страсти в человеке, то, конечно, правды не найдешь“».

С. Меньшиков никогда не сгибался, а продолжал бороться, постоянно писать, преподавать и участвовать во множестве семинаров с выдающимися американскими и западноевропейскими экономистами и социологами, пытаясь изменить характер навязанных России разрушительных либеральных реформ. В упомянутой новой книге говорится: «На Западе, в том числе и в США, есть много экономистов и политологов, достаточно хорошо знакомых с российскими реалиями, которые предлагали и предлагают совсем иную политику — тоже прокапиталистическую, но не столь разрушительную».

В 2004 г. С. Меньшиков издает фундаментальный труд: «Анатомия российского капитализма». В нем, в частности, читаем: «В том виде, в котором наш капитализм сложился в последние десять с лишним лет, он не мог не стать олигархическим, т. е. перекошенным в сторону подавляющего господства узкой группы банковско-промышленных монополистических группировок... Такая экономика находится в ловушке, выход из которой возможен только посредством коренной ломки олигархической структуры при активной роли государства»⁴⁾.

Казалось, что власти вновь не заметили книгу. Однако последующие события представляют все же некоторой реакцией на нее: олигархи были приструнены, началось создание государственных корпораций и перераспределение доходов. Часть прибыли нефтяных магнатов стала поступать в казну и накапливаться. Шел рост социальных отчислений и зарплат. Это время совпало с высокими ценами на нефть,

⁴⁾ Меньшиков С. М. Анатомия российского капитализма. М.: Международные отношения, 2004. С. 7.

что позволило, с одной стороны, повысить уровень жизни, с другой — не удалось избежать «голландской болезни». Вместе с тем экономика России начала расти быстрыми темпами.

В одной из статей последних лет С. М. Меншиков замечает: «С нынешним правительством Россию ожидает длительный период застойного состояния экономики и науки... Избежать этого можно только, заменив его на кабинет министров, готовый осуществлять стимулирующую экономическую политику и отказаться от чиновничьих наскоков на науку и социальную сферу»⁵⁾.

В свое время К. Маркс говорил: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достичь ее сверкающих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым уступам». Станислав Михайлович Меншиков был одним из них.

С его ранними трудами я познакомился в годы учебы на экономическом факультете МГУ. Мы случайно встретились в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР, где он тогда являлся старшим научным сотрудником и куда я прибыл для прохождения практики на IV курсе. Под его руководством писал дипломную работу и кандидатскую диссертацию. Многим обязан творческой лаборатории, в которую он меня окунул, благодаря чему познал методику сбора разбросанных фактов и их обобщения.

Он находился тогда в возрасте Христа, обладал импозантной внешностью и являл собой пример безграничной увлеченности делом, глубины мысли, самодисциплины, организованности, жизнелюбия, высокой культуры остроумия, гражданственности и патриотизма. Посещая его дом, я испытывал тепло, исходящее от всей его красивой и счастливой семьи. Скажу прямо, для меня лично он был не просто большим ученым, но и духовным наставником, жизненным ориентиром, человеком, с которым часто сверял свои мысли и поступки, на кого пытался равняться.

Кто-то скажет — Станиславу Меншикову во многом повезло. И будет прав и неправ. Нет спора — с самого начала он обзавелся рядом неоспоримых достоинств. Родился в семье сталинского наркома внешней торговли, ставшего затем послом СССР в Индии и США, министром иностранных

дел РСФСР. В 4 года, находясь с родителями в Лондоне, он уже свободно говорил на двух языках. Но сколько номенклатурных чад имели такие же, а то и большие стартовые возможности. Корифеев из них не получилось. Он же им стал.

Один из питомцев и первенцев Института международных отношений в 24 года защитил кандидатскую диссертацию и с тех пор прочно связал свою жизнь с экономической теорией. Начало многообещающее, но не гарантирующее стать звездой первой величины в своей профессии. Прослеживая его жизненный путь, убеждаешься в справедливости теории «непрестанного накопления преимуществ».

В первой половине 1960-х он преподает политическую экономию в альма-матер и расширяет спектр исследований капитализма, публикуя статью за статьей. Вскоре издающийся на многих языках мира журнал «Новое время», возглавляемый тогда видным экономистом, приглашает его в свой штат. Превращаясь в публициста и оттачивая перо, он продолжает читать лекции и вести научную работу. В качестве специального корреспондента его командировуют в разные страны, в том числе США, сделавшиеся центром его научных интересов. Он оказывается в группе журналистов, сопровождавших Хрущева в поездке по Индии и Индонезии. В ходе поездки берет интервью у глав обеих стран — премьер-министра Дж. Неру и президента А. Сукарно. Выходит первая монография С. Меншикова, посвященная деятельности американских корпораций на мировом рынке. Затем вызревает тема докторской диссертации. Но реализация идеи происходит уже в ИМЭМО.

В 1963 г. за фундаментальное исследование американской финансовой олигархии ему присваивается степень доктора экономических наук. Насыщенная обилием интереснейших фактов и написанная прекрасным языком работа под названием «Миллионеры и менеджеры» была издана не только на русском, но и английском и испанском языках. Редчайший случай: труд советского автора по проблематике США был включен в список рекомендуемой литературы для студентов-экономистов и политологов ряда американских университетов. Так же и другие произведения Станислава Михайловича представляли собой настолько оригинальный анализ мировой экономики и международных отношений, что немедленно завое-

⁵⁾ Слово. 4 октября 2013 г.

вали ему место в когорте самых маститых ученых нашей страны и всего мира.

Вскоре после защиты докторской диссертации С. М. Меншиков назначается на должность заместителя директора ИМЭМО. С той поры его научная деятельность плодотворно сочеталась с организацией крупных исследований и проектов. Но дальнейший путь оказался весьма тернистым.

Его стали травить как коммунистические догматики, так и так называемые либералы. Уж очень он не вписывался ни в партийную номенклатуру, ни в партийно-диссидентскую тусовку. Для первых он был слишком умен, для вторых слишком искренне верующим в социализм. Став замдиректора ИМЭМО, он купил для сугубо гуманитарного учреждения вычислительную машину, набрал молодых аспирантов с математическим образованием. Именно он ввел в советскую экономическую науку эконометрические модели. Тогда же впервые его аспиранты открыли для себя идеи репрессированного в 30-х гг. и еще не реабилитированного к тому времени русского экономиста Николая Кондратьева. Не только открыли, но и развили идеи великого учения. Под руководством Меншикова ИМЭМО выпускает фундаментальный труд о капиталистических циклах.

Вместе с тем, давление мафиозной номенклатуры на Меншикова усиливалось. Инициаторами этой травли были директор ИМЭМО Н. Иноземцев и директор Института США Г. Арбатов. Оба не были экономистами, но являлись спичрайтерами Брежнева и функционерами, определявшими избрание в академию по отделению экономики. Их усилиями было заблокировано его вступление в АН СССР.

Меншиков бросает престижный пост в Москве и уезжает в Сибирь. Всю оставшуюся жизнь он благодарит себя за данный шаг, поскольку это позволило ему увидеть всю необъятную мощь и величие провинциальной России. Тогда директором тамошнего Института экономики был А. Аганбегян. Позвав Меншикова к себе, он обещал ему избрание в академию, но не сдержал слова. Для него самого еще не гарантированным было место полного члена академии, и он решил не рисковать и не настаивать на выдвижении персоны, столь неугодной столичным бонзам.

В Сибири С. М. Меншиков провел титаническую исследовательскую и организа-

ционную работу по созданию многоотраслевой модели советской экономики. В течение четырех лет пребывания в новосибирском центре (1970–1974), под его руководством или при непосредственном участии были разработаны межотраслевые экономические модели со сравнимой структурой для США, Японии и СССР. Выполненные им многочисленные аналитические и прогнозные расчеты были частично опубликованы в монографиях «Динамические модели экономики» (1972), «Модели экономики США» (1975), «Экономические модели и прогнозы» (1975), вызвавших большой интерес не только у нас, но и за рубежом. Подходы и решения, данные С. М. Меншиковым в этих публикациях, были изложены в работе, вошедшей во второй том фундаментальной монографии по Брукингской модели, изданной в США в 1976 г. под редакцией американского экономиста Лоуренса Клайна, позже (в 1980) ставшего лауреатом Нобелевской премии.

В 1974 г. С. М. Меншикова пригласили на работу в Секретариат ООН (Нью-Йорк) в ранге чрезвычайного и полномочного посланника на должность заместителя директора Центра планирования и развития. На столь высоком посту Станислав Михайлович показал себя самым достойным образом, высоко держал марку своей страны и отечественной экономической науки. Ему было поручено курировать Всемирную модель Нобелевского лауреата Вассилия Леонтьева, результатом чего явился опубликованный на многих языках доклад ООН «Будущее мировой экономики», в котором анализировались составленные под руководством С. М. Меншикова сценарии развития мира до 2000 года. Они до сих пор не потеряли своей актуальности.

Здесь он встречается с известными американцами, в частности с Генри Киссинджером, и часто является передаточным неформальным звеном советского правительства. Очень много интересного об этом периоде можно узнать из книги воспоминаний Станислава Михайловича, которые он написал к своему 80-летию юбилею: «О времени и о себе».

В 1980 г. Меншиков возвращается в Москву на должность консультанта Международного отдела ЦК, где трудится также увлеченно и, что называется, с огоньком. Кроме непосредственной работы, пишет книги, статьи в «Коммунист» и «Правду».

В мемуарах об этом сказано: «Получаю задание. Быстро его делаю и прячу в сейф, чтобы не выделяться, а сам работаю над книгой или статьей».

Используя широкие связи с научной, деловой и общественно-политической элитой за рубежом и обладая незаурядными дипломатическими способностями, С. Меньшиков вносит весомый вклад в укрепление международных позиций нашего государства. Его систематически печатают в газете «Нью-Йорк таймс», часто берут интервью и делают репортажи на центральных каналах американского телевидения. Он выступает вместе с такими знаменитыми политиками, как Джордж Шульц и др., становится в Америке узнаваемой личностью.

Когда в 1982 г. после скоропостижной кончины директора ИМЭМО академика Н. Иноземцева поднимается вопрос о назначении на вакантное место Меньшикова, которому благоволил ЦК, бывшие недруги объединяются. Горбачев уже влиятельный член ЦК и намерен вытащить из канадской ссылки А. Яковлева. В последний момент, когда Меньшикова уже поздравляют с назначением, как черт из табакерки, выскакивает бывший посол в Канаде, ставший затем архитектором горбачевской «перестройки».

Меньшиков продолжает трудиться и писать. Реабилитирует имя еще официально запретного и замученного в 30-е гг. Н. Кондратьева в журнале «Коммунист». На тех же страницах критикует ревизионистскую программу партии, составленную соратниками Арбатова и Яковлева, что, естественно, вызывает их ярость, пишет очередную книгу, встречается по заданию ЦК с видными американцами.

Но время развала СССР неумолимо приближается. Меньшиков первым почувствовал это, попав под чистку кадров, устроенную новым Генеральным секретарем ЦК М. Горбачевым и его соратниками А. Яковлевым и Э. Шеварнадзе. Тогда уже освобождались от слишком правоверных коммунистов в аппарате ЦК, были смещены главные редакторы партийных изданий. Меньшикова под неозвученным предлогом в одночасье изгоняют из ЦК. Либеральные друзья распространяют байку, что будто бы КГБ им недоволен. Однако знакомые из этого ведомства категорически отказываются поддержать эту версию. Друзья в отделе, боясь быть зачищенными, также упорно молчат и не вмешиваются. Одним из немногих

в ЦК, кто не побоялся с ним встречаться, был Г. Шахназаров, который подсказал выход: «Попросись на работу в Прагу в „Проблемы мира и социализма“. Если пропустят, то всем станет очевидно, что это не происки КГБ». Так и случилось. Уже через пару месяцев работы в Праге КГБ не возражает против выезда Меньшикова в командировку от журнала в Вену.

В эти же годы там довелось работать и мне. Это было время нашего особо интенсивного творческого и дружественного общения. Станислав Михайлович пользовался заслуженным авторитетом и уважением со стороны высшего руководства и сотрудников издания.

В разнообразной научно-педагогической и общественно-политической деятельности С. М. Меньшикова особо высокой оценки заслуживает его исключительная творческая плодовитость. Его перу принадлежит 25 опубликованных им (или в соавторстве) оригинальных монографий по самым ключевым проблемам экономической науки. Весомый вклад внес он в теорию воспроизводства. Вместе со своей женой Л. А. Клименко в 1989 г. он выпустил книгу «Длинные волны в экономике: когда общество меняет кожу», переизданную в 2014 г. по инициативе одного московского издательства. И это не считая сотен статей в научных журналах и другой периодике в стране и за рубежом.

Мастерскому перу С. М. Меньшикова принадлежит и несколько художественных произведений, в частности детективы «Тайна папок Йонсона» и «Кремлевские алмазы». В блистательно написанной книге воспоминаний «О времени и о себе» (М.: Международные отношения, 2007) содержится россыпь интереснейших фактов, проливающих яркий свет и на сегодняшний день.

Так, в ходе перестройки во время презентаций совместной с Дж. К. Гэлбрейтом книги в Москве к ним за интервью явился нынешний министр экономики Алексей Улюкаев. Тогда он работал в журнале «Коммунист» под началом члена редколлегии Егора Гайдара. Улюкаев задал несколько вопросов авторам и записал ответы на диктофон. «Но, — вспоминает С. Меньшиков, — когда позже я прочитал подготовленный им текст в журнале, то выяснил, что он оставил лишь некоторые высказывания Гэлбрейта, но ни моих ответов, ни даже упоминания о нашей книге там не было. Удивляться не приходилось — познакомившись с мои-

ми оценками его будущей политики, Гайдар не мог допустить, чтобы мой прогноз безудержной инфляции в результате либерализации цен попал на страницы теоретического органа партии. Спустя три с небольшим года так оно, однако, и случилось»⁶⁾.

Летом 1997 г. С. Меньшиков был приглашен участвовать в заседании Совета Федерации на Большой Дмитровке. Шло обсуждение доклада о бюджете, представленного Анатолием Чубайсом, тогдашним министром финансов и первым заместителем председателя Правительства РФ. Станислав Михайлович разнес Чубайса по основным направлениям проводимой экономической политики и предупредил о том, что непомерный рост выплат процентов по ГКО чреват дефолтом. Ровно через год после этого именно это и произошло. В мемуарах читаем: «Несмотря на постоянные демагогические нападки в духе „забудем о Западе, вернемся в Россию“, Чубайс не возразил по существу ни на один мой аргумент. Надо сказать, что против моей позиции можно было привести ряд серьезных возражений, которые неоклассиками и монетаристами на Западе разработаны в их многолетней дискуссии с кейнсианцами. Но Чубайс не был знаком с этой аргументацией. Я бы его в этом не упрекал, если бы у него за плечами не стоял опыт преподавания в экономическом вузе. Бывшему доценту и участнику закрытого клуба, где он вместе с Гайдаром и другими якобы изучал западных авторов, надо было бы иметь более высокий уровень профессиональных знаний»⁷⁾.

В самом конце своей книги мыслитель как будто исповедуется: «Мой идеал — социализм с человеческим лицом, и я по-прежнему убежден, что его у народа украли демократические лицемеры, но в действительности грабители с большой дороги нашей истории. Не верю, что за человеческое лицо режима мы должны отказываться от социализма и что истинное лицо социализма — это несвобода и бедность... Развалив социализм, мы лишили себя общей мечты. Лично для меня это было не меньшей трагедией, чем потеря страны. Мириться с этим не хочется, и потому важно понять, как это случилось и как вернуться к соци-

ализму, избавленному от его недостатков... Главный вопрос любого социализма — как контролировать элиту снизу, демократически, препятствуя ее вырождению. Эту проблему я сформулировал и частично в своих книгах на нее ответил. Но логически стройной аргументации выработать не смог»⁸⁾.

Последние пять лет Станислав Михайлович утратил зрение, но, несмотря на это, благодаря жене и детям продолжал плодотворно трудиться. В последнем своем материале, опубликованном уже после его кончины, он призывает к построению в России смешанного, интегрального общества, вбирающего в себя достоинства капитализма и социализма и избавляющегося от его пороков⁹⁾.

О Меньшикове, как в свое время о Бальзаке, можно сказать: «Его жизнь больше наполнена трудами, чем днями». Судьба сводила его с самыми известными и видными деятелями прошедших двух третьих века: Хрушевым и Горбачевым, Дж. Неру и Далай-ламой, Никсоном и Киссинджером, американскими миллиардерами и политиками — Рокфеллером, Фордом, Морганом и Гарриманом. Его приглашали работать с собой великие умы — Ян Тинберген, Дж. К. Гэлбрейт, Линдон Ларуш и многие другие.

И такая выдающаяся личность, действительно ученый-исполнитель не стал ни академиком, ни лауреатом, не заслужил какой-либо правительственной награды или ордена...

Сейчас наша страна испытывает большие трудности. Не время ли ее властям обратиться к наследию С. М. Меньшикова и его единомышленникам, чтобы найти, наконец, адекватную обстоятельствам экономическую политику и выйти из экономического кризиса, в который нас завели столь же амбициозные, сколь и сомнительные «специалисты»?

Может, все-таки, чтить пророков в своем отечестве?

3. Современник будущего: С. С. Дзарасов (15 октября 1927 – 24 января 2015)

Утром 22 января этого года мне позволил Солтан Сафарбиевич Дзарасов. Мы говорили по поводу публикации одной из его

⁶⁾ Меньшиков С. М. О времени и о себе. М.: Международные отношения, 2007. С. 416.

⁷⁾ Меньшиков С. М. Указ. соч. С. 490.

⁸⁾ Там же. С. 541–542.

⁹⁾ Слово. 26 декабря 2014 г.

работ. Последнее время его занимали четыре темы. Он продолжал исследование достижений зарубежных последователей Кейнса. Начал писать учебник, поставив задачу воскресить и обновить политическую экономию, представив в ней и современные западные концепции, альтернативные экономикс. Только что закончил предисловие к переводу на русский язык выпущенной в США книги о контролпроцессе над Трoиким. Дорабатывал очередную книгу, уже озаглавленную им «Октябрь 1917: провал или прорыв?».

Мы условились о встрече, чтобы вместе добраться до Госдумы, где должны были участвовать в работе заседания профессорского семинара, организованного и руководимого А. В. Бузгалиным. Вошли в зал и сели рядом друг с другом. Взяв слово, он буквально заворожил аудиторию. Говорил хлестко, темпераментно, образно и как всегда по делу. Все слушали и смотрели на почтенного мэтра с восторгом. Я же еще и с некоторой тревогой. Все же 87 лет. В последние месяцы он не раз жаловался на самочувствие. А выступал с прежним накалом и страстью. Эту речь я записал на диктофон, не зная, что она окажется последней. Ниже читатель ознакомится с ней.

Вскоре ему стало плохо, и мы с коллегами перенесли его в коридор, где воздух был свежее. Вызвали скорую. Пока та двигалась, окружающие спрашивали его о самочувствии. Но предложил перевести разговор на «более интересное», спросив одного философа: какое впечатление у того сложилось от прочитанных фрагментов его новых работ. Беседа прервалась через несколько минут, когда прибывший врач диагностировал инсульт. В больнице он потерял сознание, и в ночь на 24 января его не стало.

Случившееся напомнило древнегреческую историю с Архимедом. Когда римляне захватили его родной город Сиракузы и один из воинов уже ворвался в дом с мечом, он попросил: дай мне возможность решить теорему, а потом делай со мной, что хочешь. Для увлеченных делом творцов нет ничего дороже результатов их труда, и они чем-то похожи друг на друга.

Архимед говорил: дайте мне точку опоры, и я переверну Землю. Солтан Дзарасов искал точку опоры в обществе для изменения жизни к лучшему. Долгое время он верил в полную правоту марксизма и торжество социализма. Помню, как в 1959 г.

в «Известиях» вышла его броская статья под говорящим за себя заголовком: «Мечта, наука, действительность». Но жизнь показала, что «нетоварное хозяйство» не мостит путь к всеобщему счастью. Тогда он стал ратовать за дополнение его рыночным механизмом. То, как это у нас случилось в 1990-х, он считал «передозировкой». В итоге Дзарасов пришел к выводу о необходимости поддержания их сбалансированного симбиоза, императиве планово-рыночной модели, альтернативной как советскому бюрократическому социализму, грешившему тоталитаризмом, так и бесчеловечному капитализму с его кризисами и противоречиями. Мировая практика свидетельствует, что именно такая модель является оптимальной.

После кончины С. С. Дзарасова в беседе с неким работником печати, участвовавшим в редактировании одной из его работ, я сообщив ему печальную весть и спросил: какое впечатление произвел на вас этот автор при встрече? Он ответил, что видел его лишь раз в жизни, а показался он ему мудрецом.

Эта характеристика во многом схожа и с моими ранними воспоминаниями о Солтане, как все называли его в нашем доме. Впервые я увидел его в середине прошлого столетия. Мне было тогда 8 или 9 лет. Будучи студентом, а затем аспирантом, он часто навещал нас в доме № 6 на улице Горького (ныне Тверской). Там бывало много гостей, в том числе земляков и родственников из Северной Осетии, но Солтан сделался особо близким человеком. Экономист по образованию, он больше всего тяготел к отцу, который был на 24 года старше него и уже довольно известным в то время политэкономом. По вечерам Солтан нередко засиживался у нас допоздна и вел доверительные разговоры с членами нашей семьи. Его выделяла особая одухотворенность, тяга к знаниям и широкий круг интересов.

Помню такой эпизод. В марте 1953 г., когда не стало Сталина, Солтан сетовал, что вследствие неимоверного числа желающих попроситься с вождем он не может сделать этого. Зная все близлежащие подворотни и лазейки в них, я предложил свои услуги. Мы пролезли под одними воротами и прошли в Колонный зал. Я был горд, что в чем-то мог оказаться полезным человеку, ведущему разговоры о столь «умных вещах».

Во второй половине 1950-х мы оказались в одно время на отдыхе в Сочи. Солтан Сафарбиевич работал тогда в Осетии и при-

ехал туда со своим приятелем на «Волге». Мы виделись почти ежедневно, и, несмотря на 13-летнюю разницу в возрасте, общаться с ним было просто и приятно. Он умел сходиться с теми, кто и старше, и моложе него. Ему можно было довериться. С ним хотелось советоваться. И он не был ханжой.

Его детство протекало в сельской глуши и пришлось на нелегкие тридцатые годы прошлого века. Он смутно помнил коллективизацию и то, как отец ходил в колхозную конюшню, чтобы «проведасть и подкормить своих лошадей», хотя они ему уже не принадлежали. В школьные годы в начитанном мальчике пробудился поэтический дар. В 1940 г. литературный критик на страницах местной осетинской газеты помещает его фотографию и разбирает творчество 12-летнего мальчика. Солтан «от имени молодежи» часто выступает на митингах и собраниях, удивляет старших недетским интересом к тому, что пишут газеты и говорят по радио.

Но приходят тяжелые времена. Наступает война. Учителя один за другим уходят на фронт. Приходится пережить оккупацию. Сочинение стихов и пьес уходит на второй план. Сознанием завладевают вопросы войны и мира, международной и общественной жизни.

Осенью 1945 г. страна переживает разруху, а бедность становится уделом каждого. Проблемы восстановления народного хозяйства и выхода из нищеты витают в воздухе. С чуреком в поклаже Солтан отправляется в столицу и поступает в Московский государственный экономический институт. Чтобы набраться как можно больше знаний, студент посещает лекции и в других высших учебных заведениях, в том числе и МГУ. Его рекомендуют в аспирантуру, и в 1954 г. он защищает кандидатскую диссертацию.

Вернувшись после этого в Осетию, он становится заведующим кафедрой политической экономии Сельскохозяйственного института во Владикавказе (тогда Орджоникидзе). Однако размеренная научно-педагогическая жизнь непродолжительна. Желая связать теорию с практикой и реально помочь экономике республики, он вскоре оставляет академическую стезю, чтобы занять пост председателя отстающего колхоза в родном селении. Признанием успеха на этом поприще стал его последующий перевод в Северо-Осетинский обком КПСС.

Там оценили молодого ученого, умеющего поднимать проблемные хозяйства.

Однако и партийная работа не стала определяющей линией его жизни. В 1960 г. он уже работает на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ, славившейся в качестве одного из главных центров экономической мысли того времени. Здесь он становится одним из наиболее видных представителей университетской школы, принимает участие в создании знаменитого двухтомного учебника — «Курс политической экономии» под руководством Н. А. Цаголова. С. Дзарасов трудился над раскрытием диалектического единства централизованного государственного планирования и самостоятельности отдельных предприятий. Его разработки в этой области были куда более глубокими, чем малосодержательные потуги тогдашних рыночников. На эту тему он и защитил в МГУ в конце 60-х гг. докторскую диссертацию.

Постепенно набираясь опыта и знаний, Солтан Сафарбиевич становится самостоятельной и заметной фигурой в экономической науке. В 1970-х и 1980-х гг. он работал в Академии общественных наук и Университете дружбы народов, где заведовал кафедрой политической экономии. Затем длительное время заведовал кафедрой экономической теории в Институте экономики Российской академии наук.

В новую постсоветскую эпоху он вошел уже маститым ученым разностороннего профиля. Когда был объявлен международный конкурс на лучшую работу по подготовке конвертируемости рубля, он смело принял в нем участие и неожиданно для многих стал одним из лауреатов. Соответствующую награду вручал сам нобелевский лауреат Василий Леонтьев, хорошо известный принципиальностью.

Солтан Сафарбиевич — автор свыше 100 работ по экономике и политологии, в том числе монографии «Экономические методы управления» (1969), учебника «Политическая экономия» (1988), книг «Российский путь: либерализм или социал-демократизм?» (1994), «Теория капитала и экономического роста» (2004), «Судьба политической экономии» (2004), «Куда Кейнс зовет Россию?» (2012). Многие его труды переведены на иностранные языки. Ученики С. С. Дзарасова работают во всех частях света. Более 30 представителей разных

стран мира защитили под его руководством кандидатские и докторские диссертации.

Многогранный в своих интересах, С. С. Дзарасов всегда являлся активным участником общественно-политической жизни страны. В 1988 г. был одним из инициаторов созданной совместно с академиком А. Д. Сахаровым «Московской трибуны», служившей рупором демократического движения в СССР. Тогда же он выдвинул идею создания социал-демократической партии России, а в 1990 г. стал одним из ее основателей. В стране появились тогда и другие партии того же направления, в том числе одна из них, возглавляемая Михаилом Горбачевым. Но только дзарасовская группа могла похвастаться тем, что ее глава — сильный теоретик-марксист. В этом качестве С. Дзарасов повел систематическую непримиримую борьбу со своими идеологическими противниками. В его работах этого периода четко прослеживается принципиальная разница в подходе социал-демократов к преобразованию российского общества по сравнению с тем, куда вели дело либералы. Социал-демократия в современной России успеха не имела, но в этом он никак не повинен.

С. Дзарасов — один из немногих отечественных специалистов, работы которых стали печататься за рубежом. Не ограничиваясь опытом собственной страны, он внимательно изучал и мировую практику, заимствуя из нее не то, что нам предлагают и навязывают, а то, что нужно. С этой целью ученый-экономист находился в постоянном контакте с выдающимися представителями западной мысли, в частности с коллегами из Кембриджского и других зарубежных университетов.

По мнению С. С. Дзарасова, западный опыт представлен у нас в стране однобоко и сведен к идее саморегулирующегося рынка. На самом же деле реальностью развитого капитализма является государственное регулирование, планирование и перераспределение национального дохода от богатых слоев общества в пользу малоимущих. К такому направлению относится и посткейнсианская концепция, анализу которой он посвятил последние годы своей жизни и которая могла бы послужить альтернативной моделью развития российской экономики. Последние годы С. Дзарасов особое внимание отводил критике теоретической базы правительственной экономической полити-

ки. В 2005 г. вышла его фундаментальная работа «Мэйнстрим в России: провал и альтернатива», в которой он не оставляет камня на камне от так называемых чистых рыночников. Он блестяще демонстрирует убогую нищету их теоретического багажа, исчерпывающегося примитивным монетаризмом и догмой о равенстве спроса и предложения. Прославляя на все лады всемогущество рынка и отрицая необходимость государственного регулирования, наши рыночники уподобляются средневековым варварам, которые вместе с империей разрушили элементарные основы городской цивилизации, чем обрекли жителей на жизнь в нечистотах.

Закономерно поэтому, что с годами он все больше времени уделяет изучению зарубежных экономических теорий, выделяя из них то рациональное зерно, которое вполне можно использовать в нашем народном хозяйстве. Результатом таких исследований стала обстоятельная книга «Теория капитала и экономического роста» (2004). В том же 2004 году С. С. Дзарасов в соавторстве с двумя другими российскими учеными выпускает капитальную монографию «Судьба политической экономии и ее советского классика», приуроченную к 100-летию Н. А. Цаголова.

В последнее время С. Дзарасов провел несколько месяцев в британских университетах, знакомясь с новейшим словом в иностранной науке. В качестве гостевого профессора он читал лекции и вел дискуссии, что помогло углублять и оттачивать знания. Уже в преклонном возрасте он, не стесняясь, продолжал учиться. Благодаря его публикациям был вновь открыт для отечественного читателя выдающийся польский экономист Михаил Калецкий, работавший до войны в британском Кембридже и всемирно известный как предшественник Кейнса. В последние годы Дзарасов активно публикует теоретические статьи в зарубежных профессиональных журналах и сборниках. Так, в одной из статей под названием «Критический реализм и российская экономика» С. Дзарасов подробно знакомит англоязычного читателя с университетской (цаголовской) моделью социалистической экономики, останавливаясь детально на использовании марксовской методологии. Вместе с тем, рассказывая о ней, он подводит читателя к мысли, что современное экономическое бескризисное развитие невозможно без макроэкономического плани-

рования. В другой статье он рассказывает о работах посткейнсианского направления и их применении в российской экономической теории и практике. Эти исследования обобщены в вышедшей в 2012 г. обстоятельной монографии «Куда Кейнс зовет Россию?». Название интригующее, так как британский гений умер почти 70 лет назад и ничего позитивного о нашей стране не сказал. Но речь, конечно, идет не столько о самом Кейнсе, сколько об отношении к его теоретическому наследию современной российской элиты и ее экономистов. Они безоговорочно отвергли кейнсианство, ибо за ним стоит логическое доказательство необходимости государственного вмешательства, без чего капитализм обречен на кризисы. Они же восторженно восприняли неоклассическую доктрину, господствующую сейчас на Западе, которая соответствует их излюбленной догме о невидимой руке рынка и волшебстве частной собственности. Их вовсе не смущает разгул биржевых спекуляций, приведших к сильнейшему за последние семьдесят лет глобальному финансовому кризису, и нынешний кризис российского капитализма 2015 г., ставший результатом банкротства экономической политики российского правительства.

Многих поражало, как человек и ученый столь значительного возраста способен на постоянное развитие, ломающее общепринятые догмы, и продвижение своих революционных идей во враждебной среде. И то, как в одной личности соединились ораторский дар и золотое перо, мудрость и простота, гражданское мужество и искрометный юмор, доброта и неистовое отстаивание убеждений.

Подводя итог его жизни, полагаю, что Солтан Дзарасов был счастливым человеком, ибо всегда находился в согласии со своей совестью и занимался любимым делом. Как-то он поделился: «Знаешь, если бы мне предложили прожить жизнь сначала, я бы в ней не стал что-либо круто менять». Такие люди — редки. И он поистине не ушел, а навсегда останется с нами.

И, пожалуй, главное. Идея планово-рыночной экономики надолго переживет ее автора. На смену капитализма и социализма приходит новое интегральное общество, в сердцевине которого находится симбиоз плана и рынка. Когда этот строй утвердится не только в практике (что уже имеет место), но и в теории, о Солтане Дзарасове

заговорят как об одном из его провидцев. И поэтому, как, впрочем, и по многому другому, он — современник будущего.

Из последнего выступления Солтана Дзарасова в Государственной думе 22 января 2015 г.:

«...Смысл буржуазного общества состоит не в возможности рационального экономического поведения, а в эксплуатации человека человеком. Нас одурачили байками о том, что как только появится рынок, появится и рациональный человек, эффективный собственник. Возник же мошенник и вор.

Маркс действительно утверждал, что менее развитая страна видит свое будущее в картине экономически и культурно более развитой страны. Но Маркс давно умер, а мы-то живы и видим, что делается. Разве страны Латинской Америки стали такими же развитыми, как североамериканские? Нет, и никогда не станут. Северяне этого не допустят.

Посмотрите, что Америка делает с Украиной. Нам, по-сути, говорят: вы подписали акт добровольной капитуляции, согласились с тем, что социализм плохой, а капитализм хороший. Так вот теперь следуйте тому, что мы вам указываем. Главная страна Запада требует соблюдения правил поведения и законов в капиталистическом мире. Зависимые страны и народы должны исполнять то, что хотят хозяева богатых государств. А они желают, чтобы Украина находилась в орбите их влияния. И этой правде надо смотреть в глаза.

Несмотря на все свои недостатки, советский социализм был самой опасной альтернативой мировому капитализму. Когда в советское время мне довелось побывать в Японии, то я обнаружил, что там западного капитализма нет. Почему? Там нет безработицы. Существует пожизненный найм. В сельском хозяйстве нет наемного труда. А в управлении обществом присутствует государственное планирование, причем лучшее, чем в Советском Союзе. Поэтому экономика СССР была со временем отодвинута со второго места на третье, а экономика Японии заняла ее прежнее положение. Мне показалось, что в Японии действует не только индикативное, но и очень эффективное социалистическое планирование.

Китай тоже другая цивилизация. Почему сегодня Китай по темпам роста экономики

и многим другим показателям вышел на первое место? Где он был, когда придерживался капиталистической ориентации? И где он стал, идя по социалистическому пути, особенно после грамотных реформ, проведенных Дэн Сяопином? Если так важны лишь цивилизационные факторы, то откуда такие различия?

Наша Октябрьская революция была социалистическим выбором российской цивилизации. Не прижился у нас капитализм. Развивался. И был прав Ленин, написавший работу „Развитие капитализма в России“. Но российская цивилизация не приняла капитализм. И противоречия настолько обострились, что произошла социалистическая революция. Идя по социалистическому пути развития, мы стали второй сверхдержавой мира, а отказавшись от него, откатились в 1996 году на 10-е место. Да и сейчас находимся лишь на 6-м. И без социализма впереди ничего нам не светит.

Есть безработица или нет — это имеет значение? Имеется ли бесплатное медицинское обслуживание населения или нет — это имеет значение? Имеется ли бесплатное образование, или его нет — это имеет значение. Все это имелось при социализме, каким бы плохим он ни был.

Приведу свой пример. Квартиру на Новом Арбате я получил бесплатно при советской власти. Квартплата составляла 18 руб. при моей заработной плате в 500 руб. в месяц. Теперь мне приходится платить за эту квартиру 9 тыс. руб. в месяц, но разрабатывается закон о налоге на имущество, по которому эта жилплощадь будет оценена произвольно в миллионы, и я вынужден буду платить столько, сколько я не могу. Когда меня грабят и когда мне помогают — есть разница или нет? Дают мне или берут у меня — есть разница или нет? Берут у меня, грабят меня, сдирают с меня шкуру — это капитализм, а дают мне и по достоинству оценивают — это социализм...»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: РОССИЯ, ЕВРАЗИЯ, МИР

Экономика России 2000-х: проблемы воспроизводства в экономической системе периферийного капитализма

Колганов Андрей Иванович

д-р экон. наук, профессор, зав. лабораторией МГУ им. М. В. Ломоносова

onaglo@mail.ru

Ключевые слова: развитие, модернизация, инновации, норма накопления, институты, дифференциация доходов.

Keywords: development, modernization, innovation, the rate of accumulation, institutions, income differentiation.

О проблемах экономического роста и развития в российской экономике написана масса работ, в том числе и достаточно глубоких. Однако эти проблемы пока не стали поводом для глубокого фундаментального анализа особенностей российской экономической системы с точки зрения политической экономики. Между тем, именно исследование характера сложившихся производственных отношений и его воздействия на развитие производительных сил общества должно дать ответы на наиболее принципиальные проблемы развития российской экономики.

Разумеется, объем одной статьи не позволяет дать целостный анализ указанных проблем. Поэтому я остановлюсь на трех основных вопросах.

Первый — о паразитическом типе российского капитала.

Второй — о специфике влияния на хозяйственное развитие российских экономических институтов как социально-экономических форм, закрепляющих и модифицирующих объективные производственные отношения.

Третий — о специфике отношений накопления и воспроизводства капитала и его влиянии на технический прогресс в России.

1. Специфика российского капитализма: капитал предпочитает паразитировать на общественных и природных ресурсах и тормозит социальное развитие

Новый век для российской экономики начался и на протяжении 7–8 лет оставался периодом экономического роста. Однако, несмотря на это, система производственных отношений российского капитализма так и не смогла избавиться от ряда заложенных в ней в 90-е гг. прошлого века негативных качественных составляющих. А после кризиса 2008–2009 гг. и прекращения роста нефтяных цен стало ясно, что сложившаяся в России модель капитализма не в состоянии обеспечить развитие экономики за счет внутренних источников.

1.1. Паразитирование на природной ренте и старение основного капитала. Хотя сегодня уже нельзя сказать, что вся природная рента в нашей экономике просто-напросто разбазаривается и разворовывается, значительная часть ее используется неэффективно. Государство замораживает достающуюся ему часть природной ренты в Резервном фонде, и лишь совсем недавно появилось намерение перевести некоторую часть ее

в Фонд развития. Та часть ренты, которая оседает (безо всяких на то оснований) в руках добывающих компаний, в значительной мере служит фундаментом для их экономического и технологического благодушия. И лишь некоторая часть этой ренты перетекает по разным каналам в другие отрасли, обеспечивая эффект мультипликатора экономического роста. До сих пор соотношение между изъятиями и разведанными запасами природных ресурсов остается отрицательным, а это значит, что российская экономика продолжает строиться на продаже природных ресурсов.

Обновление основного капитала оставляет желать лучшего. Нетрудно заметить, по данным табл. 1, что доля инвестиций в основной капитал в ВВП даже в период экономического подъема 2000-х гг. была невелика, и хотя далее она несколько увеличилась, но так и не превзошла 21 %. Между тем для устойчивого экономического роста она должна превышать 30 %. В результате в предкризисном 2008 году уровень инвестиций в основной капитал составил всего лишь 74,1 % к уровню 1991 года [27], когда он расценивался как совершенно недостаточный.

Хотя официальная статистика отражает при подсчете возраста основного капитала лишь целые предприятия, цеха или участки, не учитывая установку отдельных агрегатов — на что сейчас приходится основная масса мероприятий по обновлению основного капитала, — это не дает основания отмахнуться от тревожных цифр официальной статистики. Ведь и в предыдущие периоды применялась та же методология, а значит мы имеем дело с сопоставимыми данными. А эти данные свидетельствуют, что общая степень износа основных фондов в промышленности продолжает возрастать (см. табл. 2).

Таким образом, для российского капитализма характерно стремление не столько к снижению издержек производства за счет его технологической модернизации — на чем строился успех классической модели капитализма в современных развитых странах — сколько к экономии издержек за счет сжатия расходов на обновление основного капитала. С такой производственной базой трудно строить инновационную экономику. С одной стороны, такое состояние основного капитала может обеспечить потенциально очень емкий рынок для высокотехно-

логичного оборудования. С другой стороны, при таком уровне мобилизации инвестиций трудно надеяться на запуск процессов модернизации. Кроме того, собственное производство современного промышленного оборудования в России подорвано. В результате наша страна имеет слишком скудные внутренние технологические ресурсы для модернизации экономики и будет еще долго вынуждена полагаться на импорт машин и оборудования [10, 12]. И даже если удастся увеличить объем инвестиций в техническое обновление основного капитала, соответствующие средства будут расширять рынок сбыта высокотехнологичного оборудования не столько для отечественного производителя, сколько для зарубежного.

Выживание российской модели капитализма стало возможным потому, что от продажи основного капитала, как это было в 90-е годы, отечественный капитал сделал шаг вперед, к «всего лишь» недоинвестированию в технологическое обновление капитала. Однако и это состояние в стратегическом смысле, с точки зрения перспектив развития, является тупиковым, ведя к технологическому отставанию и неконкурентоспособности промышленности. Например, при крайне высоком уровне удельного энергопотребления (энергоемкость ВВП России в 2003 г. была в 13 раз выше, чем в Японии, в семь раз выше, чем в Финляндии, в шесть раз выше, чем в Республике Корея, и вдвое выше, чем в Китае [26, 35, 37]) российская экономика шла и идет в большей мере по пути экстенсивного расширения потребления энергии, нежели энергосбережения, что порождает дефицит электроэнергии. «Запросы на получение условий по подключению к энергосетям, по данным Минпромэнерго России, удовлетворяются только на 17 %» [26, 29].

Но дело не только в технологическом отставании, которым мы платим за воздержание от накопления капитала. Паразитическая ориентация российского капитализма ведет к деформации отраслевой структуры экономики. Если капитал избегает крупных высокорисковых инвестиций в долгосрочные проекты технологического обновления, то тогда ему остается зарабатывать прибыль за счет капиталовложений в проекты с высокой скоростью оборота капитала и высокой нормой рентабельности. В результате происходит деформирование отраслевой структуры производства.

Таблица 1

Доля инвестиций в основной капитал в ВВП (в текущих ценах; в процентах к итогу)
Источник: [28]

	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП	18,2	18,1	17,4	18,1	20,8	21,4

	2009	2010	2011	2012	2013
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП	20,9	20,6	20,3	20,8	20,6

Таблица 2

Степень износа основных фондов в Российской Федерации на конец года по видам
экономической деятельности по полному кругу организаций, в процентах
Источник: [29]

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Все основные фонды	45,3	45,3	47,1	47,9	47,7	48,2
в том числе по видам экономической деятельности:						
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	42,2	42,2	42,1	42,8	42,5	42,4
рыболовство, рыбоводство	62,7	65,3	64,7	65,9	65,1	64,4
добыча полезных ископаемых	50,9	49,6	51,1	52,2	51,2	53,1
обрабатывающие производства	45,6	45,7	46,1	46,7	46,8	46,6
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	51,2	50,7	51,1	50,5	47,8	47,6
строительство	45,5	46,9	48,3	47,5	49,0	50,6
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	33,8	33,0	33,6	36,5	39,8	39,9
гостиницы и рестораны	40,3	41,0	41,2	41,8	42,5	44,0
транспорт и связь	55,1	54,8	56,4	57,2	56,2	56,5
финансовая деятельность	33,1	39,2	38,6	44,0	42,1	43,6
операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	31,9	31,1	35,3	34,6	36,3	37,3
государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	47,9	48,3	50,2	54,0	53,5	55,5
образование	51,0	52,3	53,2	54,3	54,3	53,9
здравоохранение и предоставление социальных услуг	50,6	51,5	53,3	53,9	52,7	54,9
предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	40,7	43,4	44,5	43,5	44,9	45,0

Рассмотрим в качестве примера предкризисное состояние российской экономики в период относительно быстрого экономического роста. Так, отрасли, от которых во многом зависит инновационный потенциал страны, — обрабатывающая промышленность, образование, здравоохранение — развивались в этот период темпами от 2 до 4 % в год, в то время как финансовая деятельность, гостинично-ресторанный бизнес, оптовая и розничная торговля — от 9 до 11 % в год [26, 29]. Инвестиции в машиностроение находились на уровне 2,2–2,3 % от общего объема инвестиций в основной капитал, или в 6–7 раз меньше, чем инвестиции в добывающий сектор, и в 3–4 меньше, чем в сырьевые производства [26, 30]. Производство транспортных средств и оборудования, электрооборудования, электронно-оптического оборудования, производство в машиностроении в целом в среднем было нерентабельно [26, 32].

При высокой налоговой нагрузке это делало такие производства совершенно непривлекательными, в том числе в инвестиционном отношении, что неудивительно — если рентабельность производства стоит ниже уровня ставки рефинансирования Центрального банка, не говоря уже о проценте за кредит в коммерческих банках, то привлечение кредитных ресурсов в сколь-нибудь крупных масштабах и на длительные сроки невозможно. В результате удельный вес этих отраслей продолжает сокращаться. Перечень препятствий для экономического развития, которые носят структурный и инфраструктурный характер (низкая протяженность и плохое качество автодорожной сети, отсутствие современного скоростного железнодорожного транспорта, плачевное состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры и т. д.), что, в свою очередь, блокирует использование промышленных инноваций, можно продолжать. Ясно, однако, что без преодоления этих препятствий невозможно говорить об инновационной экономике в России.

1.2. Социальные препятствия перехода к интенсивному типу воспроизводства. Среди важнейших проблем российского воспроизводства — социальные. Значительному повышению качества рабочей силы, что является необходимым фундаментом развития инновационной активности, препятствует низкая доля заработной платы в ВВП

России и высокий уровень дифференциации доходов населения.

Имевший место в 2000-е гг. (естественно, до кризиса 2008 г.) компенсирующий рост заработной платы после провала 90-х годов лишь незначительно изменил долю заработной платы в ВВП. По-прежнему продолжают действовать механизмы государственной политики доходов, оказывающие давление на заработную плату в сторону ее занижения, — установление минимального размера оплаты труда ниже прожиточного минимума и установление ставок оплаты труда в бюджетном секторе таким образом, что лишь наиболее высокооплачиваемые категории работников оплачиваются выше прожиточного минимума. Широковетательные намерения значительно поднять уровень заработной платы в бюджетном секторе по части реального исполнения отстают от сделанных обещаний и проводятся в основном за счет повышения нагрузки на персонал бюджетных учреждений. Хотя доля населения, живущего за чертой бедности, за последние годы сократилась, общая дифференциация доходов нарастала и, достигнув максимума в предкризисный период, продолжает оставаться на этом уровне (табл. 3).

Распределение доходов в России характеризуется также значительным отклонением от кривой нормального распределения и значительной концентрацией доходов в руках высокодоходных групп населения. В результате большинство населения получает доходы значительно ниже среднедушевых, о чем свидетельствует весьма существенный разрыв между величинами среднедушевого и модального доходов населения (см. табл. 4).

Показатели табл. 5 свидетельствуют, что период заметного снижения рождаемости и роста смертности остался позади. Некоторое улучшение состояния доходов населения и постепенная его адаптация к новым социально-экономическим реальностям привели к прекращению депопуляции России. Однако продолжительность жизни продолжает оставаться ниже, чем в развитых странах, а наследие демографического провала 90-х гг. еще долго будет сказываться на структуре населения.

Кроме того, следует отметить, что по некоторым направлениям естественного движения населения положение остается достаточно тревожным: до сих пор смертность

Таблица 3

Характеристики дифференциации денежных доходов населения
Источник: [30]

	1995	1999	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013 ¹⁾
Децильный коэффициент фондов, в размах	13,5	14,1	13,9	15,2	15,9	16,7	16,6	16,6	16,6	16,2	16,4	16,3
Коэффициент Джини	0,387	0,400	0,395	0,409	0,415	0,422	0,421	0,421	0,421	0,417	0,420	0,419

Таблица 4

Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2013 год ²⁾
Источник: [31]

	Средне-душевой доход всего населения (рублей в месяц)	Медианный средне-душевой доход (Ме) (рублей в месяц)	Модальный средне-душевой доход (рублей в месяц)	Справочно: соотношение со среднедушевым денежным доходом		Справочно	
				Медианы, в процентах	Моды, в процентах	Величина прожиточного минимума (рублей в месяц)	Соотношение величины прожиточного минимума и среднего дохода, в процентах
Российская Федерация	25928,2	19151,4	10448,6	73,9	40,3	7306	28,2

по ряду заболеваний остается выше дореформенной; растет демографическое благополучие в некоторых регионах. Наряду с демографическими проблемами сложившаяся система производственных отношений и вытекающий из нее характер распределения доходов оказывают деформирующее влияние на поведение населения в сфере трудовой деятельности.

Так, низким является социальный престиж труда в сфере науки и образования, что в значительной мере обусловлено уровнем оплаты труда, но в немалой степени

также низким престижем труда вообще, который рассматривается в фактически сложившихся идеологических приоритетах как нечто второсортное по сравнению с бизнесом. Ранее существовавший особый престиж творческого труда совершенно утерян, ибо сравнительный престиж различных видов труда стал измеряться только его денежной стороной. Это находится в противоречии с мировыми тенденциями эволюции ценностных ориентаций, где значимость ценности творческой деятельности и возможностей самореализации человека в труде, напротив, возрастает по сравнению со значимостью мотивов материального вознаграждения — по крайней мере, в быстро растущем слое специалистов и профессионалов.

¹⁾ Уточненные данные.

²⁾ За 2003–2010 гг. показатели рассчитаны с использованием численности населения, пересчитанной с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.

Таблица 5

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения
Источник: [32]

Годы	На 1000 человек населения ³⁾		
	родившихся	умерших	естественный прирост ²⁾
1950	26,9	10,1	16,8
1960	23,2	7,4	15,8
1970	14,6	8,7	5,9
1980	15,9	11,0	4,9
1990	13,4	11,2	2,2
1995	9,3	15,0	-5,7
2000	8,7	15,3	-6,6
2001	9,0	15,6	-6,6
2002	9,7	16,2	-6,5
2003	10,2	16,4	-6,2
2004	10,4	15,9	-5,5
2005	10,2	16,1	-5,9
2006	10,3	15,1	-4,8
2007	11,3	14,6	-3,3
2008	12,0	14,5	-2,5
2009	12,3	14,1	-1,8
2010	12,5	14,2	-1,7
2011	12,6	13,5	-0,9
2012	13,3	13,3	0,0
2013	13,2	13,0	0,2

Таковы лишь самые краткие ремарки о паразитических и асоциальных тенденциях в Российской модели капиталистической экономики.

2. Постсоветская Россия: институциональные провалы

Ограничившись в данном тексте лишь указанием на неслучайность негативных по-

следствий т. н. «радикальных рыночных реформ», обратим внимание на тот факт, что в начальном периоде рыночных реформ господствовала очевидная недооценка необходимости активных усилий по формированию эффективной институциональной среды в экономике. От состояния экономических институтов, выступающих как форма закрепления складывающихся производственных отношений, во многом зависит эффективность процессов воспроизводства, в том числе и воспроизводства самих производственных отношений. В период реформ, однако, недооценивались про-

³⁾ За 2003–2010 гг. показатели рассчитаны с использованием численности населения, пересчитанной с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.

блемы, связанные с неизбежными ограничениями скорости формирования новых институтов, равно как и долгосрочные издержки, вытекающие из возможности стихийного формирования неэффективных институтов.

В настоящее время эту недооценку можно считать во многом преодоленной не только в позиции научного и экспертного сообщества, но и в деятельности государственных органов. Тем не менее, проблемы, сложившиеся в 90-е гг. XX в., продолжают накладывать отпечаток на современную ситуацию. Кроме того, внимание к совершенствованию институциональной среды с точки зрения создания благоприятных условий для инноваций носит в основном суженный характер. Вопрос о соответствии базовых производственных отношений и обслуживающих их экономических институтов задачам качественного изменения всех основных параметров воспроизводственного процесса в России с тем, чтобы преодолеть бесконечные качели «кризис — экстенсивный рост — кризис — экстенсивный рост...», как правило, не ставится. А это один из ключевых вопросов российской экономики 2000-х.

И ключ к ответу на него лежит в плоскости анализа двух исторических аспектов: сохранения негативных и элиминации позитивных черт советской модели стимулирования научного, технического и социального прогресса, с одной стороны, и привнесения в эту модель неадекватных России (ни с точки зрения технологической структуры, ни по менталитету, ни по институциональным традициям) институтов, претендующих на создание правил игры «свободного рынка».

2.1. Предыстория: институциональная среда и проблемы роста в советской экономике. Институциональная среда экономического развития в советской экономической системе, после ряда очевидных успехов, оказалась неспособной длительное время поддерживать и наращивать темпы технологического обновления, необходимые для обеспечения международной конкурентоспособности советской экономики. Это было обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, высокая степень централизации управления и финансирования НИОКР, позволявшая успешно реализовать крупные научно-технические программы, в условиях роста масштабов и усложнения структуры экономики привела, с одной стороны,

к очевидной громоздкости и неповоротливости системы управления, а с другой — к ведомственному дроблению бюрократических систем, управлявших НИОКР.

Во-вторых, концентрация решений о технологической модернизации производства и выделении соответствующих инвестиционных ресурсов в высших эшелонах управления, позволяя создавать целые новые отрасли и крупные производства, в то же время существенно сдерживала текущее технологическое обновление существующих производств. Это было терпимо в период экстенсивного роста промышленности (индустриализация), но по завершении этого периода привело к замедлению темпов технического прогресса. При этом смещение оценок деятельности предприятий в сторону выполнения объемных плановых показателей значительно ослабляло стимулы к технической модернизации действующих предприятий и освоению новых видов продукции. Сам институциональный механизм формирования плана («плановый торг» между предприятиями и хозяйственными ведомствами) также не способствовал техническому прогрессу.

В-третьих, сложился перекося в распределении ресурсов НИОКР и вообще высокотехнологичных ресурсов в сторону военного производства, при существовании высоких административных барьеров (самодовлеющий режим секретности), препятствовавших переливу результатов военных НИОКР в гражданские отрасли. Это ослабляло потенциал технического прогресса в гражданских отраслях, и особенно в инвестиционном комплексе, от которого зависело состояние технической модернизации народного хозяйства.

В-четвертых, ведомственное дробление науки на академическую, отраслевую, внутрипроизводственную (внутрифирменную в современной терминологии) и вузовскую (университетскую) создавало административные барьеры на пути распространения и применения результатов НИОКР. При этом как оценка НИОКР в каждом таком ведомственном сегменте, так и выделение финансовых ресурсов ориентировались на административные критерии, слабо связанные с распространением и применением нововведений или с их экономическим эффектом. Кроме того, оказались во многом разобщенными проведение научных исследований и подготовка специалистов. Разу-

меется, такое разобшение вовсе не было абсолютным, однако следует признать его весьма значимое негативное влияние.

Можно сделать вывод, что нарастание трудностей в инновационной сфере было связано как с общими институциональными основами советской экономической системы (и их эволюцией), так и со специфическими проблемами в институциональной структуре самой национальной инновационной системы.

Проведение радикальных рыночных реформ привело к сдвигам в этой ситуации в двух направлениях: во-первых, резко изменились критерии поведения хозяйствующих субъектов на всех уровнях национальной экономики; во-вторых, под влиянием этих изменений стало происходить спонтанное разрушение институтов национальной инновационной системы.

2.2. «Рыночные реформы» приводят к ухудшению ситуации. Казалось бы, демонтаж советской плановой системы должен был привести к снятию большинства институциональных и административно-организационных барьеров на пути инноваций и технологического обновления производства. Так и произошло — эти барьеры были во многом сняты. Однако место барьеров плановой системы заняли новые.

Формирование новой институциональной среды происходило без какого-либо сознательного влияния государства на создание благоприятных условий инновационной деятельности. Более того, очевидные проблемы в этой сфере, возникавшие в ходе реформ, игнорировались с упорством, достойным лучшего применения. Разумеется, такой ход событий нельзя целиком списать на некомпетентность руководства. Корень проблем лежал в формирующемся балансе экономических интересов.

В советской плановой системе основным генератором спроса на инновации выступал механизм централизованных инвестиций, направляемых на проведение НИОКР, освоение разработанных новых технологий и создание новых продуктов. В рыночной экономике институт централизованных инвестиций, нацеленных на осуществление инноваций в плановом порядке, как предполагалось, должен был быть заменен более эффективным институтом спроса на инновации, генерируемого фирмами. Этот спрос определялся бы стремлением фирм понизить издержки производства за счет новых

технологий и расширить рынки сбыта за счет освоения новых продуктов и услуг.

Однако этого не произошло. Плановые институты были демонтированы, но спрос на инновации со стороны фирм стал резко сужаться еще до полного демонтажа плановой системы (в 1990–1991 гг.) и практически исчез после 1992 г. Это определялось как институциональными, так и макроэкономическими факторами. Во-первых, резкий, почти одномоментный переход от плановых институтов к рыночным не оставил времени на адаптацию фирм к новым «правилам игры», что неизбежно привело к избранию фирмами такой модели поведения, которая минимизировала бы любые сколько-нибудь долгосрочные риски — а риски, связанные с инновациями, как раз таковыми и являются. Во-вторых, макроэкономическая политика, основными чертами которой, с точки зрения рассматриваемого вопроса, являлась быстрая и широкомасштабная либерализация цен и проведение жесткой кредитно-денежной политики, привела к резкому сужению совокупного спроса.

Быстрая либерализация цен породила феномен «трансформационного спада», особо глубокого для российского экономики, как в силу «тяжелой», неприспособленной к быстрым структурным сдвигам отраслевой структуры национального хозяйства, так и в силу отсутствия сколько-нибудь развитых институтов рыночной экономики, которые могли бы обеспечить ее адаптацию к сложившейся структуре спроса. Рестриктивная денежно-кредитная политика, основанная на химерической идее бороться с инфляцией издержек (вызванной в первую очередь монополистической структурой экономики) чисто монетарными методами, привела к демонетизации экономики, еще большему сужению спроса и соответствующему спаду производства, общему падению рентабельности, некретоспособности большинства предприятий и к неизбежному отказу от инвестиционных расходов в условиях невозможности нормального обслуживания даже текущих платежей и нарастания кризиса взаимной задолженности.

Такая макроэкономическая ситуация определила формирование устойчивых норм поведения российских предприятий, особенностью которых стал крайне короткий горизонт принятия решений, ориентация на краткосрочные торгово-посреднические

и финансовые операции, завышенные приращения к норме рентабельности любых инвестиционных расходов, практика массового уклонения от налогов.

В той части, в какой российское государство проводило активную политику формирования новых экономических институтов, эта политика также приводила к антиинновационным эффектам.

Избранные методы приватизации государственных предприятий, во-первых, привели к формированию отношения новых собственников этих предприятий к полученному капиталу не как к капиталу, а как к полученному доходу, и, соответственно, любые инвестиционные вложения капитала рассматривались только как вычет из этого дохода, а не как средство приращения капитала. Во-вторых, в российской экономике сформировался институт инсайдерского контроля (который осуществляется, в том числе, теми субъектами, которые традиционно рассматриваются как аутсайдеры) и инсайдерской ренты, присваиваемой не только крупными (контролирующими) инсайдерами, но и мелкими инсайдерами из управляющей структуры фирмы. Инсайдерская рента также представляет собой вычет из потенциальных инвестиционных ресурсов, могущих быть направленными на инновации [25].

2.3. Институциональная среда 2000-х: негативная конвергенция. Результатом рассмотренных выше изменений стал феномен, часто называемый в России «негативной конвергенцией»: соединение недостатков плановой и рыночной моделей стимулирования социально-экономического развития.

Сформированные в ходе реформ такие институты регулирования национальной экономики, как бюджетная, налоговая и таможенная системы, приобрели выраженную антиинновационную направленность. Удельный вес бюджетных расходов на развитие человеческого потенциала резко сократился как по сравнению со временами СССР, так и по сравнению со стандартами развитых и новых индустриальных стран. Налоговая и таможенная системы приобрели крайне запутанный характер, что позволяет сделать вывод, что имеет место не просто противопоставление фискальных целей целям развития национальной экономики, а подчинение этих систем целям извлечения чиновниками административной ренты. Оформление налоговых и таможенных документов крайне сложно и запутанно, до-

пускает неоднозначное толкование, причем принятые официальными инстанциями налоговые и таможенные документы могут быть в любой момент задним числом оспорены и интерпретированы как сознательное нарушение законодательства. Налоговые льготы, предусмотренные для стимулирования инвестиционной и инновационной активности, были — вопреки опыту всех успешно развивающихся стран — ликвидированы в начале нынешнего тысячелетия с принятием нового Налогового кодекса.

Такая институциональная среда стала фактором разрушения существовавших институтов национальной инновационной системы. Как фундаментальные, так и прикладные исследования и подготовка специалистов для них в силу сокращения финансирования значительно деградировали и утратили существенную часть материального и кадрового потенциала, равно как и возможность их воспроизводства. Четыре пятых научно-исследовательских организаций, относящихся к сегменту внутрифирменной науки, просто ликвидированы. Государственная стандартизация производства перестала быть рычагом его технического обновления.

В то же время попытки создать новые институты национальной инновационной системы, — реформа образования, формирование специальных госкорпораций, государственных венчурных фондов, технико-внедренческих зон, регулирование института интеллектуальной собственности, создание технопарков и малых фирм при университетах и т. п. — несмотря на довольно существенные затраты, не приносят видимых результатов. Малая результативность этих попыток определяется как глубокими системными ошибками при их проведении (что, например, касается реформы образования), так и общей неблагоприятной средой, создаваемой базовыми экономическими и административными институтами.

Таким образом, проблемы с проведением активной инновационной политики и с технологической модернизацией национальной экономики упираются прежде всего в институциональную (и экономическую) систему, созданную так называемыми радикальными рыночными реформами. Расхожий лозунг — «С курса реформ не свернем!» — превращается в этих условиях в не что иное, как открытый манифест отка-

за от перехода на инновационный путь развития и от технологической модернизации.

Чем раньше будет осознано, что без радикальной ломки большинства сложившихся в 90-е годы прошлого века экономических институтов ни инновационное развитие, ни модернизация в принципе невозможны, тем скорее мы сможем перейти от десятилетия малорезультативных разговоров об инновациях и модернизации к выработке действенной модернизационной и инновационной стратегии.

Варианты как достаточно мягких, так и радикальных изменений в сложившейся институциональной и экономической структуре, необходимые для выработки и проведения такой стратегии, уже неоднократно предлагались мною ранее, а в данный момент выходят за рамки рассматриваемой проблемы.

Не менее сложными оказались и проблемы ресурсных ограничений.

3. Надежды на посткризисный рост: ресурсная ловушка

Проблемы как величины ресурсов, обеспечивающих инновационный процесс на всех его стадиях, так и эффективности институтов, направляющих эти потоки ресурсов и координирующих различные звенья инновационной деятельности, обладают критической важностью для российской экономики. В течение ряда лет именно эти проблемы находились в центре внимания российских исследователей, занимающихся проблемами инновационной экономики. И именно анализ этих проблем приводит к выводу, что с точки зрения ресурсного обеспечения инновационного развития никак не меньшее, а, может быть, и большее значение имеет динамика качественной структуры ресурсов, используемых в народном хозяйстве в целом. Более того, от качественной структуры ресурсов, которыми располагает национальное хозяйство, зависит решение вопроса о том, станут ли инновационные источники развития преобладающими в российской хозяйственной системе.

3.1. Качественная неоднородность ресурсов и ее экономическое значение. В современной экономической теории (прежде всего в рамках ее неортодоксальных — нового институционального, посткейнсианского и марксистского — направлений) разработаны концепции, показывающие зависимость

экономического развития от неоднородности ресурсов, характера и динамики их распределения в общественном производстве. Совокупное значение этих концепций, позволяющее по-новому взглянуть на проблемы экономического роста и развития, было продемонстрировано в работах Р. С. Дзарасова [3, с. 307–330], на разработки которого я и буду в основном опираться в данном параграфе. Этот подход позволяет конкретизировать тезис о влиянии характера и уровня производительных сил на производственные отношения, равно как и о том воздействии, которое сложившаяся система производственных отношений оказывает на развитие производительных сил общества.

В новом институционализме введено понятие специфичности активов, противостоящее неоклассической догме об универсальности капитала и о возможности его свободного, беспрепятственного (т. е. не связанного с издержками) перелива из отрасли в отрасль, а также о свободной возможности замещения труда капиталом. Понятие специфичности активов, напротив, предполагает, что активы невозможно переориентировать на иное использование без потери ценности. Соответственно, по меньшей мере часть инвестиций в такие активы представляет собой безвозвратные издержки — то есть издержки, которые не могут быть компенсированы при перенацеливании актива [5, с. 141].

Такой подход существенно углубляет понятие качественной неоднородности ресурсов, предложенным академиком Ю. В. Яременко. В первом приближении применяемые в экономике ресурсы можно разделить на качественные (высокотехнологичные, высококвалифицированные, высокоэффективные) и массовые (менее эффективные). Разумеется, реальная структура ресурсов значительно сложнее (что значительно усложняет и картину взаимодействия разных групп ресурсов) — как минимум, нужно принимать во внимание различие между существующими в экономике технологическими укладами [18]. Однако для иллюстрации принципиального значения качественной неоднородности ресурсов деления на две указанные группы достаточно.

Взаимодействие между этими двумя группами ресурсов может, в зависимости от экономических и технологических условий, характеризоваться двумя разнонаправ-

ленными процессами — замещением и компенсацией. Если в результате технического прогресса и роста производительности качественные ресурсы становятся более доступными, то происходит замещение меньшим количеством качественных ресурсов большего количества массовых ресурсов, использовавшихся для аналогичного производства. Если же в той или иной отрасли наблюдается недостаток (труднодоступность) качественных ресурсов, то выход из этих затруднений может быть обеспечен путем компенсации данного недостатка вовлечением в производство большего количества относительно более дешевых массовых ресурсов [1, с. 31–47; 8; 9; 10, с. 6–14].

Сопоставляя этот подход с концепцией специфичности ресурсов, нужно обратить внимание на то, что и замещение, и компенсация не являются простыми следствиями «автоматического» влияния ценовых пропорций на рынке, а сопряжены с определенными пороговыми издержками, зависящими от технологической структуры экономики и состояния технического прогресса. Эти издержки и определяют собой направления и масштабы процессов компенсации или замещения.

Поэтому при конкретном анализе этих процессов невозможно уже ограничиться указанием на различие между качественными и массовыми ресурсами. Нужно принимать во внимание не только динамику цен на различные технологически определенные группы ресурсов, но и оценивать затраты, связанные с переливом этих ресурсов между отраслями производства. Кроме того, нельзя игнорировать также и то обстоятельство, что для различных отраслей существуют и определенные значения объемов ресурсов, необходимых для того, чтобы проявился эффект как замещения, так и компенсации. Наконец, замещение массовых ресурсов качественными в какой-либо отрасли или подотрасли национальной экономики не обязательно будет означать заметный прирост эффективности в народно-хозяйственном масштабе, если другие звенья технологических и воспроизводственных цепочек, не обладая в должной степени качественными ресурсами, будут «гасить» эффект замещения в отделе взятом звене. Такая ситуация будет одновременно означать наличие высоких порогов для распространения инноваций из отраслей, обладающих качественными ресурсами, в те

звенья народного хозяйства, которые такими ресурсами не обладают.

3.2. Структура распределения ресурсов в российской экономике. Взаимоотношение между качественными и массовыми ресурсами в российской экономике формировалось как под влиянием унаследованных структурных особенностей советской экономики, так и под влиянием резкого изменения экономических условий воспроизводства в результате «радикальных рыночных реформ».

В советской экономике распределение ресурсов по отраслям производства происходило на нерыночной (плановой) основе, но в то же время не могло преодолеть объективные рамки ресурсно-затратных соотношений. В плановом порядке происходила концентрация качественных ресурсов в отраслях военной экономики и ряде тесно связанных с ними гражданских секторов (например, в авиационной и космической промышленности, в некоторых секторах радиоэлектроники, приборостроения, производства конструкционных материалов). Но, поскольку внутренние источники технического прогресса в советской плановой модели были относительно слабыми, такая концентрация ослабляла приток качественных ресурсов во все остальные отрасли народного хозяйства [17].

Разумеется, при более детальном рассмотрении картина была много сложнее. В зависимости от иерархии плановых предпочтений (и баланса сил различных ведомств) в советской экономике выстраивалась и иерархия распределения ресурсов по уровню их качества. Поскольку в плановой системе конкурентный механизм перелива капиталов не действовал, и, кроме того, все более давала себя знать тенденция к формированию замкнутых ведомственных систем, в ней сформировалась многоуровневая (с точки зрения качества ресурсов) экономика. Этому соответствует одновременное наличие в нашем национальном хозяйстве нескольких технологических укладов при высоком удельном весе тех из них, которые формировались в начале и середине прошлого века [19].

В капиталистической рыночной экономике также существуют различия между качественными и массовыми ресурсами, однако там не присутствуют сильные административные барьеры для перелива ресурсов. Поэтому различия в обеспечении

разных секторов экономики качественными ресурсами определяются в основном конкуренцией капиталов и являются более плавными, а сама экономика с этой точки зрения сложилась как несколько более однородная. Кроме того, экономическая система развитых капиталистических государств характеризуется наличием сильного экономического механизма непрерывной генерации качественных ресурсов, поддерживаемого эффективными экономическими и государственными институтами.

Проблема недостатка качественных ресурсов в советской модели решалась двумя путями. Во-первых, через упомянутую выше компенсацию недостатка качественных ресурсов вовлечением в производство большего количества относительно дешевых массовых ресурсов, что поддерживалось, в частности, заниженными ценами на рабочую силу, сырье и энергетические товары. Во-вторых, через экспорт топливно-сырьевых товаров и ввоз современного высокотехнологичного оборудования из-за рубежа.

Однако компенсация за счет использования дешевых массовых ресурсов также наталкивалась на определенные пределы — в первую очередь, на абсолютные ресурсные ограничения. Так, к концу 70-х гг. обозначилось как замедление естественного прироста контингента рабочей силы, так и исчерпание возможностей наращивания занятости в индустриальных секторах за счет перелива рабочей силы из села в город. Это привело к необходимости, уже с середины 60-х гг., постепенно увеличивать относительную цену рабочей силы, что также ограничивало эффект компенсации за счет использования массовых ресурсов. Частично этому противостоял эффект замещения массовой рабочей силы качественной за счет роста уровня образования и профессиональной подготовки.

В этот же период происходит исчерпание относительно доступных источников естественных ресурсов и ухудшение горно-геологических условий их добычи из новых месторождений. Стратегия ввоза технологий из-за рубежа (обмен массовых ресурсов на качественные), сталкиваясь с растущими издержками добычи экспортных ресурсов — полезных ископаемых, ведет к наращиванию концентрации массовых ресурсов в добывающих отраслях для поддержания уровня добычи топлива и сырья. А ведь возможно-

сти наращивания массовых ресурсов также сужаются!

Таким образом, остальные отрасли лишаются не только качественных, но теперь уже и массовых ресурсов. В результате крайне ослабевают источники роста и развития этих отраслей и, что особенно важно, — отраслей инвестиционного комплекса. Отрасли инвестиционного комплекса все слабее и слабее справляются с задачей генерирования качественных ресурсов для народного хозяйства, и даже для военного производства. Соответственно еще более возрастает роль импорта в притоке таких ресурсов в народное хозяйство, что требует наращивания добычи экспортных ресурсов. Порочный круг замыкается.

Таковы были ресурсно-воспроизводственные проблемы, которые российская экономика, переходя на рыночные рельсы, унаследовала от советского планового хозяйства. Как же разрешались эти проблемы в ходе «радикальных рыночных реформ»?

Предполагалось, что формирование механизмов рыночной конкуренции на основе свободы предпринимательства и свободного ценообразования приведет к созданию и сильных экономических стимулов технического прогресса (что обеспечит генерирование качественных ресурсов), и экономических стимулов к выравниванию распределения ресурсов по отраслям экономики. Сближение с ценами мирового рынка автоматически обеспечит нам и соответствующее рациональное распределение ресурсов по отраслям.

При этом полностью игнорировались сложившиеся в период плановой экономики структурные особенности народного хозяйства. Это, во-первых, крайняя слабость инвестиционного комплекса, его в целом низкий технологический уровень и способность к воспроизводству лишь при заниженных ценах на массовые ресурсы. Во-вторых, монополистическая структура топливных и сырьевых отраслей. В-третьих, необходимость жесткого контроля за ценовой политикой железнодорожного транспорта и энергетики (относящихся к отраслям естественных монополий).

В результате «свободный рынок» привел к резкому росту цен на топливные, энергетические и сырьевые ресурсы и услуги естественных монополий, что соответственно увеличило издержки производства во всех остальных отраслях, особенно негативно

повлияв на инвестиционный комплекс. Его товары сделались неконкурентоспособными ни по технологическому уровню, ни по цене. Это, при общем сжатии спроса в экономике и особенно сильном сокращении инвестиционных возможностей предприятий, привело к резкому сжатию спроса на продукцию инвестиционного комплекса и к глубокому падению объемов производства. Сам инвестиционный комплекс лишился не только всякой возможности привлекать качественные ресурсы, но и какого-либо компенсирующего притока массовых ресурсов, что обусловило его стремительную деградацию.

Такая ситуация означала, что и для всех остальных отраслей утрачен внутренний источник их обеспечения качественными ресурсами. К тому же макроэкономическая политика того периода не только не препятствовала сжатию внутреннего спроса, но, напротив, опиралась на него, обеспечивая проведение финансовой стабилизации приоритет над всеми иными целями. Поэтому удовлетворять свою потребность в качественных ресурсах могли только экспортно-сырьевые отрасли, имевшие стабильные валютные доходы. Ввиду слабости внутреннего инвестиционного комплекса эти отрасли ориентировались главным образом на использование импортных машин и оборудования. Однако даже эти отрасли направляли финансовые потоки от экспорта ресурсов прежде всего не на импорт технологического оборудования, а на другие цели. В 90-е гг. резко возрос ввоз из-за рубежа потребительских товаров.

Таким образом, отечественный инвестиционный комплекс был практически полностью разрушен. Зависимость отечественной экономики от импорта машин и оборудования сложилась в начале XXI века на более высоком уровне, чем подобная же зависимость Российской империи в начале XX века! Так, в 2001 г. емкость внутреннего рынка составила 53 тыс. единиц, из которых на долю импортного оборудования пришлось более 43 тыс. В 2003 г. показатели составили 118 тыс. и 115 тыс. соответственно. Иными словами, если в 2001 г. отечественные производители обеспечивали 10 % внутреннего рынка, то к 2004 их доля сократилась до 2 %. При этом импортеры увеличили поставки более чем в 2 раза [10]. Ничуть не лучше была ситуация и через пять лет. «В 2006 году Россия произвела около 7 тыс. единиц металлорежущих станков и кузнечно-прес-

сового оборудования, что в 14,5 раз меньше, чем РСФСР в 1990 году. <...> В связи с недостаточной конкурентоспособностью российской станкоинструментальной продукции наблюдается устойчивая тенденция к удовлетворению внутреннего спроса преимущественно за счет импорта. Начиная с 2002 года, объем российского импорта механообрабатывающего оборудования превышает объем внутреннего производства и растет опережающими темпами. Импортная зависимость России в 2006 году составляла уже 87 %» [12]. В то же время Российская империя перед Первой мировой войной импортировала две трети необходимых ей машин [6, с. 136].

К сожалению, ситуация не изменилась и к 2014 г. В выступлении заместителя министра промышленности и торговли РФ Сергея Цыба на «круглом столе» по вопросам импортозамещения на международной промышленной выставке «Иннопром» в Екатеринбурге приводились следующие данные: в станкостроении доля импорта оборудования в настоящий момент превышает 90 %, в тяжелом машиностроении она составляет 60–80 %, в легкой промышленности — 70–90 %, в радиоэлектронной промышленности — 80–90 %, в фармацевтической и медицинской промышленности — 70–80 % [33].

Резкое сокращение объема качественных ресурсов в экономике России в период реформ, вытеснение высокотехнологичных ресурсов ресурсами, относящимися к более низкому технологическому укладам (обратное замещение), естественно, высветило проблему компенсации катастрофической нехватки качественных ресурсов массовыми. Но такая компенсация оказалась почти невозможной — ведь недостаточная доступность массовых ресурсов обнаружилась уже к концу советского периода, а в ходе реформ произошло к тому же общее сжатие внутреннего спроса, в особенности инвестиционного, что сделало недоступными для большинства предприятий любые добавочные ресурсы. Кроме того, сближение внутренних цен с ценами мирового рынка (пусть и неполное) привело к значительному относительному вздорожанию некоторых массовых ресурсов (сырье, топливо, электроэнергия, железнодорожные перевозки).

Это вздорожание ресурсов, контролируемых частными и государственными монополиями, частично пытались «отыграть»

путем занижения цены рабочей силы. Политика государства в области доходов была очевидным образом ориентирована на давление на заработную плату (установление минимального размера оплаты труда и общего уровня заработных плат в бюджетном секторе ниже прожиточного минимума) в сторону снижения относительных цен на рабочую силу. Именно за счет этого последнего фактора удалось запустить механизм экономического роста после финансового кризиса августа 1998 года [16, с. 82].

Правда, по всей видимости, механизм компенсации качественных ресурсов масовыми все же сыграл некоторую роль — за счет ужесточения контроля над ценами и тарифами топливно-сырьевых и естественных монополий (в 1995–1997 гг. и с осени 1998 г.) и за счет притока нефтедолларов в силу высокой конъюнктуры внешнего рынка (с весны 1999 г.). По существу же это была лишь частичная мобилизация ресурсов, омертвленных в результате макроэкономической политики правительства — главным образом, за счет увеличения загрузки старых (и еще более устаревших за период кризиса 90-х гг.) производственных мощностей. Не была решена и проблема декапитализации трудовых ресурсов, хотя произошел некоторый относительный рост оплаты труда. Достаточно скудные и еще более оскудевшие за 90-е гг. ресурсы инвестиций для обновления основного капитала не были эффективно мобилизованы из-за сохранения в экономике феномена инсайдерского контроля, приводящего к значительной непроизводительной растрате доходов предприятий, ухудшению условий как предложения инвестиций, так и спроса на них [2, с. 219–221, 346–348, 366–367]. В результате в экономике образовался разрыв между валовыми сбережениями (инвестиционным потенциалом) и их использованием на инвестиционные цели. В 90-е гг. при уровне валовых сбережений 31–35 % от ВВП инвестиции составляли 15–17 % ВВП [12, с. 235].

Экономический рост 1998–2008 гг. опирался на временные макроэкономические импульсы («шоки» — девальвация рубля, сокращение реальной зарплаты и т. д.) и на благоприятную конъюнктуру мирового рынка топливно-сырьевых товаров. Эти факторы роста не были за прошедшее десятилетие трансформированы во внутренние источники экономического роста, хотя нельзя отрицать мультипликативный эффект от притока

нефтедолларов, распространившийся на обрабатывающую промышленность и сферу услуг. Но этот мультипликативный эффект, как я уже отметил, во многом сводился к восстановительному росту за счет роста загрузки старых производственных мощностей и к точечным инвестициям для поддержания их элементарной работоспособности.

Технологическая модернизация основного капитала и рост квалификации рабочей силы, хотя и отмечались в некоторых отраслях, сыграли незначительную роль в росте российской экономики. В целом по национальному хозяйству не произошло скольнибудь заметного снижения возраста установленного оборудования (в машиностроении — вообще никакого снижения не наблюдалось), а инновационная активность не только не росла, но даже и сокращалась. «Роль отечественных инноваций и новых технологий в достигнутом росте крайне незначительна (не более 10 % в приросте ВВП) и имеет отрицательную динамику», — отмечалось в 2004 году [11]. Но и в последующие 10 лет удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, продолжал колебаться на уровне 9,3–10,4 %, не испытывая тенденции к росту [34], что хорошо коррелирует с низким (чуть выше 1 % ВВП) и также не имеющим тенденции к росту уровнем внутренних затрат на исследования и разработки [35].

3.3. Качественная неоднородность ресурсов и возможности преодоления экстенсивного типа воспроизводства. Тот факт, что условием выхода посткризисной экономики России на интенсивный тип воспроизводства является инновационная активность, достаточно очевиден. Гораздо реже обращается внимание на обратную связь. А ведь инновационная деятельность не имплантируется в экономику откуда-то извне. Было бы недопустимым упрощением представлять инновации лишь как односторонний процесс, зарождающийся в головах ученых, проходящий через руки инженеров-разработчиков и затем «спускающийся» в производство.

Инновационный процесс является органическим компонентом функционирования самих хозяйственных ресурсов, прежде всего — качественных. Высокотехнологичное оборудование, специалисты и высококвалифицированная рабочая сила являются той

питательной средой, где генерируются и где приживаются инновации. Кроме того, если не созданы ресурсные и экономические предпосылки для замещения массовых ресурсов качественными, то экономика либо не будет предъявлять эффективный спрос на инновации, либо инновационный процесс будет затухать в силу ресурсно-технологических ограничений. Сама по себе активность в сфере исследований и разработок, не имеющая такой питательной почвы в виде растущего замещения массовых ресурсов качественными, не даст результатов — инновации будут отторгнуты неспособностью их эффективно применить экономикой.

Особую сложность имеет задача инновационного роста в многоуровневой экономике, т.е. в экономике с несколькими заметно различающимися уровнями качества ресурсов. Это было показано еще в работах академика Ю. В. Яременко, который, характеризуя технологические изменения в многоуровневой экономике, писал: «В экономике, ориентированной на максимальную концентрацию ограниченных технических ресурсов на ее верхних уровнях, с большими качественными расстояниями между отдельными группами отраслей, с относительно крупными по своим масштабам подразделениями, использующими простую и среднюю технологию, процесс внедрения, начавшись достаточно быстро, может сильно замедлиться или вообще остановиться. Возникший спрос на новые технологические средства может достаточно резко упасть. Поддержание его связано с созданием условий, снижающих барьеры на пути перетока качественных ресурсов» [8, с. 122].

Хозяйственная система, способная воспринимать инновации и широко распространять их по всему экономическому пространству, должна характеризоваться высокой однородностью, плотностью и насыщенностью качественными хозяйственными ресурсами. «...В развитых странах постоянно воспроизводится достаточно однородное высокотехнологичное пространство с расширяющейся экспансией на еще остающиеся ареалы использования ресурсов более низкого качества» [4, с. 26]. При этом современное российское технологическое пространство ни однородно, ни плотно, ни насыщено. Эта ситуация (сосуществование качественно различающихся между собой технологических укладов) создает высокие

технологические и экономические барьеры для инновационной активности, обеспечивающей повсеместное распространение качественных ресурсов. «...Внедрение качественно новых технологий имеет смысл лишь тогда, когда последующие элементы технологических цепей в состоянии воспринять и сохранить качественные приращения, возникшие в результате внедренных инноваций», — отмечал М. Н. Узяков [4, с. 23–24].

К сожалению, сложившаяся в советский период неоднородность насыщения народного хозяйства качественными ресурсами не была преодолена в ходе рыночных реформ. Это подтверждается недавними исследованиями, показавшими значительный разрыв (в 11, 16, даже в 24 раза) в уровнях производительности между 20 % лучших и 20 % худших предприятий внутри одной отрасли [24]. Поэтому насыщение российского технологического пространства качественными ресурсами потребует полного обновления активной части производственного аппарата [4, с. 27]. Чтобы привести его к этому состоянию, необходима целенаправленная структурно-инвестиционная политика, поскольку автономными усилиями предприятий эта проблема в обозримой перспективе решению не поддается.

Эта необходимость была осознана еще в 80-е гг. и активно дебатировалась в период «перестройки». Однако с выбором в пользу «радикальных рыночных реформ» господствующие классы и их политические представители предпочли игнорировать проблему широкомасштабной модернизации экономики под тем предлогом, что «рынок сам все расставит по своим местам». Впрочем, в экспертном сообществе эта проблема поднималась неоднократно, и признаки ее понимания попадали даже в правительственные документы. Здесь можно сослаться, например, на Государственную программу «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий», одобренную распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 328-р. В ней совершенно верно констатируется: «Экономический рост и модернизация отраслей экономики Российской Федерации в короткие сроки возможны только в случае увеличения темпов развития высокотехнологичных отраслей, для обеспечения которых необходимо проведение государственной политики, направленной на повышение инвестиционной привлекательности

указанных отраслей экономики» [13]. Однако лишь удары кризиса 2008–2009 гг. заставили не только вспомнить об этой необходимости, но и вновь заговорить о модернизации экономики на высшем государственном уровне. Президент Д. А. Медведев сделал модернизацию центральным пунктом своего обращения, распространенного в Интернете 9 сентября 2009 г. [14].

Только обеспечение полного обновления основного капитала создаст и необхо-

димую основу для инновационной активности, и среду, предъявляющую масштабный спрос на инновации, и обеспечит за счет инноваций экспансию качественных ресурсов в экономике, замещение ими менее эффективных массовых ресурсов, а также удешевление последних. Тем самым станет возможным и создание надежных внутренних источников экономического роста и развития, и обеспечение конкурентоспособных позиций России в мировой экономике.

Литература

1. Дзарасов Р. С. Теория качественной неоднородности ресурсов и альтернативная экономика // Проблемы прогнозирования. 2002. № 5.
2. Дзарасов Р. С., Новоженев Д. В. Крупный бизнес и накопление капитала в Современной России. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.
3. Теория капитала и экономического роста / Под ред. Дзарасова Р. С. М.: Изд-во МГУ, 2004.
4. Узиков М. Н. Взаимодействие качественных и массовых ресурсов и эффективность экономики // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1.
5. Уильямсон О. И. Логика экономической организации // Природа фирмы: К 50-летию выхода в свет работы Коуза Р. «Природа фирмы» / Под ред. Уильямсона О. И. М.: Акад. Нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2001.
6. Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1956.
7. Яременко Ю. В. Структурные изменения в социалистической экономике. М.: Мысль, 1981.
8. Яременко Ю. В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики // Избранные труды в трех книгах. Кн. I. М.: Наука, 1997.
9. Яременко Ю. В. Экономический рост. Структурная политика // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1.
10. Инновационная депрессия // Финансовый контроль. 2004. № 12 (37). <http://www.fincontrol.ru/themes/fincontrol/archive-document.asp?folder=3434&matID=56558>
11. Комплексная программа научных исследований Президиума РАН «Прогноз технологического развития экономики России с учетом новых мировых интеграционных процессов (содержательные, экономические и институциональные аспекты)». Основные результаты по Программе за 2004 год. <http://df7.ecfor.rssi.ru/index.php?pid=tech>
12. Тезисы доклада заместителя Министра промышленности и энергетики Российской Федерации Реуса А. Г. на заседании Правительственной комиссии по развитию промышленности, транспорта и технологий. 27.07.2007. http://gov.cap.ru/list2/view/02SV_SPEECH_OV/form.asp?id=4353&pos=16&GOV_ID=15
13. Государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий». Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 марта 2006 г. № 328-р. http://www.mii.ru/docs/rtf/rp_328_2006.rtf
14. Медведев Д. А. Россия, вперед! // http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
15. Васильчук Е. Импорт идет ва-банк // Российская Бизнес-газета. № 603. 15 мая 2007 г. <http://www.rg.ru/2007/05/15/import.html>
16. Колганов А. И. Пример классового анализа российского капитализма (кое-что о макроэкономической мудрости журнала «Эксперт») // Альтернативы. 2004. № 2.
17. Белоусов А., Клепач А. Кризис индустриальной модели советского типа // Альтернативы. 1994. № 1 (Часть 1); 1995. № 1 (часть 2).
18. Глазьев С. Ю. Экономическая теория технического развития. М.: Наука, 1990.
19. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993.
20. Колганов А. И. Формирование национальной инновационной системы России: возможности и объективные ограничения // Экономические и институциональные условия перехода к инновационному развитию российской экономики. М.: МАКС Пресс, 2004.

21. Колганов А. И. Участие государства в формировании и реализации национальных приоритетов стратегии инновационного развития // Роль государства в создании и функционировании инновационной экономики в России / Под ред. Дунаева Э. П. М.: МАКС Пресс, 2008.
22. Колганов А. И. Проблемы формирования и взаимодействия современных государственных и негосударственных институтов в национальной инновационной системе // Инновационная экономика: необходимость, возможность и факторы развития в России. М.: ТЕИС, 2007.
23. Рязанов В. Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2009.
24. Российская промышленность на перепутье: что мешает нашим фирмам стать конкурентоспособными (доклад ГУ-ВШЭ) // Вопросы экономики. 2007. № 3.
25. Dzarasov R. Eichnerian megacorp and investment behaviour of Russian corporations // Cambridge Journal of Economics. 2011. № 35 (1).
26. Итоги 2006 года и будущее экономики России: потенциал несырьевого сектора // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 30, рис. 3.
27. Цветков В. А., Аносова Л. А., Зоидов К. Х., Большаков А. В. Мониторинг экономического развития России в период с 1991 по 2010 гг.: опыт циклического анализа макроэкономической динамики. Табл. 1. <http://www.ipr-ras.ru/articles/brics-2011-ch3.pdf>
28. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/effect/macr5-1.xlsx
29. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/effect/macr8.xls
30. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32g.doc
31. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/1-2-6.htm
32. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo21.xls
33. Россия к 2020 году планирует снизить зависимость от импорта в машиностроении // <http://www.finmarket.ru/news/3753440>
34. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/effect/innov_12.xls
35. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/effect/effect_vrp.xlsx

Государственный капитализм и развитие национальной экономики

Тарасевич Виктор Николаевич

д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии
Национальной металлургической академии Украины (Днепропетровск)

v.tarasevich@list.ru

Ключевые слова: государственный капитализм, сеть присвоения, частнокапиталистическое властно-собственническое присвоение, инновационно ориентированная госкапитализация.

Keywords: state capitalism, appropriate net, private capitalist power-ownership appropriation, innovation of state capitalism.

Подписание и неизбежная имплементация Соглашения об ассоциации с ЕС обостряет проблему стратегического выбора модели европейского будущего Украины: либо она вплотную приблизится к развитому центру, либо пополнит ряды европейской полупериферии или, и того хуже, — периферии. Поскольку двадцатилетняя инновационная динамика национальной экономики, прежде всего обрабатывающей промышленности, не внушает оптимизма, постольку очевидны и бесспорны императивы решительных действий, которые бы переломили негативный тренд и обеспечили ее опережающее инновационное развитие.

«Магия собственности обращает песок в золото», — писал Дж. Уокер. Но та же магия может обращать золото в прах. Все зависит от самого «мага». Почему в национальной системе присвоения доминирует не проинновационная, а антиинновационная составляющая? Оправданы ли надежды большинства украинцев на государство — эффективного собственника, инноватора, гаранта справедливости и благополучия? Не является ли госкапитализация национальной экономики необходимой проинновационной альтернативой прогрессирующей олигархизации? Поиску ответов на эти вопросы посвящена настоящая статья. В ее первой части внимание акцентировано на исторической эволюции, современных реалиях госкапитализма, а также некоторых теоретико-прикладных положениях, которые необходимы для научного

анализа указанных реалий. Во второй части излагаются результаты изучения особенностей национальной системы присвоения.

1. Ретроспектива и теоретические заметки

Если не покидать предметное и категориальное пространство тех экономических учений, в исследовательскую проблематику которых входит госкапитализм, то следует признать его реальное существование там и постольку, где и постольку сосуществуют и взаимодействуют капиталистическое товарное производство и государство¹⁾. В каждую капиталистическую эпоху, будь-то первоначальное накопление капитала, свободная конкуренция, монополистический и государственно-монополистический капитализм, современная капиталистическая транснационализация и глобализация, госкапитализм обретает все новые качества, не предавая забвению ранее обретенные.

На известном этапе первоначального накопления капитала буржуазия разуверилась в антиинновационном феодальном государстве, которое оказалось неспособным удовлетворить даже ее минимальные требования — ликвидировать монопольные права

¹⁾ «...государственный капитализм есть налицо — в той или иной форме, в той или иной степени — всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще» [2].

гильдий и цехов, чрезмерную регламентацию ремесла и торговли. К тому же она не могла мириться с присвоением праздно-аристократией огромных богатств новых заморских владений. Действуя заодно с Историей, буржуазия захватывает политическую власть и начинает активно использовать государственную «машину», в том числе ее феодальные и абсолютистские «механизмы», в своих интересах. В условиях относительного дефицита частнокапиталистического накопления государству поручается роль ведущего капиталиста — стратегического инноватора. Оно разворачивает масштабное строительство крупных заводов, фабрик, инфраструктурных объектов, налаживает их работу и многие из них передает (безвозмездно или с выкупом) в частные руки; щедро субсидирует землей, крепостными крестьянами, финансовыми ресурсами мелких и средних буржуа, которые обязуются развивать приоритетные отрасли и производства. В законодательном порядке запрещаются коалиции, ограничиваются права нищих, открываются рабочие дома, регулируется величина заработной платы, и таким образом армия наемного труда формируется и действует в соответствии с волей буржуазных «командиров». Военная мощь государства используется для захвата и практически неприкрытого ограбления колоний.

В первой трети XIX в. в наиболее крупных европейских странах буржуазия прочно встает на свои собственные ноги в том смысле, что ее совокупные активы становятся сопоставимыми с государственными, а объемы капитализируемой прибыли — с объемами госинвестиций. Свободная конкуренция, торговля и предпринимательство — мечта первых буржуа — побеждают и доминируют. Но их потомки не только не отказываются от уже привычных услуг государства, модернизируя их сообразно обстоятельствам, но и со знанием дела изобретают новые и/или хорошо забытые старые, выгодные, прежде всего, для себя. В частности, речь идет об акционерном и кредитном законодательстве; приватизации наиболее прибыльных объектов госсобственности; учреждении госбанков с целью льготного кредитования частного предпринимательства; масштабных налоговых льгот; организации государственных монополий на производство и сбыт некоторых потребительских товаров (табак, спирт

и др.), призванных пополнять государственную казну, перманентно опустошаемую политическими победителями.

Абсолютное господство свободной конкуренции оказалось непродолжительным, не более полувека, а высвобожденный ею инновационный потенциал — недостаточным. Идеал померк перед корыстным интересом. Уже во время мирового экономического кризиса 70-х гг. XIX ст. национальная буржуазия призывает государство к защите своего бизнеса от иностранной конкуренции. Казалось бы, забытый со времен меркантилизма протекционизм вновь становится знаменем экономической политики европейских государств и США. Но для большинства буржуа результаты его последовательной реализации оказались и неожиданными, и неприятными. Относительно ограниченное рыночное пространство стало одним из катализаторов объективных процессов концентрации производства и капитала, порождения конкуренцией олиго- и монополий. Между немногочисленной крупной и массовой мелкой буржуазией разверзлась труднопреодолимая пропасть. Новым условиям противостояния а) национальных отрядов буржуазии между собой; б) крупной и мелкой буржуазии; в) буржуазии и наемных работников, а также известной про-буржуазной ангажированности государства и его слабости как представителя общества в целом вполне отвечали мировые катаклизмы первой половины XX ст. и формирование особых национальных моделей монополистического и государственно-монополистического капитализма²⁾.

Несмотря на различия, их объединяют базовые госкапиталистические черты. Поэтому отнюдь не случайна однотипность конкретных механизмов, форм и инструментов их реализации. Так, обращают на себя внимание существующие поныне разные формы сочетания экономической мощи крупнейшей буржуазии и политической, военной мощи государства, как то: финансово-политическая олигархия³⁾, личная

²⁾ В этом контексте результатом революционных событий и Гражданской войны в России начала XX в. стало утверждение особого тотального госкапитализма советского типа, всеобщей государственной монополии, отягощенной феодальным наследием и дополняемой элементами социализации и частнокапиталистического присвоения.

³⁾ Финансовый капитал, как синергия взаимодействий промышленного и банковского капитала, находит

уния бизнесменов и политиков, чиновников, лоббирование, логрولлинг и т. п. Как говорится: «Рука руку моет». Совершенствуется инструментарий господдержки крупного капитала, прежде всего: государственная контрактная система, госзаказы и госгарантии, целевые госрасходы, в том числе в порядке бюджетно-дефицитного финансирования, призванные обеспечивать устойчивый рынок сбыта для олиго- и монополий и экономию их издержек на весьма дорогостоящие инновации. Утверждается практика налоговых льгот, ускоренной амортизации, различных методов скрытого субсидирования крупного бизнеса. В известном смысле вся сложнейшая система государственного регулирования экономики, прежде всего финансового, денежно-кредитного и антициклического, выстраивается и настраивается по камертону интересов крупной буржуазии.

Но последняя уже научена горьким опытом и отнюдь не заинтересована в антагонизации противоречий с мелкой и средней буржуазией, рабочим классом, в экономической и социально-политической неустойчивости. Ей нужны квалифицированные ученые, «белые и синие воротнички», а также достаточно состоятельные потребители продукции ее предприятий. К тому же она не может не реагировать на демонстрационные эффекты социальных реформ в социалистическом «лагере», усиливающееся внутреннее давление не только низших, но и средних слоев. Государство получает карт-бланш на активные действия как и совокупный капиталист, и представитель всего народа, и центр согласования интересов различных социальных слоев, политических сил и экономических субъектов. Так возникает и утверждается знаменитое социальное государство, «государство благосостояния» с развитой системой социально-экономического прогнозирования, программирования и индикативного планирования, эффективным антимонопольным регулированием и весьма благоприятным для инноваций бизнес-климатом, разветвленной сетью социальных гарантий, государственным финансированием науки, образования, здравоохранения, культуры, устойчивым средним классом, конкурентоспособной и динамичной экономикой, мирным и относительно безболезненным разделом рынков

между развивающимися ТНК в рамках формирующихся международных интеграционных группировок.

Разумеется, чтобы справиться со столь масштабными задачами, государство должно было обладать соответствующими ресурсами и относительно независимыми от частных фирм и домашних хозяйств источниками доходов. Поэтому вполне логичными представляются его небезуспешные усилия по значительному увеличению доли ВВП, перераспределяемой через государственный бюджет, удельного веса потребительских расходов в ВВП, часть которых принимает форму инновационных инвестиций в человеческий капитал, а также расширению государственного сектора, в том числе за счет госинвестиций в капиталоемкие объекты, активизации инновационного государственного предпринимательства, образования государственно-частных предприятий.

«Государство благосостояния» вполне отвечало условиям позднего индустриализма, но оказалось весьма уязвимым перед вызовами вызревшего в его лоне постиндустриализма. Впрочем, объяснение его (социального государства) кризиса причинами постиндустриального свойства представляется недостаточным. Немаловажную роль сыграли и очевидные преимущества социализированного госкапитализма стран «золотого миллиарда» в сравнении с госкапитализмом советского типа, который, в конечном итоге, проиграл инновационную «гонку» первому. Реакция крупной буржуазии на нарастание указанных преимуществ была вполне предсказуемой: агрессивная капитализация и снижение темпов социализации и инновациализации экономики и общества. Распад социалистической системы и СССР стал прекрасным поводом для приостановки социализации. Безусловный приоритет получили иные задачи. Одна шестая часть суши была открыта для экспансии транснационального капитала, и в свои права вступила эпоха капиталистической глобализации.

Казалось бы, в этих условиях государственное «пространство» должно сжиматься подобно шагреновой коже, а госкапитализм несовместим с «концом истории» (Ф. Фукуяма) и окончательной победой неоконсерватизма и неолиберализма. В самом деле, разве не об «уходе государства» свидетельствует рост количества ТНК, годовые

верных слуг среди не только капиталистов-бизнесменов, но и политиков, и чиновников.

объемы продаж которых превышают ВВП многих стран; передача ключевых государственных полномочий на наднациональный уровень в ЕС (например, исключительные кредитно-денежные права ЕЦБ); широко-масштабная приватизация; дерегулирование рынков, прежде всего финансовых; относительное сокращение социальных расходов; ряд других мер, хорошо известных из практики «рейганомики» и «тэтчеризма»; а также поистине «героические» усилия государств новых независимых стран по «высвобождению рыночных сил». О пагубных последствиях тотальной деэтизации экономик этих стран написано уже немало, но тема по-прежнему актуальна. К ее госкапиталистическому аспекту мы еще вернемся. В отношении же экономик развитых (США, ФРГ, Япония и др.) и динамично развивающихся стран (Бразилия, Индия, Китай, Мексика, Сингапур и др.) картина представляется не столь однозначной.

Во-первых, даже в весьма успешные годы до новейшего кризиса государство не сдало в архив ни одну из апробированных ранее форм, методов и инструментов влияния на экономику. Варьировали их качественные и количественные характеристики, но набор, состав — отнюдь не оскудел. Так, практически не уменьшилась доля ВВП, перераспределяемая через госбюджет; политика ЕЦБ вполне отвечала государственным интересам ФРГ и Франции — лидеров ЕС; субститутами передачи значительной части государственных активов в частные руки стали новые, гибкие формы государственного контроля и управления («золотая акция», сертификаты участия в инвестициях, внушительное представительство в руководящих органах корпораций, особые права государства — миноритария и др.); по ряду позиций было ужесточено антимонопольное законодательство; сокращение «патерналистской» составляющей социальных расходов сопровождалось ростом их «профилактической» и активистской составляющих.

Во-вторых. Разумеется, меры правых правительств по вытеснению государства из экономики не лишены оснований. Бюрократизм, проволочки, дублирование функций, экономическая безответственность, коррупция — перечень «грехов» даже самого демократического государства может быть продолжен. Но именно «вытесненное» государство оказалось неспособным предвидеть и предотвратить катастрофу на рынке

деривативов, противостоять чрезмерному ипотечному и потребительскому кредитованию и перегреву экономики, сконцентрировать необходимые ресурсы на ускоренном развитии производств VI технологического уклада, их доведении до привлекательного для частного бизнеса уровня прибыльности и таким образом до предела сократить неизбежную технологическую паузу и переориентировать предпринимательскую активность и ресурсы из финансового в реальный сектор экономики, принять другие упреждающие проинновационные меры. Совершенно очевидно, что «избыток» государства сосуществует с его «дефицитом». В этом феномене нужно тщательно разбираться, а не постулировать «презумпцию виновности» государства.

В-третьих, в период новейшего кризиса государство было мобилизовано в полном смысле этого слова, и в антикризисных «боях» нашлось место для большинства «вооружений», накопленных за почти 200-летнюю историю антикризисных «войн». В этом смысле новейший кризис не стал уникальным. Его подлинная новизна состоит в том, что государство и госкапитализм понадобились для борьбы с кризисом глобального, транснационального капитализма, вне(над)государственного по своим амбициям и потенциям. Стало очевидным вполне банальное обстоятельство — глобальный капитал не втаит в междумировых пространствах, подобно богам Эпикура, а в обязательном порядке находится в какой(их)-либо стране(ах) (даже в режиме on-line), так или иначе взаимодействует с ее (их) экономикой(ами) и государством(ами).

Относительно неожиданными стали решительные и достаточно успешные действия некоторых активно развивающихся стран, прежде всего Бразилии, Индии и Китая, по противостоянию попыткам развитого центра во главе с США «делегировать» свои «кризисные проблемы» на периферию и посредством международных финансовых механизмов («пылесосов» и «насосов») получить столь необходимые в условиях кризиса ресурсы, главным образом «благотворительные».

К явному неудовольствию приверженцев ортодоксии весьма влиятельный британский еженедельник «The Economist» без обиняков называет один из своих специальных докладов «State Capitalism» и кон-

стативирует экспансию госкапитализма, который оперирует изощренным инструментарием и вознамеривается соединить преимущества государства с преимуществами капитализма [3]. Наступление госкапитализма является весьма впечатляющим и убедительным. В его авангарде — новые государственные предприятия (SOE), предприятия с государственной поддержкой (SSE) — так называемые национальные чемпионы, мощные государственные холдинги, миноритарные пакеты акций под управлением государства (SONC), частично приватизированные предприятия (PPF), государственные банки развития, суверенные фонды благосостояния (SWF), объединяющие фонды сбережений и развития. Мощные госкомпании становятся глобальными лидерами. Так, по данным ЮНКТАД, «родиной» 285 из 653 (почти 44 %) крупнейших государственных ТНК являются экономически развитые страны, главным образом европейские — Дания, Франция, Норвегия, Финляндия, Германия, Швеция. В списке 50 крупнейших компаний, публикуемом газетой «Times», еще в 2004 г. госкомпании отсутствовали, а в 2011 их насчитывалось уже 11. По уровню капитализации они заняли ведущие позиции: 2-е место — Petro China, 4-е — Industrial & Commercial Bank of China, 5-е — Petrobas (Бразилия), 7-е — China Construction Bank. Мексиканская Cemex стала третьей в мире цементной компанией.

Разумеется, указанный прорыв был бы невозможен, если бы государство не «фабриковало фабрикантов» (К. Маркс) в массовом порядке в границах национальной экономики. Например, на госпредприятиях (с мажоритарным и миноритарным участием государства) экономически развитых стран производится значительная и достаточно стабильная доля ВВП: в Австрии — 27 %, Великобритании, Голландии — 36 %, Дании — 37 %, Испании — 38, Италии — 24, Франции — 33, ФРГ — 54. Китайское государство является крупнейшим акционером около 150 ведущих национальных корпораций и по-прежнему руководит тысячами предприятий; в Сингапуре государство — собственник пакетов акций компаний, совокупный объем продаж которых составляет около 60 % ВВП страны; 80 % капитализации фондового рынка Китая, 60 % — России, 40 % — Бразилии принадлежит корпорациям с мажоритарным или миноритарным участием государства [4, с. 1, 2, 4, 5; 5 с. 6].

Наряду с использованием опыта укрепления экономического суверенитета стран, освободившихся из-под колониальной зависимости в первой половине прошлого столетия⁴⁾, правительства активно развивающихся стран успешно осваивают новые для себя формы госкапитализма, как то: регулирование слияний и поглощений с целью «выращивания» национальных чемпионов, финансовое влияние на политику корпораций с миноритарным государственным участием посредством государственных банков (фондов) развития, использование инструментов «нового государственного управления». Например, в соответствии с последним для новых госпредприятий характерны: котировка акций на фондовых биржах с целью рыночного контроля качества менеджмента, набор персонала из ведущих частных компаний, ограничения на прямое и косвенное государственное субсидирование, независимость членов совета директоров, международный аудит и др. [4, с. 18; 5, с. 5–10].

Исторические факты свидетельствуют, что в условиях кризиса и депрессии государственная активность относительно возрастает, а в условиях подъема — падает. Но не менее убедительна и эмпирическая правильность постепенного роста кумулятивного эффекта этатизации экономики в длительном историческом периоде. Таким образом, не лишен исторических оснований вывод о поступательно-циклическом характере эволюции госкапитализма.

С ее современной повышательной фазой явно диссонирует экономическая ситуация в России и, особенно, в Украине. В самом деле. После ошутимого падения ВВП и промышленного производства в кризисном 2009 г. в самом начале 2010 г. Правительство РФ инициирует «новую приватизацию», направленную, в частности, на существенное расширение перечня секторов (отраслей) экономики, предприятия которых приватизируются, приватизацию ряда крупнейших бюджетобразующих компаний, привлечение внебюджетных инвестиций в развитие приватизируемых предприятий [6, с. 15]. «Уход» госу-

⁴⁾ В частности, речь идет о решительной поддержке национального капитала и ограничении экспансии иностранного, формировании мощного госсектора с целью мобилизации внутренних ресурсов и преодоления колониально-сырьевой структуры экономики, усилении общенациональной составляющей государственного экономического регулирования.

дарства осуществляется по апробированной схеме: государственные органы управления преобразуются в агентства, агентства — в государственные унитарные предприятия, затем последние акционируются, следующий шаг — приватизация принадлежащих государству пакетов акций, а также дополнительная эмиссия акций с целью «вытеснения» государства. Его небольшая доля сохраняется, главным образом с целью реализации возможностей бюджетного финансирования и страхования предпринимательских рисков бюджетными средствами. Юридический статус госучреждений и организаций перманентно преобразуется в направлении снижения уровня реализации функций государства как собственника. При этом по-прежнему отсутствует законодательство, регулирующее управление госсобственностью, в том числе пакетами акций государства в акционерных обществах [7, с. 31, 32, 44–45]. Очевидно, указанные обстоятельства сыграли свою роль в замедлении темпов экономического роста в 2014 г.

Масштабы государственного антикризисного активизма в Украине уступают российским. Докризисный уровень ВВП и промышленного производства не достигнут прежде всего по причине слабости и неэффективности государства. Глубина и масштабы украинской приватизации превышают российские. Приватизированы практически все эффективные предприятия и значительная часть стратегических объектов. Если в России борьба сил «национализации» и «приватизации» государства идет с переменным успехом, то в Украине государство преимущественно «приватизировано» в том смысле, что его решения и действия в значительной степени отвечают интересам крупной олигархической буржуазии, к сожалению, не владеющей талантами видения стратегических перспектив Украины и осуществления крупных инновационных проектов общенациональной значимости⁵⁾.

Итак, исторический опыт свидетельствует, что оптимальная госкапитализация экономики является необходимым условием стратегических инноваций, обеспечивающих прогрессивную смену технологических укладов. В то же время абсолютизация эко-

номического этатизма и/или монополизации экономики и политики чревата застоем и деградацией. Но поиск проинновационной социально-экономической многоукладности, равно как и роли госкапитализма, не может ограничиваться изложением экономической истории и эмпирии. Необходимы соответствующие теоретические изыскания.

Разумеется, нельзя пренебрегать критическим анализом имеющихся в литературе трактовок государственного капитализма (далее — ГК). Например, утверждение о прямом подчинении государством тех или иных капиталистических предприятий как качественным признаке ГК [7] требует, по крайней мере, конкретизации. О каком государстве идет речь? Что означает концепт «прямое подчинение»? В чем это подчинение выражается? Очевидно, указанный концепт нуждается в «переводе» на язык фундаментальной экономической науки. В трактовке ГК, как соединения «капиталистических монополий и аппарата буржуазного государства для извлечения высоких прибылей, сохранения власти и гнета монополий» [11][с. 345]⁹ неправомерно отождествляется ГК с одним из его исторических типов — государственно-монополистическим капитализмом (ГМК). ГК действительно предполагает «участие государства в капиталистических формах хозяйства» [9, с. 96]. Но, во-первых, здесь акцентирован лишь организационно-экономический аспект ГК. Между тем, капиталистические формы хозяйства весьма успешно могут служить реализации отнюдь не капиталистического социально-экономического содержания. В связи с этим, во-вторых, о каком именно участии государства идет речь? Скажем, если государство наполняет капиталистические формы хозяйства некапиталистическим содержанием, правомерно ли отнесение такого участия по классу ГК? Риторический вопрос. На мой взгляд, вышеизложенное свидетельствует прежде всего о целесообразности различения, хотя бы в первом приближении, узкого и широкого смыслов ГК, разумеется, с учетом тематики настоящей статьи.

Узкий смысл предполагает акцент на «чистом» капитализме, абстрагирование от всех некапиталистических отношений, анализ не только экономики, но и государства, общества, всех атрибутов присвоения в качестве исключительно капиталистических.

⁵⁾ Разумеется, было бы некорректно отрицать наличие точечных инноваций на микроуровне национальной экономики. Однако их львиная доля далека от соответствия императивам стратегически значимого VI технологического уклада.

При таких предпосылках «чистый» госкапитализм предстает сложной саморазвивающейся системой капиталистических отношений абсолютно доминирующего капиталистического государства и капиталистических акторов (субакторов)⁶⁾, ядром которой является подсистема капиталистических отношений государственного присвоения. Очевидно, субстанцией последней выступает сплав, синергетическое единство капиталистического вида и государственной формы присвоения. В категориях социально-экономических укладов речь идет об абсолютном господстве в экономике государственно-капиталистического уклада.

Глубокое понимание ГК в широком смысле вряд ли возможно вне многопланового общественного и универсального контекста. Ограничимся социально-экономическими аспектами. Несколько упрощая, допустимо назвать любой капитализм государственным в том смысле, что его акторы представлены и в государстве (ветвях государственной власти, госучреждениях и др.), и в других социально-экономических укладах — патриархальном, мелко-товарном, властно-собственническом, частнокапиталистическом, коллективном и посткапиталистическом (социалистическом). Однако вряд ли приведенные трактовки могут считаться достаточными. Дело не только в том, что ряд понятий требуют дополнительных пояснений (например, актор и субактор), — необходимо обратиться к «анатомии» присвоения.

Современное присвоение представляет систему сетевого типа и демонстрирует полиатрибутивность — полиакторность, полиобъектность, полиформизм и полиэлементность. Бытующее в литературе мнение о субъектности присвоения не учитывает

принципиальное обстоятельство — граница между субъектом и объектом присвоения становится все более условной и неуловимой, поэтому на авансцене присвоения доминирует актор. Соответственно вполне отвечающей реалиям представляется полиакторность, а также различие простых и сложных акторов присвоения. Простой актор — это индивидуум, группа, коллектив, который является актором какого-либо одного типа, вида, формы (далее — формы) присвоения, как правило, одного объекта. Сложный актор, в отличие от простого, — это индивидуум, группа, коллектив, концентрирующий в себе более одной социальной роли (функции, статуса) и выступающий актором различных форм присвоения разных объектов (разных частей одного объекта) одновременно.

Полиобъектность присвоения предполагает не просто наличие многих объектов присвоения. Во-первых, один актор может присваивать несколько разных объектов. Во-вторых, один объект может присваиваться несколькими акторами. В этом случае он предстает в разных ипостасях: либо «копируется», что характерно, например, для институтов, либо в нем выделяются отдельные составляющие (например, разные участки земли). В-третьих, разные объекты могут быть фигурантами какой-либо одной формы присвоения — например, коллективно-индивидуальное присвоение земли и протоинститутов в родовой общине. В-четвертых, один объект может быть фигурантом различных форм присвоения. В этом случае, как правило, в нем выделяются разные составляющие.

Полиформизм обнимает не только традиционные отсубъектные (в категориях данной работы — отакторные), т. е. выделяемые в зависимости от качественных характеристик субъекта (актора), типы, виды и формы присвоения, но также отобъектные и смешанные — отакторно-отобъектные⁷⁾.

⁶⁾ Как известно, в фундаментальной экономической науке принято четкое разграничение экономического субъекта и объекта. Не ставя под сомнение его значимость, следует признать, что оно не учитывает принципиально важный пласт современных реалий — воздействие экономического субъекта на самого себя, в частности присвоение им своих собственных сущностных сил. Это означает, что действующий в экономике человек объединяет в себе сущностные качества и субъекта, и объекта и в этом смысле является экономическим актором.

Тот или иной актор, как правило, агрегирован (например, собственник). Поскольку же в науке принято оперировать не только агрегатами, но и их составляющими, постольку наряду с актором в поле исследовательского внимания неизбежно попадают и субакторы (например, частный собственник, коллективный собственник и т. п.).

⁷⁾ Критериями выделения отобъектных типов, видов и форм присвоения являются качественные характеристики объекта. Так, достаточно определены отмеченный (материальный) и оочеловеченный (нематериальный) отобъектные типы присвоения. В современной фундаментальной экономической науке наиболее изучаемым отобъектным видом присвоения является интеллектуальный в его различных формах, причем в ряду его акторов представлено и государство. Наименее разработанными являются критерии разграничения отакторно-отобъектных типов, видов и форм присвоения.

В дальнейшем мы ограничимся рассмотрением отакторного присвоения.

Полиэлементность присвоения предполагает различие распоряжения, владения, пользования, получения дохода, управления, иммунитета от экспроприации, запрета вредного использования и других элементов, политико-правовыми формами которых являются известные из неoinституциональной теории права собственности [9].

Взаимосвязи акторов, объектов, форм и элементов присвоения⁸⁾ образуют своеобразную сеть присвоения, содержанием которой является многообразие его вариантов. Рассмотрим особенности сети присвоения в национальной экономике Украины.

2. Об особенностях и антиинновационности национальной сети присвоения

Украина унаследовала от СССР многоукладную экономику с абсолютным доминированием бюрократически-номенклатурного государственного капитализма, достаточно распространенным, но неразвитым социалистическим укладом с преимущественно неадекватной общенародному присвоению государственной формой, весьма ограниченным коллективным укладом, нелегальным частнокапиталистическим и нелегально-легальным мелкотоварным укладом, значительными «пережитками» властно-собственнического уклада с его кланово-корпоративным присвоением. За годы независимости и реформ произошли кардинальные изменения. Вместе с масштабной деиндустриализацией, депостиндустриализацией и десоциализацией национальной экономики утвердилось абсолютное господство неофеодалного симбиоза частнокапиталистического и властно-собственнического укладов, который пронизывает все атрибуты присвоения и «руководящей и направляющей силой» которого является крупный монополистический капитал. Мелкотоварный и коллективный уклады несопоставимы с ним по экономической мощи и движутся в его фарватере, а госкапиталистиче-

ский и посткапиталистический (социалистический) уклады маргинализированы. В инновационном отношении такая социально-экономическая «конструкция» уступает даже позднесоветской, не говоря уже о развитых экономиках.

Главным агрегированным актором симбиотического, смешанного частнокапиталистического властно-собственнического (ЧКВС) присвоения вполне определенного «пула» объектов является кланово-корпоративная группа (ККГ)⁹⁾ во главе с крупным капиталистом (олигархом)¹⁰⁾. В ее состав он включает: (1) наиболее доверенных лиц из числа родственников и/или друзей, которые помогают ему осуществлять функции исключительного распорядителя объектами, закреплять элементы и субэлементы присвоения за отдельными персонами ККГ и другими акторами и субакторами, контролировать и направлять их действия на достижение целей главы группы¹¹⁾; (2) руководителей ключевых негосударственных экономических акторов, которые непосредственно подконтрольны группе и/или находятся с ее объектами в тесной производственной кооперации (например, руководители фирм, наемные менеджеры и др.); (3) влиятельных представителей государственных социально-экономических и функциональных субакторов, прежде всего «совокупного капиталиста», «совокупного наемного работника», «самостоятельного капиталиста», «представителя общества», законодателей, исполнителей, судей, силовиков, чиновников. Как только упомянутые акторы (субакторы) становятся членами ККГ, они обретают ста-

Как правило, в этом качестве используется способ соединения работника со средствами производства.

⁸⁾ Для удобства изложения в дальнейшем будем использовать концепт-агрегат «атрибуты присвоения», в состав которого включают акторы, объекты, связи акторов, связи объектов, связи акторов и объектов, типы, виды, формы и элементы присвоения.

⁹⁾ Понятие «Кланово-корпоративная группа» используется также в работах А. В. Бузгалина и А. И. Колганова. См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Теория социально-экономических трансформаций. М.: ТЕИС, 2003; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 10. С. 8–18. Названными авторами, однако, дается по ряду параметров иная, нежели в нашей работе, характеристика ее природы, структуры и каналов власти.

¹⁰⁾ Здесь речь идет о типичной ККГ. Ниже будут рассмотрены некоторые аспекты ее связей с другими подобными ей ККГ, каждая из которых контролирует соответствующие атрибуты присвоения, прежде всего объекты и доходы с них, в том или ином секторе национальной экономики, регионе страны, и пытается расширить свое влияние на всю национальную экономику и за ее границы.

¹¹⁾ Факты таковы, что в ряду этих целей промышленные инновации занимают, в лучшем случае, место «на галерке».

тус ее персон. Между ними распределяются и перераспределяются элементы и субэлементы присвоения объектов в соответствии с их (персон) родственными связями, социальным и имущественным положением, уровнем профессионализма, квалификации и т. п. с обязательной концентрацией ключевых субэлементов распоряжения и львиной доли доходов в руках главы ККГ. Собственно, последний может быть идентифицирован именно по этим признакам. Как правило, из указанных персон формируются кланово-корпоративные подгруппы (ККПГ) по должностному, функциональному, целевому и другим признакам.

ККГ набрасывает свои «сети» на все темпоральное пространство присвоения. В первую очередь в эти сети попадают персоны группы. Между ними устанавливаются по преимуществу иерархические, генетические, детерминистские и нерыночные конкурентные связи. Во-вторых, персоны ККГ являются активными агентами ее влияния на соответствующих акторов и субакторов. Так, персоны ККГ, одновременно входящие в состав агрегированного государственного функционального субактора «законодателя», во многом «ответственны» за обеспечение «правильных», то есть отвечающих интересам руководства ККГ, действий других законодателей, например глав депутатских групп и фракций. Это верно и в отношении исполнителей, судей, силовиков, чиновников. Например, если глава ККГ заинтересован не в затратных и рискованных инновационных инвестициях, а в наращивании объемов экспорта сырья и полуфабрикатов, то соответствующие именно этой цели государственные решения должны обеспечивать упомянутые персоны.

В-третьих, в руках главы ККГ она выступает эффективным орудием трансформации альтернативных видов и форм присвоения объектов в смешанное ЧКВС присвоение. Речь идет о реальном ЧКВС присвоении большинства всех объектов, в том числе и органов государственной власти и управления (включая вооружения и боеприпасы), и регуляторных. Рассмотрим этот пункт подробнее.

Ключевым направлением действий ККГ является вовлечение в кланово-корпоративную сеть объектов госкапиталистического присвоения с целью его трансформации в частнокапиталистическое или ЧКВС присвоение, а основным модератором указан-

ных действий выступает «связка»: ККПГ «крупный капиталист» — «совокупный капиталист» — государство как «самостоятельный капиталист». Ее изобретательности могут позавидовать даже самые талантливые авторы фантастических и детективных историй.

При посредничестве «совокупного капиталиста» глава ККГ делегирует государству — «самостоятельному капиталисту» некоторые субэлементы владения собственными объектами и часть дохода с них в «обмен» на субэлементы владения и/или управления объектами государственной предпринимательской деятельности и часть дохода с них. Столь безобидное и взаимовыгодное, на первый взгляд, государственно-частное партнерство весьма успешно используется крупным частным капиталом для наращивания своего «присутствия» в государственных объектах. О том, как это происходит в России, уже говорилось. Национальный «алгоритм» по существу идентичен. На теоретическом языке речь идет об использовании акционерных и политико-правовых процедур для последовательно-параллельного перевода элементов и субэлементов управления, пользования, владения, распоряжения объектами госпредпринимательства, львиной доли доходов с них в ЧКВС присвоение. При этом иммунитет от экспроприации у государства указанных объектов, а также запрет на их вредное использование предается забвению.

Таким образом, в смешанном частнокапиталистическо — госкапиталистическо — властно-собственническом (ЧКГКВС) присвоении возрастает доля и значимость ЧКВС присвоения вплоть до абсолютного доминирования. Правда, госкапиталистическому присвоению позволено некоторое «присутствие», но только в части использования такового в качестве источника дополнительных доходов, как то: бюджетного финансирования, государственных гарантий по кредитам, страхования предпринимательских рисков бюджетными средствами и т. п. Как видим, представленный механизм практически исключает реальную инновационную активность государства по причине присвоения принадлежащих ему ресурсов ККГ. В подобных «объятиях» ККГ обескровливает и инновационный потенциал акторов коллективного и мелкотоварного укладов.

Не остаются вне «поля зрения» и «внимания» ККГ и объекты государственной

формы общенационального присвоения (объекты хозяйственной деятельности). Некоторые из них подверглись «коммерциализации» — вначале были переведены в «режим» госкапиталистического присвоения, который, впрочем, оказался весьма непродолжительным, а затем — фактически приватизированы ККГ посредством хитроумного преобразования в объекты ЧКВС или ЧКГКВС присвоения. В ряде случаев формальный статус объектов хозяйствования как объектов госформы общенационального присвоения сохранен, но реально хозяйственная деятельность трансформирована в хозяйственно-предпринимательскую, сочетающую достижение некоммерческих и коммерческих целей, или предпринимательскую безо всяких «примесей». Как и в случае с объектами предпринимательской деятельности, госкапиталистическое присвоение объектов хозяйственной деятельности является ведомым по отношению к частнокапиталистическому. Госформа общенационального присвоения последних постепенно маргинализируется, а вместе с ней — и ее национально значимая инновационная составляющая.

В значительной степени это верно и для присвоения регуляторных объектов, в силу чего их функционирование и развитие не отвечает ряду важных императивов реализации интересов общества в целом, а также адекватного представительства и согласования экономических интересов разных социальных слоев и групп. Объективно необходимое общенациональное присвоение указанных объектов, в том числе в государственной форме, существует преимущественно номинально. И дело не только в известных трудностях разработки и задействования механизмов его реализации, но и в захвате, приватизации его элементов и субэлементов и их использовании не в соответствии с объективным назначением регуляторных объектов.

Так, в значительной степени распоряжаясь, владея и управляя законодательским процессом, ККГ обеспечивает разработку и принятие законов, которые отвечают прежде всего ее корыстным интересам и принуждение к исполнению которых встречает вполне понятное сопротивление и гетерофобию со стороны коллективов собственников, мелких буржуа, наемных работников и, как это ни покажется парадоксальным, — конкурирующих ККГ. Поэтому, при прочих

равных условиях, масштабы антиинновационной теневой экономики прямо пропорциональны степени неадекватности продуцируемых ККГ формальных институтов интересам не «кланово-корпоративных» экономических акторов. Разумеется, было бы явной передержкой утверждение о полном игнорировании в законотворчестве и правоприменении общенациональных интересов. Но учитываются они преимущественно в той степени, в какой это отвечает успешной реализации отнюдь не инновационных императивов ЧКВС присвоения.

Подобным образом ККГ обращается с механизмами и инструментами государственного регулирования экономики. Так, формальное распоряжение национальным банком инструментами денежно-кредитной политики «дополняется» владением, пользованием и управлением ими со стороны тех его сотрудников, которые либо являются персонами ККГ, либо в той или иной степени зависимы от нее. Поэтому отнюдь не всегда госкапиталистическая по своей природе прибыль национального банка направляется на собственно госкапиталистические и общенациональные цели. Вряд ли решения относительно учетной ставки процента, норм резервирования и операций на открытом рынке принимаются без учета мнения «уполномоченных» ККГ в его руководящих органах.

Недавнее снижение ставки налога на прибыль отнюдь не инициировало инновационную деятельность крупного капитала, в то же время он по-прежнему получает соответствующие «бонусы» в процессе исполнения бюджетов всех уровней. Здесь не ставится задача описания множества «пылесосов» и «насосов», с помощью которых пополняются доходы ККГ. Ясно одно — ее готовность следовать общенациональным интересам во многом является либо декларативной, либо не бескорыстной. Разумеется, дело не в конкретных личностях, входящих в «персональный состав» ККГ, а в неумолимой объективной логике ее функционирования и эволюции, которая (логика) подчиняет своей воле действия и профессионалов, и авантюристов, и порядочных граждан.

Кланово-корпоративный неовассалитет проникает и в отношении негосударственных акторов — капиталистов и наемных работников. Поскольку госкапиталистическое присвоение оттеснено ЧКВС присвоением на экономическую периферию, а го-

сударственный субактор «самостоятельный наемный работник» не свободен от влияний ККГ, постольку «дикокапиталистический» уровень эксплуатации рабочей силы (например, в отечественной черной металлургии он на порядок выше, чем таковой в ФРГ) сопровождается элементами внеэкономической зависимости — страх потери рабочего места не по профессиональным, а иным причинам, в том числе политическим, экономически немотивированные сверхурочные, примитивизация охраны труда и др. Включение наемных высших менеджеров в ККГ практически исключает их классовую солидарность с наемными работниками — непосредственными производителями продукции. Принципиальные различия их функциональных обязанностей и содержания деятельности, передача крупным капиталом менеджерам элементов и субэлементов владения и управления рабочей силой непосредственных производителей умножается на вынужденную или добровольную приверженность менеджеров нормам кланово-корпоративной этики, четко различающей «своих» и «чужих». К тому же в лучших традициях раннего полуфеодального капитализма активно культивируются внеэкономические формы конкуренции между самими наемными работниками, что отнюдь не способствует наращиванию и актуализации их инновационного потенциала.

Особую роль в усилении власти ККГ призваны играть находящиеся в ЧКВС присвоении знания, информация и средства их производства и распространения. Известное масштабное наступление на науку и образование сопровождается сужением сферы общенационального присвоения их объектов и интеллектуальных результатов. В то же время активная экспансия производимых в интересах руководства ККГ специфических знаний и информации, их добровольное или навязанное присвоение гражданами обеспечивает общественную легитимацию, пусть даже кратковременную, упомянутой трансформации присвоения.

«Процедуру» такой легитимации проходит и закрепление элементов и субэлементов присвоения объектов за персонами ККГ. Возьмем для примера объекты предпринимательской деятельности. Ключевые субэлементы распоряжения ими глава группы, как мезоэкономический актор, оставляет за собой; субэлементы владения и управления — распределяет между отдельными персонami-

представителями государственных субакторов «совокупный капиталист», «самостоятельный капиталист», «исполнитель», «чиновник» и наемными менеджерами; субэлементы пользования — закрепляет за наемными работниками; обеспечение иммунитета от экспроприации — поручает персонам, входящим в состав государственных субакторов «совокупный капиталист», «самостоятельный наемный работник», «представитель общества», «законодатели», «судьи», «силовики». Запрет на вредное использование объектов, за который от имени общества прежде всего ответственен государственный субактор «представитель общества», интересует главу ККГ лишь в меру влияния на общую величину его доходов. Их львиная доля поступает в его личное распоряжение. Из сформированного таким образом «централизованного фонда» он оплачивает услуги персон группы, имея в виду и те преимущественно теневые доходы, которые они получают по принципу «кормления». Разумеется, рассмотренный вариант закрепления элементов и субэлементов присвоения за персонami, акторами и субакторами не является единственным и неизменным. В зависимости от обстоятельств глава группы перераспределяет «полномочия» между персонami, осуществляет их ротацию и/или замену. К тому же между последними ведется жесткая конкурентная борьба за место в кланово-корпоративной иерархии, поскольку оно гарантирует доступ к соответствующим субэлементам присвоения объектов и доходам. Как водится, в такой борьбе используются разные методы, формы и инструменты, в том числе сговор, шпионаж, наущничество и т. п. Это верно и для конкуренции формируемых «целевых» ККПГ. Видимо, именно руководители этих подгрупп входят в «ядро» руководства ККГ, что отнюдь не мешает разнообразным изменениям: одни подгруппы прекращают существование и уступают место другим подгруппам; некоторые персоны покидают группу, в том числе недобровольно, а некоторые акторы или субакторы — становятся ее персонami; некоторые персоны перемещаются по иерархической «лестнице» или «по горизонтали».

Вся эта внутренняя «жизнь» ККГ, впрочем, как и ее внешняя активность, весьма далека от национальных инновационных приоритетов отнюдь не случайно. В существующих условиях менее затратной и бо-

лее прибыльной является не инновационная деятельность. Встраивание в «цепочки ценности» глобальных ТНК отвечает кланово-корпоративным, но не общенациональным интересам. Государство же, как выразитель и защитник последних, в значительной степени подконтрольно ККГ. Дело осложняется отнюдь не национально ориентированной борьбой ККГ между собой за «сферы влияния». В зависимости от условий места и времени между ККГ, их главами, персонами может доминировать какой-либо один вид связей — иерархические, гетерархические, синархические, симбиотические, коммуникативные, синтетические, конкурентные, гетерофобические при сосуществовании с другими видами. Например, в случае императивного объединения усилий ККГ против общего «противника», скажем, активистов антиолигархического движения и сторонников национализации находящихся в ЧКВС присвоении крупных объектов, между группами доминируют коммуникативные, симбиотические и синархические связи. Это позволяет согласованно мобилизовать и применять в борьбе с «противником» подконтрольные группам средства массовой информации, партии, движения, государственных субакторов, в том числе слотовиков, собственные охранные структуры («частные армии») и другие «ресурсы».

Подобным образом взаимодействуют между собой несколько объединившихся ККГ, стремящихся ограничить сферу присвоения конкурирующей ККГ. Разумеется, в обоих случаях между разными персонами разных объединивших усилия групп могут превалировать разные связи или отношения. Однако предметом этих отношений являются практически все атрибуты присвоения. Взять, к примеру, конкуренцию между ККГ, которая не прекращается даже в моменты объединения их усилий. Конечно, борьба идет прежде всего за объекты присвоения, элементы и субэлементы присвоения объектов, в первую очередь — за распоряжение объектами и доходами с них. Но, поскольку победа над конкурентом вряд ли возможна без поддержки соответствующих негосударственных экономических акторов, а также государственных социально-экономических и функциональных субакторов, то конкуренция ведется и за эти «одушевленные» атрибуты присвоения.

Таким образом, аренной жесткой конкуренции ККГ являются и национальная эконо-

мика, и политическая власть на всех уровнях: национальном, региональном, местном. Именно политическая власть позволяет ККГ использовать богатый арсенал властно-собственнических, во многом докапиталистических, механизмов и инструментов, объединить частнокапиталистическое и властно-собственническое присвоение и оттеснить в фарватер или на периферию иные ККГ, а также виды и формы присвоения, в том числе госкапиталистическое.

Украинские реалии подтверждают хорошо известную из истории закономерность — в конкурентной борьбе крупный капитал и ККГ активно используют не только экономические и политические методы и инструменты, но и религиозный, национальный, этнический, языковой и другой «неэкономический» потенциал. Поскольку же его актуализация и задействование требует соответствующих финансовых и материальных ресурсов, постольку неизбежно усиление эксплуатации наемного труда, «давления» на мелкий и средний бизнес, активизация антиинновационного ренто- и бюджето-ориентированного поведения¹²⁾, углубление регионализации национальной экономики и страны.

Отнюдь не неожиданным следствием указанных действий являются растущие масштабы маргинализации населения и соответствующее расширение социальной базы радикализма, экстремизма и терроризма. Если же учесть, что заметная часть извлекаемых и присваиваемых ККГ означенными способами доходов в конечном итоге пополняет авуары крупнейших неукраинских ТНК, которые мало чувствительны к состоянию и разрывам социальной ткани украинского общества, то становятся понятными основные причины обострения противоречий не только внутри отдельных ККГ, между разными ККГ, но и между ККГ, с одной стороны, и наемным трудом, мелким и средним бизнесом — с другой. Попытки переключения внимания последних с социально-экономических на национальные, этнические и религиозные проблемы могут иметь для указанных групп относительно непродолжительный успех, поскольку отнюдь не способствуют улучшению качества жизни большинства граждан, обеспечению их базовых прав и свобод.

¹²⁾ В данном случае речь идет о ЧКВС присвоении доходов государственного и местных бюджетов.

Таким образом, доминирование и дальнейшая экспансия ЧКВС присвоения обречены на провал, а маргинализация госкапиталистического, частнотрудового, коллективного и госформы общенационального

присвоения лишь приближают его (провала) временной горизонт. Будет ли трансформация ЧКВС присвоения эволюционной или революционной, и какие ее направления станут приоритетными, покажет будущее.

ПРЕПОДАВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ: ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Классическая политическая экономия (Classic Political Economy): авторская программа курса

Бузгалин Александр Владимирович

д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

buzgalin@mail.ru

Колганов Андрей Иванович

д-р экон. наук, профессор, зав. лабораторией
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

onaglo@mail.ru

1. Перечень планируемых результатов обучения

Студенты должны овладеть в процессе обучения:

общекультурными компетенциями (ОК):

- способностью использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции (ОК-1);
- способностью анализировать основные этапы и закономерности исторического и экономического развития общества для формирования гражданской позиции (ОК-2);
- способностью использовать фундаментальные экономические знания в различных сферах деятельности (ОК-3);
- способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия, а также для выполнения научно-исследовательских работ (ОК-4);

**общепрофессиональными
компетенциями (ОПК):**

- способностью решать стандартные и нестандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий и с уче-

том основных требований информационной безопасности (ОПК-1);

- способностью осуществлять поиск, сбор, анализ и обработку данных, необходимых для эффективного решения профессиональных задач (ОПК-2);

профессиональными компетенциями (ПК):
аналитическая, научно-исследовательская деятельность:

- способностью на основе описания экономических, исторических, политических, экологических, демографических процессов анализировать и содержательно интерпретировать полученные результаты (ПК-4);
- способностью анализировать и интерпретировать данные отечественной и зарубежной статистики о социально-экономических процессах и явлениях, выявлять тенденции изменения социально-экономических показателей (ПК-6);

педагогическая деятельность:

- способностью использовать в преподавании экономических дисциплин в образовательных организациях различного уровня существующие программы и учебно-методические материалы (ПК-12);
- способностью принимать участие в совершенствовании и разработке учебно-методического обеспечения экономических дисциплин (ПК-13).

В результате освоения дисциплины студент должен:

- Знать содержание основных понятий классической политической экономии, выделяемые этой наукой закономерности экономического развития.
- Уметь использовать категории и законы, выделяемые в классической политической экономии для объяснения экономических явлений.
- Владеть навыками применения метода классической политической экономии для понимания и объяснения как объективных экономических явлений и процессов, так и принимаемых экономических решений.

2. Место дисциплины в структуре основной образовательной программы (ООП) подготовки бакалавра

Дисциплина носит характер вводного курса и лежит в основе системы курсов, которые раскрывают потенциал гетеродоксальной экономической теории в решении проблем современной глобальной и отечественной экономики. Освоение дисциплины не требует предварительных специальных экономических знаний; ее целесообразно читать в 1–2 семестрах.

3. Желательный объем дисциплины (модуля)

2 з. е.

(В зачетных единицах. 1 з. е. = 36 академических часов.)

4. Структура и содержание дисциплины (модуля)

1. Введение.

- Политическая экономия: предмет и метод. Объективный характер производственных отношений. Производственные отношения как система. Исторический подход к экономическим системам. Диалектический метод. Вычленение многообразия экономических систем. Определение места рыночной экономики в экономическом пространстве и времени.

- Место политической экономии в системе экономических наук. Политическая экономия и другие направления экономической теории (неоклассическая теория, социально-институциональное направление, неoinституционализм, посткейнсианство и др.). Политическая экономия и Political economics.

2. Теория товарного производства, стоимости и денег. Трудовая теория стоимости. Противоречия товара. Деньги как товар особого рода. Функции денег. Историческая эволюция денег.

3. Теория капитала: содержание. Наемный труд и капитал, специфика товара «рабочая сила», производство прибавочной стоимости и эксплуатация. Капиталистические стимулы и пределы технического прогресса. Капиталистическое накопление и его внутренние пределы. Влияние капиталистических экономических отношений на экономические интересы и принятие экономических решений.

4. Теория капитала: формы. Издержки производства и прибыль, средняя прибыль. Функциональные формы капитала в процессе его обращения и экономические основы их обособления. Торговый и ссудный капитал. Процент и предпринимательский доход. Капитал-собственность и капитал-функция. Обособленное обращение титулов собственности на капитал: фиктивный капитал. Капитал и рента (природная рента, интеллектуальная рента). Взаимодействие форм капитала в современной экономике.

5. Теория воспроизводства и кризисов. Условия простого и расширенного воспроизводства. Противоречия капиталистического воспроизводства. Объективные основы кризисов и возможности сглаживания экономической конъюнктуры.

6. Экономические основы социальной структуры общества. Выделение общественных классов и противоречий их экономических интересов.

7. Историческая эволюция капитализма. Свободная конкуренция и монополия. Финансовый капитал и финансиализация. Капиталистическая глобализация мирового хозяйства. Капиталистическая форма интеллектуальных продуктов и специфика эксплуатации интеллектуального труда. Рынок симулякров.

8. Политическая экономия и влияние ее выводов на формирование экономической политики.

5. Перечень учебно-методического обеспечения для самостоятельной работы

Литература:

- *Колганов А. И.* Классическая политическая экономия. Современное марксистское направление. Тексты. М., 2012 (рукопись, размещенная на op.econ.msu.ru).
- *Маркс К.* Капитал. Т. 1 (любое издание).
- *Пороховский А. А.* (редактор) Общая экономическая теория. Вводный курс. М., 2010.
- *Рикардо Д.* Начала политической экономии... (любое издание).
- *Цаголов Н. А.* (редактор) Курс политической экономии. Т. 1. М., 1973.

6. Фонд оценочных средств для проведения промежуточной аттестации по дисциплине

Первый этап: ОК-1, ОК-2, ОК-4 (частично), ОПК-1 (частично), ОПК-2 (частично), ПК-4, ПК-6 (частично).

Оценочные средства: собеседование, призванное показать степень овладения всеми темами курса и базирующееся на итогах работы на семинарах, проведения контрольных работ и написания письменных работ (эссе).

Второй этап: ОК-3, ОК-4, ОПК-1, ОПК-2, ПК-4, ПК-6, ПК-12, ПК-13.

Оценочные средства: собеседование, призванное показать степень овладения первыми 3–4 темами курса и базирующееся на итогах работы на семинарах, проведения контрольных работ, участия в деловых играх, написания и выступления с докладами и рефератами.

Оценка проводится по принятой для данного курса шкале балльно-рейтинговой системы и предполагает набор на каждом этапе не менее 40 % от минимального числа баллов, необходимых для удовлетворительной оценки.

7. Форма проведения самостоятельной работы и текущего контроля успеваемости

Обязательным является изучение лекционного материала и выделенных в программе фрагментов из основной литературы; са-

мостоятельная работа включает также изучение дополнительной литературы и представление результатов этого изучения в виде выступлений и докладов на семинарах и во время деловых игр, а также в форме письменных эссе и рефератов.

Текущий контроль успеваемости проводится на основе учета посещаемости, активности на семинаре и во время контактных часов, участия в деловых играх, презентациях докладов, исполнении письменных работ.

Трудоемкость самостоятельной работы определяется исходя из календарного плана и ориентировочно ограничивается количеством часов, примерно равным аудиторной нагрузке по данному курсу.

8. Образовательные технологии

Самостоятельная работа студентов предполагает активное использование материалов периодической печати (экономических журналов — «Вопросы экономики», «Экономист», «Российский экономический журнал», «Эксперт» и др.), электронных баз данных по отечественной и зарубежной экономической статистике. На семинарских занятиях проводится разбор конкретных ситуаций, иллюстрирующих проявление теоретических закономерностей, выявляемых политической экономией, к реалиям современной экономики. Предусматривается широкое использование в учебном процессе таких интерактивных форм, как: ролевые игры (с делением на команды, отстаивающие позиции тех или иных групп интересов), диспуты (дискуссии), круглые столы и «мозговые штурмы» по актуальным вопросам политической экономии, анализу альтернативных путей решения существующих проблем; асоциативные эссе и блиц-опросы по ходу лекционных и семинарских занятий и другие подобные формы, способствующие формированию и развитию профессиональных навыков обучающихся. В рамках учебного курса предполагается привлечение представителей государственных и общественных организаций, ученых РАН и других научно-исследовательских учреждений, экспертов и специалистов, скайп-диалоги с известными профессорами-политэкономами из Кембриджа (Великобритания) и Университета Массачусетса (США).

9. Балльная система оценки знаний

- Выступления на семинарах, участие в семинарских дискуссиях: от 1 до 4 баллов за выступление.
- Доклады, участие в деловых играх: от 3 до 8 баллов за выступление.
- Эссе, рефераты, авторское участие в коллективном проекте: от 1 до 8 баллов за работу (всего не более 3 работ; преподаватель принимает не более 1 письменной работы в месяц; письменные рефераты могут быть представлены и в виде устного доклада на семинаре с особой оценкой за каждый вид работ).
- Положительные результаты собеседований на контактных часах: 1–3 балла за каждое собеседование.
- Письменная контрольная работа: от 10 до 20 баллов.
- Устный экзамен: от 10 до 30 баллов.

Удовлетворительно: 40–64 балла.

Хорошо: 65–84 балла.

Отлично: 85–100 баллов.

10. Материально-техническое обеспечение дисциплины (модуля)

Изучение дисциплины предполагает обеспечение студентов доступом к сети Интернет и локальной сети экономического факультета МГУ для выполнения домашних заданий и поиска литературы для написания эссе и рефератов. Преподаватели и студенты должны обладать доступом к комплексу программ Microsoft Office (Word, Excel, PowerPoint), к доступным на факультете базам данных. Предусматривается размещение комплекта учебных материалов дисциплины в виртуальной обучающей среде в электронной оболочке <http://on.econ.msu.ru> с использованием дистанционных технологий для изучения студентами электронных версий учебно-методических материалов по данной дисциплине и ведения электронного журнала текущей успеваемости студентов на технической базе Центра дистанционных технологий экономического факультета МГУ. Лекционные аудитории должны иметь оборудование, необходимое для электронной презентации материалов при чтении лекций и для обеспечения интерактивных форм работы (в том числе — скайп-связи).

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензия на книгу «Капитал в XXI веке» Томаса Пикетти

Кристель Лейн

заслуженный профессор экономической социологии Кембриджского университета

Книга Томаса Пикетти **«Капитал в двадцать первом веке»** (Издательство Гарвардского университета «Белкнап Пресс», 2014) привлекла к себе огромное внимание и заслужила высокую оценку как ученых, так и политиков, в том числе Марка Карни и Кристин Лагард. Сначала мне было сложно это понять. В книге более 500 страниц, автор часто повторяется, полно формул и графиков, которые отталкивают читателей, не являющихся экономистами.

Впрочем, как я вскоре обнаружил, затрачиваемые усилия действительно стоят того. Эта поистине новаторская книга предлагает нелицеприятную и обоснованную критику капитализма в двадцать первом веке. Пикетти рассуждает о динамике доходов и богатства начиная с восемнадцатого века, чтобы извлечь уроки на века вперед. У книги невероятно широкий размах, предлагаются систематические сравнения не только развитых и развивающихся экономик, а всей истории. При ориентации, в основном, на национальные картины он не пренебрегает и глобальными выводами. Более того, несмотря на некоторые критические замечания, которые говорят об ошибках в его расчетах, это исключительно хорошо проработанная книга. Он основывается на проверенных источниках. От всеобъемлющего анализа и выводов Пикетти не могут отмахнуться те, кто ощущают угрозу, обозначенную в анализе и политических рекомендациях книги.

Пикетти является несколько необычным экономистом, который ведет работу в традициях политической экономии и экономики как социальной науки. В этой книге нет никакого математического моделирования, и автор всегда аккуратен в указании пределов своей количественной оценки, а также осторожен в составлении своих заключений. Его текст предельно ясен (спасибо его переводчику Артуру Голдхаммеру). Кроме

того, слова о том, что литература — это зеркало общества, красной нитью проходят через всю книгу. Джейн Остин и Оноре де Бальзак, а также Орхан Памук и Нагиб Махфуз появляются в книгах немногих экономистов!

Пикетти представил два новых фундаментальных закона капитализма и раскрывает структурные противоречия, которые, хотя и присутствуют в большинстве исторических этапов капитализма, могут вырасти до такой степени, что будут угрожать подавить общество и политику в XXI веке. Центральное противоречие капитализма по Пикетти заключается в том, что доходность капитала на протяжении долгого исторического периода может быть больше, чем объем национального производства или роста, и в виде наследства обязана создать колоссальное неравенство богатства. По мере замедления темпов экономического и демографического роста (только с небольшой задержкой в странах с развивающейся экономикой) это неравенство еще более усугубляется. В то время как доходность капитала увеличится примерно до 4–5 % в ближайшие десятилетия, рост будет всего 1–1,3 %. (Темпы роста развивающихся экономик, высокие в настоящее время, остановятся, как только «догонялки» закончатся.) В результате расхождение в уровне богатства от собственности на капитал и от дохода от труда происходит в глобальном масштабе. Следовательно, первый основной закон капитализма заключается в том, что доля капитала в национальном доходе равна доходу от капитала к соотношению капитал/доход.

Исторические сравнения Пикетти — их протяженность во времени зависит от наличия данных — в основном начинаются примерно в последней четверти девятнадцатого века (но во Франции гораздо раньше). Они предполагают, что неравенство в частных богатствах, несмотря на радикальную

трансформацию структуры национального богатства, со временем угрожает возвращением к чрезвычайно высоким уровням, как в начальном периоде. Сокращение имущественного неравенства, имевшее место между 1914 и 1970, признано исключительным в связи с долгосрочными последствиями разрушения капитала во время двух мировых войн, а также в связи с высоким уровнем налогообложения, введенного в этот период. (Эти последствия, конечно, затронули главным образом Европу и Японию и имели гораздо меньшее влияние на США.) К 2010 г., несмотря на финансовый кризис 2008 г., «капитал процветал как никогда с 1913 года» (стр. 42).

Пикетти также исследует эволюцию общественного богатства и показывает, что, если учитывать национальные долги, то с момента приватизации в начале 1980-х гг. почти не осталось общественного богатства.

Что касается исторического раскола в доходе от капитала/труда, он подсчитал, что доля капитала была 35–40 % с конца XVIII и весь XIX век; она упала до 25–30 % в середине XX века и вновь поднялась до 25–30 % в конце XX – начале XXI века. Доходы от капитала такие же неравные в развивающихся странах, хотя есть небольшие различия между ними. Он ставит Колумбию и Аргентину на первое место, а Китай — на последнее.

Второй фундаментальный закон капитализма по Пикетти вводит национальные сбережения в уравнение и показывает, что в странах, которые имеют сбережения и низкий демографический рост, неравенство капиталов станет особенно заметным.

Пикетти также рассматривает неравенство доходов от труда, которое, хотя и значительное, для него меркнет в сравнении с имущественным неравенством. Что касается заработанных доходов, в 1914–1970 гг. наблюдалось значительное перераспределение доходов, что привело к росту нового большого среднего класса. Хотя рост знаний и технологий привел к значительному перераспределению доходов, в результате чего неравенство стало не столь велико, как неравенство в богатстве, и, следовательно, не так дестабилизировало демократию в долгосрочной перспективе. Он считает, что видимый сдвиг в сторону труда в этот период, несмотря на некоторые существенные изменения, должен считаться явлением исключительным. «В послевоенные годы социал-демократия создает иллюзию, что

противоречия капитализма были преодолены» (стр. 19). Капитал испытал настоящее возвращение за последний период низких темпов роста.

Но не ошибитесь, неравенство между разными классами, основанное на доходе от труда, по-прежнему большое и растет с 1980 г. Пикетти указывает на это и утверждает, что данное явление уже хорошо известно — появление суперменеджеров (его термин). Они стали особенно популярны в США и Великобритании, и их доход — в том числе опционы на акции и бонусы — ставит их сейчас в верхнюю сотню богатейших людей, они способны конкурировать в доходах от капитала с самыми богатыми рантье. Пикетти убедительно показывает, что у них неприлично высокие доходы, не основанные на каком-либо выдающемся экономическом вкладе с их стороны и не необходимые для роста. Их поощряют заинтересованные советы компаний, и их вознаграждение одобряется из-за низкого уровня налогообложения таких опытных топ-работников в период неолиберализма. Хотя Пикетти отмечает тот факт, что зарплаты не поднялись до той же степени в других развитых обществах, он не может объяснить это. Одним из объяснений, несомненно, должен быть неоднородный состав долевой собственности, когда компании в англо-саксонских странах чрезвычайно широко распространены, и поэтому акционерам сложно оспаривать такие несоразмерно высокие зарплаты. Он, наконец, показывает, что эти астрономические доходы суперменеджеров в англо-саксонских странах идут рука об руку со стагнацией и исключительно низкими доходами от труда у 50 % населения этих стран, особенно США.

В дополнение к раскрытию этих фундаментальных противоречий капитализма и описанию следующего из них неравенства в мельчайших подробностях, книга Пикетти содержит большое количество менее значимых, но тем не менее поразительных идей и выводов. В том числе: обзор самых богатых людей в мире — миллиардеров из списка Форбс; связь между неравенством и недавним финансовым кризисом; дискуссия о социальном государстве; откровение, что неравенство в США не всегда было таким высоким, а было прогрессивное налогообложение; методологическая критика работ Маркса и вывод о том, что широко используемый коэффициент Джинни для

измерения неравенства — это большое заблуждение (он смешивает доход от богатства и доходы) — это только некоторые его мысли.

Попытка придаться к этой монументальной работе кажется почти грубой. Если есть какие-либо слабые места в книге, то это в основном почти исключительный акцент Пикетти на структурных силах и его практическое игнорирование агентства, а также взаимодействия между ними. Можно также возразить, что многие его выводы не являются новыми для ученых-обществоведов, но никогда прежде они не были столь хорошо обоснованы.

И, наконец, очень важно, что Пикетти выходит за рамки выявления динамики капитализма и последующего неравенства и предлагает осуществлять политические меры для их остановки и искоренения. Это не просто рассуждения напоследок, они образуют значительную и аргументированную часть книги. Его излюбленное средство довольно просто — возвращение к прогрессивному налогообложению, заброшенному с начала 1980-х гг. Чтобы сделать такое налогообложение всеобъемлющим и справедливым, требуется исключительно широкая информация о том, кто что зарабатывает, и эта информационная база должна быть практически глобальной. Национальному государству уже не до сбора такой информации в период обширной собствен-

ности иностранного капитала, не до реализации прогрессивного налогообложения, учитывая сильную налоговую конкуренцию между государствами. Он опасается, что глобальный подход может быть утопичен, но считает, что он может служить репером, к которому надо стремиться. Пикетти предлагает начать в таких крупных странах, как США и Китай, а также в ЕС, соответствующим образом преобразованных, чтобы стать адекватными задаче. Он говорит о специфических ставках прогрессивного налогообложения, которые должны быть наложены на различные уровни иерархии по богатству и доходам, и показывает различные эффекты от них. Пикетти ожидает разгневанное опровержение его анализа и ответные политические меры и отмечает, что его предложения гораздо менее радикальные, чем у Маркса. Они являются либеральными по направленности и сохраняют предпринимательство при остановке дальнейшей эскалации неравенства, которое грозит подорвать стабильность демократии и, следовательно, сам капитализм. Пикетти показал себя не только суперэкономистом, но и опытным политиком. Неудивительно, что его мысли нашли отклик даже на самых высоких политических уровнях. Можно только надеяться, что его работа реально повлияет на принятие его политических рекомендаций.

Эссе о Перформансе по поводу книги «Глобальный капитал»

(о презентации книги А. В. Бузгалина и А. И. Колганова
«Глобальный капитал»

29 октября и 1 декабря 2014 года)

Эпштейн Давид Беркович

д-р. экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ
экономики сельского хозяйства Российской академии сельскохозяйственных наук

Примерно в первой неделе октября я увидел на сайте «Альтернативы» объявление о том, что в конце месяца состоится несколько мероприятий научного плана, проводимых «Альтернативами» совместно с другими организациями. В их числе были конференция в РГАСПИ, посвященная 200-летию со дня рождения Женни Маркс, и семинар в Институте экономики РАН «Обновление демократического левого проекта». Но я был в тот период очень занят текущей работой в своем институте, поэтому поездка показалась маловероятной. Но еще через несколько дней на том же сайте появилось объявление, что 29 октября в МГУ, на кафедре политэкономии состоится презентация 3-го издания монографии А. В. Бузгалина и А. И. Колганова «Глобальный капитал» (М.: УРСС, 2014, в 2 томах), а также будет представлен доклад авторов книги «Постсоветская школа критического марксизма: *differentia specifica*». Это не могло не быть интересным, тем более что политэкономия была моим увлечением примерно с третьего–четвертого курса матмеха, то есть уже лет... почти пятьдесят. Подумав, я решил, что несколько дней на поездку, пожалуй, можно выкроить. Поэтому, когда Александр Владимирович пригласил меня принять участие в презентации, я с удовольствием согласился. Тем более что это мероприятие было связано с 60-летием А. В. Бузгалина.

Презентация 29 октября проходила в новом корпусе экономического факультета — высоком современном здании, как будто сделанном из стекла. В здании было приятно находиться — большие широкие вестибюли,

светло, просторно, чистенько... структура помещений на всех этажах одинаковая... И какая прекрасная столовая (для бегающего по Москве командированного это очень актуальный объект) с ценами в два–три раза ниже недорогого кафе!

Когда я попал в зал, где должна была состояться первая, официальная часть презентации, то понял, что едва не опоздал: в углу входа стоял столик с толстыми серыми двухтомниками, с красными и синими корешками, но число их на глазах уменьшалось, так как к столику все время подходили солидные, в основном бородатые дяди средне- и пост-пенсионного возраста, бросали на стол зелененькие тысячерублевки и уносили по две книги. Оценив обстановку, я купил желанный двухтомник и пошел в сторону доски, где замкнутым прямоугольником были выстроены студенческие столы. Занял место слева от линии президиума. Скоро и другие участники дискуссии начали занимать места: кто-то за столами этого прямоугольника, а кто-то сзади, на скамьях для зрителей.

За первым столом собралось, как оказалось, несколько крупных величин экономической науки России — я назову их позже. Этот методологический семинар должен был проходить в форме предзащиты пост-докторской диссертации (как известно, такой степени в академической табели о рангах пока нет), поскольку оба автора уже давно доктора экономических наук. Но постдок — звучит хорошо, почти как постдока, тот, кто уже стал докой и пошел дальше в своей науке. Правда, на Западе постдок — это всего лишь позиция в штатном

расписании для тех, кто только что защитил кандидатскую диссертацию — Ph. D.

А собственно защита должна была пройти после этого семинара, который в приглашении официально носил название: «Методологический семинар Постсоветской школы критического марксизма (обсуждение книги А. Бузгалина и А. Колганова „Глобальный капитал“»).

И началось... Сначала, естественно, выступили авторы книги. Нет никакой возможности изложить в этом очерке выступление авторов и их основные идеи. Поэтому я приведу лишь два абзаца из многостраничного предисловия к книге, чтобы читатель, не знакомый с трудами Бузгалина и Колганова, мог почувствовать их терминологию и разрабатываемые проблемы:

«...Не только реактуализация методологического наследия марксизма прошлого и позапрошлого веков является задачей этого тома... Мы дополняем это наследие разработкой диалектики трансформаций, генезиса и „заката“ общественных систем, а также диалектикой сетевых структур и со-творчества. В первом случае для нас самым важным и одновременно сложным был показ диалектики реверсивного социального движения, регресса, инволюции и раскрытие специфических противоречий, вызывающих нелинейности трансформаций. Эта методология в следующем томе будет непосредственно использована нами для исследования процесса „заката“ капитализма и нелинейной диалектики э/ин-волюции товара, денег и капитала. Во втором — в раскрытии специфики диалектики сетевых структур — мы постарались показать специфику противоречий этих социальных образований, что также прямо „работает“ в следующем томе, где мы раскрываем природу сетевого рынка, виртуальных денег, новых принципов социальной организации и структуризации позднего капитализма...

Мы доказываем, что эксплуатация творческого работника есть присвоение не столько созданной им прибавочной стоимости, сколько некоторой доли всеобщего творческого труда человечества, всеобщего культурного богатства, распределенного данным работником. Этот результат, присваиваемый, как правило, не [креативным] работником, а субъектом интеллектуальной собственности (корпорацией), не имеет стоимости, но имеет некоторую цену, что позво-

ляет собственнику креативной корпорации получать т. н. интеллектуальную ренту.

Не менее важным моментом, раскрываемым в этой части, является показ системы отношений формального и реального подчинения капиталом не только рабочей силы, но и личностных качеств человека, в частности, его свободного времени.

На этой основе мы показываем новые аспекты отношений воспроизводства капитала, что позволяет вывести новую форму закона всеобщего капиталистического накопления, показать существенные изменения в структуре общественного воспроизводства (в частности, выделить наряду с материальным производством бесполезный [превратный] сектор и креатосферу) и социальной структуре позднего капитализма. Последнее дает основания для важных выводов о трансформации социального слоя, несущего на себе историческую миссию снятия власти капитала...»

Такова была краткая суть доклада авторов. После сравнительно небольшого количества вопросов к докладчикам выступать начали «члены диссертационного совета». Ведущий предоставлял слово по порядку слева от себя, по часовой стрелке. И пошли выступления, которые были отнюдь не хвалебными... Сказав несколько слов о грандиозности замысла авторов и похвалив за стремление следовать марксистскому методу, выступающие переходили к довольно жесткой критике по принципу «а здесь нет того-то»... Запомнилось, что Рустем Махмутович Нуреев, автор известных учебников по теории экономического развития, микроэкономике, институциональной теории, напирал на то, что Бузгалин и Колганов не ссылаются на таких-то зарубежных авторов. И он назвал, насколько я помню, с десяток имен. А еще он подчеркнул, что в книге не используются математические методы и вообще нет эконометрических моделей и даже упоминания эконометрики и... нет чего-то еще, что я не запомнил.

Следующий за ним, Георгий Джемалович Гловели, проф. Высшей школы экономики, д. э. н., тоже сделал упор на то, что в обсуждаемой книге много чего нет. Кто-то вспомнил, что автор не упомянул книгу С. Меншикова «Анатомия российского капитализма»...

Критика явно строилась, во-первых, по принципу «чего нет в работе», и, во-вторых, замечания шли вне русла марксистской

парадигмы, то есть с точки зрения не вполне адекватных работе критериев. Мне надо было выступать через одного после Гловели, и я стал набрасывать на листке бумаги, что надо сказать. Накануне я готовился к несколько иному ходу обсуждения... а тут явно требовалось перевести его в новое русло, когда обсуждают не то, что не сделали авторы, а именно то, что они сделали. И я решил пойти методом «от противного», то есть слегка окарикатурить подход «в книге нет и вот этого...».

Я начал с того, что, в духе традиций советской идеологической критики, я эту книгу не читал, но буду критиковать, причем жестко. По улыбкам и по небольшому шуму в зале понял, что мой посыл был понят правильно. «И вообще, — сказал я, — можно утверждать, что в этой книге намного меньше того, что есть, чем того, чего в ней нет». Это шуточное утверждение я мог легко доказать, но нужны были конкретные примеры, позволяющие постепенно на юмористической волне переходить к позитивной оценке, которой идеи авторов, которых я давно знал, заслуживали.

Как раз за пару недель до этого я читал большую по объему и по-своему интересную книгу М. Полторанина «Власть в тротильном эквиваленте» о том, как автор сначала всю сотрудничал с Ельциным в разрушении СССР и экономики России, а потом понял, что тот работает не на страну. Но на кого же? А, оказывается, на Бнай Брит. Это, по Полторанину, такая сионистско-масонская организация, которая где-то в 1945–1946 гг. как раз захватила власть на Западе и делает все, чтобы подчинить себе и разрушить Россию. И весь мир, конечно, кроме США и ЕС. Она устраивает революции, войны, перестройки, кризисы, известное из фольклора отсутствие воды в кране и т.д., и т.п.

И вот, я сказал, что согласен с предыдущими выступающими в том, что в книге много чего нет — нет экономико-математических моделей, нет эконометрики, нет упоминания многих авторов. Но это все цветочки. В ней нет упоминания о Бнай Брит! «Вы знаете, что такое Бнай Брит?» — спросил я Бузгалина. «Нет», — ответил он. «Ну вот, — сказал я, — Михаил Полторанин пишет, что они управляют миром, притом и капиталистическим миром, о котором пишут Бузгалин и Колганов, а в книге об этом ничего нет!»

«Более того, — добавил я, — в книге нет ничего о такой важнейшей материи, как зернопроизводство, свиноводство, и вообще ни слова об экономике сельского хозяйства, где автор этих слов является большим специалистом...»

Когда улыбки в зале стали совсем уж откровенными, я решил, что пора перейти к существу проблемы, и остановился на том, что в книге есть и то, что, по-моему, составляет одно из достоинств книги.

И далее я остановился на особенностях метода Бузгалина, который давно поражает меня своей математичностью, умением работать на высоком уровне абстракции и получать новые, очень содержательные результаты. Он делает упор на такие понятия, как социальное отчуждение, ассоциированное социальное творчество, креатосфера (как сфера творческой деятельности — науки, культуры), связывая с процессом ее развития перспективы поэтапного социального освобождения и перехода к коммунизму.

Бузгалин всегда видит реальность в многомерности переплетения огромного числа противоречий. И это при том, что его метод полностью отвечает методу «восхождения от абстрактного к конкретному», выработанному Марксом. Подробнее эти мои соображения можно посмотреть на сайте «Альтернативы»: www.alternativy.ru/ru/node/11217.

В порядке некоторой критики я сказал, что мне не кажутся убедительными надежды на работников креатосферы как на передовой слой общества. Но в целом, подчеркнул я, обсуждаемый труд, безусловно, событие не только для марксистского направления, но и для всей российской экономической мысли. А поскольку мы присутствуем на предзащите, то, если бы пришлось голосовать, то я, безусловно, проголосовал бы за рекомендацию работы к защите на соискание ученой степени пост-дока.

После меня выступал профессор В. Т. Рызанов, зав. кафедрой экономического теории экономического ф-та СПбГУ. И хотя он тоже сделал некоторые критические замечания, в частности, о том, что в книге, на его взгляд, отсутствует понятная граница между «царством необходимости» и «царством свободы», в целом он хвалил книгу и авторов. Хвалил за то, что авторы действительно смогли объяснить многие явления современного мира, мира глобального капитала и борьбы с ним.

После Рязанова выступило еще три или четыре человека, но все это были позитивные оценки подходов Бузгалина и Колганова и выводов, сделанных ими.

В какой-то момент ведущим было, наконец, объявлено голосование о допуске работы к защите и единогласно принято решение — допустить. Далее ведущий сообщил, что сама защита на пост-дока состоится в другом помещении, и всем желающим, а также оппонентам и тем, кто хочет выступить, необходимо пройти в соответствующий зал на первом этаже.

Зал оказался очень большим. К тому времени, когда участники предзащиты спустились туда, он был уже заполнен, причем в основном молодежью — студентами, аспирантами, преподавателями...

Вел защиту Георгий Николаевич Цаголов — д. э. н., проф. Международного университета в Москве, автор ряда книг о современном империализме, зависимом развитии России и т. д. Он начал с того, что сообщил, что все участники и слушатели встречи являются членами диссертационного совета и по завершении обсуждения смогут, если захотят, проголосовать тайным голосованием за присуждение ученой степени пост-дока или против него. Была избрана счетная комиссия, в которую вошли Б. Ф. Славин (д. ф. н., проф.), Г. Д. Гловели и Д. Б. Эпштейн.

Цаголов сообщил, что официальными оппонентами в ходе защиты будут чл.-корр. РАН, д. э. н., проф., директор Института экономики РАН Р. С. Гринберг, проф., зав. кафедрой экономической теории экономического ф-та СПбГУ В. Т. Рязанов, зав. сектором политэкономии ИЭ РАН проф., д. э. н. М. И. Воейков, чл.-корр. РАО, д. ф. н., проф., 1-й зам. пред. Комитета по образованию Государственной Думы РФ О. Н. Смолин, а представителем ведущей организации выступает белорусский ученый, зав. каф. экономической теории БГУ, проф., д. э. н. П. С. Лемешенко.

Очевидно, все было построено одновременно и очень серьезно, и с юмором, что подтверждало, что профессора тоже очень любят играть и им этого немного не хватает. Здорово придумали это Л. А. Булавка и А. В. Бузгалин! — подумал я... Марксизму юмор не помеха!

Затем слово было предоставлено Бузгалину и Колганову для сообщения об основных результатах исследования, потом пошли

вопросы, выступления оппонентов, все как на настоящей защите, с той лишь разницей, что немало защит обычно проходит довольно скучно, а здесь раскрепощенные профессора часто шутили. О. Н. Смолин, например, мимоходом сказал авторам в своем отзыве: «Я не знаю, кто из Вас Маркс, а кто Энгельс...» Дело в том, что Бузгалин уже сообщил всем, что на первом или на втором курсе обсуждал с Колгановым необходимость написать современную версию «Капитала». Но молодежная аудитория шутики понимала и отзывалась смехом или улыбками. При этом выступление Смолина было еще и очень серьезным: например, его мысль об элементах социализма в современном капитализме как элементах будущего в настоящем показалась мне весьма важной... Была и другая, невеселая мысль: «Мы не можем исключить вариант самоуничтожения цивилизации на определенном этапе».

Но в заключение, оценив методологический вклад книги, он предложил присвоить звание пост-доков соискателям не только по экономике, но и по философии. И процесс пошел... Не буду описывать его во всех деталях, так как не позволяет объем публикации. Приведу лишь характеристики авторов, данные в ходе обсуждения некоторыми выступающими. Начну со слов декана экономического факультета МГУ, проф., д. э. н. А. А. Аузана. Он сказал, в частности: «Эти диссертанты обладают замечательным качеством. Это люди, которые никогда не характеризовались какой-то корыстностью, а лишь индивидуальной ангажированностью, но исключительно в общественно полезных направлениях... Они обладают магнетическими свойствами... Посмотрите, какое количество людей в этом зале... Все члены ученого совета притянуты обаянием этих двух ученых... Еще два свойства. Бузгалин и Колганов никогда не кричат о своих многочисленных заслугах, что это сделали они... Отсутствие собственности — вот что характерно для них. Это заслуживает признания и широко распространения... И широта личности. А. Колганов, например, написал несколько романов... почитайте, увидите, какой он интересный писатель».

А вот что сказал Ю. М. Осипов, д. э. н., проф. МГУ, зав. лабораторией философии хозяйства: «...Бузгалин создал свою международную империю... Перед нами не просто профессор, не просто ученый, а выдающийся

ся человек и выдающийся организатор. Попробуйте найти человека с такой широтой, активностью... Бузгалин — создатель интеллектуально-политического пространства... Не каждому это дано. Это хотел подчеркнуть». Также много добрых слов в адрес авторов сказали В. Н. Шевченко, д. ф. н, гл. н. с. Института Философии РАН, С. С. Губанов, д. э. н, проф., гл. ред. журнала «Экономист» и др.

Итоги тайного голосования (по всем правилам, с бюллетенями и урной) были в пользу присуждения искомой ученой степени пост-док: из 146 проголосовавших участвовавших (членов общественного диссертационного совета) 141 человек был за, 3 — против, 2 бюллетеня были признаны недействительными. В результате общим решением, проект которого зачитал Г. Д. Гловели, звание пост-дока исторических наук было присвоено А. И. Колганову, звание пост-дока философских наук — А. В. Бузгалину, и им обоим — звание пост-дока экономических наук («одно на двоих» — цитата из выступления Гловели).

Подробную запись Перформанса можно посмотреть по адресам:
<http://www.alternativy.ru/ru/node/13008> или
<http://www.alternativy.ru/ru/node/12616>.

Остается добавить, что обсуждение книги «Глобальный капитал» в Санкт-Петербур-

бургском государственном университете 1 декабря 2014 г. прошло в том же позитивном ключе и закончилось положительной оценкой работы. Оно проходило на кафедре экономической теории экономического факультета СПбГУ. Выступали при обсуждении д. э. н., проф. СПбГЭУ Миропольский Д. Ю., д. э. н., проф. СПбЭУ Газизуллин Н. Ф., д. ф.-м. н., проф. СПбПУ Чабанов В. Е., д. э. н., проф. СПбГУ Широкопад Л. Д., проф., д. э. н., зав. кафедрой экономической теории СПбГУ Рязанов В. Т., д. э. н., проф. СПбГУ Б. И. Соколов, д. э. н., проф. ИНИОН РАН А. П. Гудыма, д. э. н., проф. Эпштейн Д. Б., к. э. н., доцент СПбПУ Базжина В. А.

А после презентации книги «Глобальный капитал» ее участники собрались на кафедре экономической теории и обсудили планы будущего сотрудничества в отношении совместных мероприятий с кафедрой политэкономии экономического факультета МГУ и, более широко, совместных действий ленинградских и московских ученых-экономистов по выработке такой экономической политики, которая позволит реально пойти по пути возрождения страны, в интересах всестороннего и полного развития всех слоев ее населения.

Обращение к авторам

Учитывая стоящие перед редакционной коллегией журнала задачи, приглашаем к диалогу ученых разных стран и школ, представителей разных поколений — всех тех, кому небезразличны судьбы классической политэкономии, ее современных течений и направлений.

Наш журнал планируется включить в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (ВАК), а также в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), в соответствии с этим будут предъявляться жесткие требования к качеству и оформлению предлагаемых материалов.

В рамках журнала планируется опубликовать:

- фундаментальные теоретические и методологические исследования в области политической экономики;
- работы, соединяющие теоретические исследования в области политической экономики с анализом проблем практики и рекомендациями в области экономической политики;
- исследования в области истории экономической жизни и экономической мысли;
- материалы, содействующие развитию преподавания политической экономики (программы и учебно-методические комплексы по политэкономии);
- дискуссионные статьи, специально ориентированные на полемику с опубликованными материалами;
- фрагменты произведений великих политэкономов, чьи тексты вошли в сокровищницу мировой экономической мысли;
- рефераты, обзоры и рецензии наиболее значимых политэкономических работ, публикуемых как на русском, так и на других языках;
- творческие исследовательские работы молодых ученых и др.

Требования к рукописям:

1. Рукописи научных статей представляются в журнал в виде файла формата MS-Word (с расширением doc). Шрифт Times New Roman, кегль 12, ключевые слова, аннотация, сноски — кегль 9. Фамилия автора - 12-й, заглавные, название статьи — заглавные жирные. Поля: верхнее — 1 см, левое — 2, нижнее — 1,2, правое — 1,5 см. Межстрочный интервал — одинарный.
2. В начале статьи дается следующая информация: фамилия, имя, отчество автора (или авторов через запятую) на русском и английском языках, название статьи (на русском и английском языках), краткая аннотация на русском и английском языках (не более 10 строк); ключевые слова на русском и английском языках (не более 10 слов).
3. Список литературы в конце статьи и ссылки на нее в тексте статьи должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.
4. После текста статьи (в том же файле) авторы указывают: полностью Ф.И.О., полные наименования ученых степеней и званий, должностей каждого автора, полные наименования организаций, где авторы работают, и их адреса, контактные телефоны и e-mail.
5. Размер статьи не должен превышать одного печатного листа — 40 000 знаков с пробелами. Рекомендуемый средний объем статьи — 20 000 знаков с пробелами.
6. Присланные статьи подлежат рецензированию. Решение об опубликовании статьи в журнале принимается с учетом результатов рецензирования. Рукописи не возвращаются. При отклонении статьи замечания рецензентов и редколлегии авторам не сообщаются.
7. Редакция оставляет за собой право не ставить авторов в известность об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер.
8. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.